

М. КРОУН

КАЗНЬ

КОРОЛЕВЫ

АННЫ

М. Кроун
Казнь королевы Анны
Серия «Женские лики
– СИМВОЛЫ ВЕКОВ»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28515847

*Казнь королевы Анны: Роман / Пер. с англ. М. Воронова.: Мир книги,
Литература; Москва; 2009
ISBN 978-5-486-02997-4*

Аннотация

Имени англоязычного писателя М. Кроуна не удалось отыскать ни в «Британской энциклопедии», ни в пятитомной «Истории английской литературы», ни даже в Библиотеке конгресса США. Единственный литератор – однофамилец автора, англичанин John Crowne (1641–1712), такого произведения не писал. В связи с этим стоит сказать несколько слов об издателе этой книги, вышедшей в 1879 г. Михаил Николаевич Воронов (1851—?) – редактор и издатель журнала «Изумруд», представлявшего собой сборник переводных романов, путешествий и рассказов большей частью второстепенных писателей; издавался в Москве, 6 раз в год, с 1878 по 1882 г. Остается предположить, что либо автор романа был действительно «второстепенен» до полной неизвестности, либо имеет место литературная мистификация,

когда издатель выдает собственное сочинение за иностранный перевод. Тем не менее роман «Казнь королевы Анны», автором которого значится М. Кроун, был популярен в России в конце XIX в. и неоднократно переиздавался. В нем повествуется о судьбе провинциальной дворцовой блудницы Анны Болейн, благодаря своему коварству и распутству ставшей на недолгое время королевой Англии, чтобы быть в свою очередь преданной, низложенной и казненной своей молодой соперницей красавицей Сеймур и некогда любимым мужем Генрихом VIII.

Содержание

Глава I	6
Глава II	31
Глава III	41
Глава IV	62
Глава V	69
Глава VI	78
Глава VII	96
Глава VIII	101
Глава IX	118
Глава X	128
Глава XI	142
Глава XII	151
Глава XIII	159
Глава XIV	167
Глава XV	178
Глава XVI	182
Глава XVII	189
Глава XVIII	206
Глава XIX	217
Глава XX	227
Глава XXI	237
Глава XXII	249
Глава XXIII	264

Глава XXIV	272
Глава XXV	277
Глава XXVI	282
Глава XXVII	289
Глава XXVIII	299
Глава XXIX	313
Глава XXX	323
Глава XXXI	331
Глава XXXII	341
Глава XXXIII	346
Глава XXXIV	359
Глава XXXV	366
Глава XXXVI	373
Глава XXXVII	375
Эпилог	395

М. Кроун

Казнь королевы Анны

Глава I

Царь мрака

Время близилось к полуночи. Сатана летел быстро, стремительно в беспредельности заоблачного пространства. Земной шар тонул в непроходимом мраке, а высоко над ним блестели мириады светил, таинственных миров, которых не достигла даже мысль человека.

Владыка ада не мог оторвать взгляд от этого торжественного, величественного зрелища, и в нем вспыхнуло ярче чувство смертельной ненависти к Создателю Вселенной.

Он вдруг остановился, и его исполинские, чудовищные крылья раскинулись по воздушным волнам и замерли в полнейшей неподвижности.

Царь Тьмы взглянул на солнце: оно как будто погружалось в дремоту и втягивало в себя огненные лучи; он окинул взглядом и полную луну, и золотые звезды, горевшие на небе, и не сдержал восторженного восклицания.

– Этот волшебный мир – творение Его рук! – произнес сатана с яростью.

Он не мог произнести имя Господа – оно жгло ему губы.

– Да! – продолжал он с тем же суровым озлоблением. – Он создал эти дивные, таинственные страны; Он присвоил себе верховное владычество над Вселенной, а мне отдал только темные бездны. Зная о моих темных помыслах, Он ограничил мою волю и сковал силу. Моя судьба плачевнее, чем судьба человека – ничтожного творения, возникшего из праха, чтобы обратиться в прах; последний вправе относиться ко мне с полным пренебрежением, если он не поддастся никаким искушениям; мне нет прощения, он же, прощаясь с жизнью, прожитой в беззакониях, должен лишь воззвать к Создателю, и раскаяние снимает с него все преступления!

Опустившись ниже, сатана сел на облако и погрузил взор в непроницаемый мрак, окутавший Землю.

– Ночь – славная пора, – прошептал он со злорадством. – Это пора разгула всех порочных склонностей, которые свойственны человеку: преступная любовь, предательство, измены, убийства, грабежи, засады и дуэли – этот бич человечества, когда людское самолюбие превращает чувство задушевной приязни в жажду крови и мести. В освещенные залы входят под звонкие песни, скандальные оргии; азартные игры собирают своих приверженцев, и темные притоны, где минута решает участь человека, наполняются светом и суетой; золото лежит грудками на карточных столах, и вокруг них толпятся люди с бледными лицами и горящими глазами. А число тех, кто умрет сегодняшней ночью, особенно ве-

лико, и среди них немало личностей, занимавших прекрасное положение в обществе. Заглянем в этот дом с мраморными лестницами, уставленными статуями и дорогими тропическими растениями. На шелковых подушках молочной белизны, под темно-алым пологом из лионского бархата лежит седой дипломат, отходящий в вечность. Не пройдет и двух минут, как он предстанет перед грозным судилищем, где ему придется держать ответ за интриги и предательства своей гнусной политики. А там – богач, ворочавший миллионами, умирает, окруженный своими земными сокровищами. Яркий свет канделябров освещает его лицо, искаженное мукой и беспредельным ужасом. Ликуй, мой темный ад, это твоя добыча! Его казна и сердце были всегда закрыты для бедных и страждущих! Ничей вздох не проводит отходящую душу, и ничья молитва не смягчит приговор, который покарает адское бессердечие этого человека. У изголовья стоит его наследник – он еще полон жизни, но мне известно будущее моих земных рабов: он кинется, как коршун, на золото отца и расточит его в попойках и разгуле; но смерть срывает его в расцвете лет, и у него останется от всех сокровищ только богатый саван, если жадный могильщик не сочтет его роскошью, совершенно излишней для остывшего трупа.

Сатана задумчиво помолчал, затем продолжил после минутной паузы:

– Вот еще смертный одр, но все здесь выглядит иначе. Тусклый свет ночника не в силах разогнать непроглядный

мрак в тесной и сырой каморке; на железной кровати с изодранным матрасом в предсмертных муках корчится убежденный атеист. Для него нет спасения – он осужден заранее. Но что это? Дверь открывается, и к нему входит женщина с печальным, прекрасным и спокойным лицом; она тихо склоняется над ложем умирающего и старается вызвать в очерстевшем сердце раскаяние. Он обращает к ней угасающий взор, и в нем светится чувство, ему прежде не свойственное. Появляется священник с распятием в руках; он подходит к одру смирившегося грешника и дарует ему после короткой исповеди полное отпущение всех его прегрешений – вольных и невольных.

По лицу умирающего промелькнула спокойная и ясная улыбка... Его дух отлетел с последним вздохом... Он уже в царстве славы, уготованном Богом всем любящим Его...

– Этой женщине стоило сказать несколько слов, чтобы смягчить это сердце, окаменевшее от долгого и упорного неверия, и отнять у меня законную добычу! – проревел сатана, задыхаясь от бешенства. – Она уже не раз вырывала у меня из рук рабов моих! Будь она проклята, эта Благотворительность! Христос призвал ее к подножию креста и заповедал ей облегчить все печали человечества. Творец, Твое могущество превышает мое! Я это сознаю, но ненависть к Тебе разгорается больше от сознания моего бессилия перед Твоей властью.

Глаза владыки обратились с угрозой на спокойное небо:

он взмахнул гневно крыльями и стал в ту же минуту опускаться на землю, словно ястреб, который устремляется на добычу.

Перед ним промелькнули неприступные горы и шумные потоки, обширные пустыни, обожженные солнцем, страны, города и столицы, и хотя на земле свирепствовали голод и мор, они не привлекли внимания сатаны. Он пролетел, как молния, когда она пронзает неподвижную тучу и озаряет сразу и запад и восток, и сдержал свой полет над берегами Англии, погруженной во влажный и глубокий туман. Окинув страну холодным и безучастным взглядом, сатана опустил-ся на вершину большого отлогого холма, в одной из самых дальних местностей королевства.

На нем возвышался древний, величественный замок с зубчатыми стенами и высокими башнями; исполинское здание стояло на самом берегу глубокой, но спокойной реки; за ней тянулись вдаль цветущие равнины и богатые села, а вековые леса оведали прохладой это замечательное родовое поместье одной из самых древних и известных фамилий Англии.

На его массивных дверях, окованных железом, красовался герб непобедимых Перси: лев с косматой гривой – символ чести и мужества – стоял на задних лапах; царь зверей поднял кверху свою умную голову и открыл свою страшную, воспаленную пасть, как будто ожидая приближения врага; спокойная отвага, которая исходила от неподвижно засты-

шего льва, его одиночество на голубом поле герба по воле случая вполне верно олицетворяли и нравственные достоинства, и земной удел последнего потомка угасающего древнего и доблестного рода.

Сатана облетел исполинское здание с зубчатыми стенами и высокими башнями, и мрачное лицо его побледнело от злобы: он повис на мгновение над светлыми водами неподвижной реки и проскользнул без шума к высокому окну – это было единственное из многих окон замка, которое светило в эту глухую пору. Уцепившись когтями за подоконник, сатана с глубочайшим вниманием уставился на разноцветные стекла массивных рам.

Он увидел обширную и высокую комнату, озаренную светом алебастровой лампы. У яркого огня, пылавшего в камине, в кресле сидел мужчина представительной и прекрасной внешности, с длинной остроконечной бородой. Его ноги покоились на большой волчьей шкуре; он был в глубоком трауре. Человек этот был еще крепок и молод, но яркий румянец юности на его лице заменила матовая белизна, переходящая в бледность; его черные, слегка вьющиеся, глянцевые волосы спадали на затылок из-под бархатной шапочки, прикрывающей темя; на широкой груди блестела золотая массивная цепочка превосходной работы.

Он казался печальным и смотрел на огонь, но мысли этого человека витали, очевидно, далеко.

– Я не смог вызвать в нем ни малейшего ропота, – про-

шептал сатана, злобно и мрачно глядя на его симпатичное и грустное лицо, – хотя и не щадил ни усилий, ни средств, чтобы восстановить его против Творца. Я сгубил безвозвратно его земное счастье, я отнял у него надежды. Он пытался бороться, и победа осталась не на моей стороне: я обольщал его страстями – он не поддался им. Я вонзил в его сердце острое жало ревности – но он вырвал его, облитое кровью, и отрекся от мщения у подножия креста. Я пробовал не раз вселить в него сомнение – он призывал на помощь свою твердую веру во всемогущество Божье и был неуязвим. Я терзал беспощадно этого человека: ни один светлый луч не упал на его грустную, одинокую жизнь – и дружба, и любовь, и семейное счастье остались для него лишь пустым звуком. Но все мои усилия не привели к желаемому результату: с его губ не слетело ни проклятия горькой судьбе, ни жалобы на Создателя.

Глаза владыки ада сверкнули в темноте, как два горячих угля; уступая порыву непосильного бешенства, он вонзил в тело свои острые когти, и несколько капель крови попало на стекло; предание утверждает, что ничто не могло уничтожить эти багровые брызги.

Но каковы бы ни были те великие силы, которые природа дарует своим избранникам, а близость искушителя начала угнетать его жертву: ужасное смущение охватило Генри Перси, какой-то странный холод сковал его члены, сердце заныло тревожно и болезненно и перестало биться.

– Что со мной, боже мой! – воскликнул он с испугом. –

Это яркое пламя не дает тепла... Я не могу дышать... кровь застывает в жилах... Неужели я способен поддаться этой слабости и свалиться без чувств? Гарри, дай мне вина!

Но никто не отозвался. Поняв, что его старого и верного слуги не было в комнате, лорд Перси встал не без усилия и подошел к изящному резному буфету, который стоял под большим балдахином в другом конце зала; в нем было несколько очень широких полок, покрытых полотняной, белой как снег тканью с кружевной отделкой.

На них стояли блюда с паштетами и дичью и пирамиды сочных оранжерейных фруктов, целая батарея бутылок и стаканов, сосудов из металла и слоновой кости и коллекция кубков всевозможных размеров.

Лорд Перси взял одну из самых драгоценных и тяжеловесных чаш и, наполнив ее до краев вином, вернулся и сел, как прежде, у камина.

– Всегда один! Что может быть ужаснее! – произнес он печально.

Сатана читал в сердце своей несчастной жертвы и задрожал от радости.

За оконной рамой раздался легкий треск, но Перси погрузился в глубокое раздумье и не слышал его.

– Бог создал человека не для одиночества, – продолжал он все с той же мечтательной грустью. – Мир кажется пустыней, когда не слышишь голосов живых существ. Огонь в камине греет, когда дом оживляется присутствием семьи и песнями

детей. Крики новорожденного заставляют невольно думать о будущем. Блажен тот, кто имеет семейство и детей! Жизнь отказала мне в этом великом даре; мои земные радости осыпались, как лепестки цветов, оставив обнаженный, полуиссохший стебель... Куда я дел вино?..

Перси отпил глоток из драгоценной чаши и, слегка приподняв ее, стал молча любоваться чудесной работой.

На нижней ее части был изображен дракон, уснувший в букете маковых цветов, листья которых падали на его безобразное чешуйчатое тело; крылья его поддерживали объемистую чашу из горного хрусталя с легкими инкрустациями из жемчуга и золота; хвост страшного дракона обвивал чашу доверху и спускался вниз причудливыми изгибами; на свободном пространстве между лапами дракона была выгравирована старинным шрифтом коротенькая надпись: «Я дарую забвение!» Верхнюю часть сосуда отделяла от нижней металлическая лента с фантастическим бантом, украшенным гербом благородных, неустрашимых Перси – лев с разинутой пастью приподнимал кверху графскую корону, унизанную крупными, сверкающими бриллиантами.

Нужно заметить, что художники того времени не придавали, видимо, никакого значения обработке подобных драгоценностей, их шлифовке: они, конечно, думали, что их уникальность и ценность исключают необходимость искусственной отделки.

Генри Перси хотел было выпить еще глоток, но в ту же

минуту почти с отвращением отвел чашу от губ.

– Нет! Я не в силах пить! Ты не дашь мне забвения! – прошептал он с тоской и поставил на столик около камина сверкающий сосуд. – Ты лжешь! – продолжал граф. – Ты не дашь мне желаемого. Я пришел к убеждению, что мне не найти покоя в этой жизни! Бог создал человека вовсе не для земли... не для того, чтобы пить и питать это тело, которое раньше или позже разрушается, эту глину, которая высыхает и валится на землю. Нет, во мне есть иное существо – моя душа, над которой не властны законы разрушения, мое сердце, исполненное беспредельной любви, мой разум, отличающий дурное от хорошего, моя совесть, которая охраняет меня от соблазнов порока. Да, вот что не погибнет, вот что сотворено не для земной, но для вечной жизни. Все, что я здесь вижу, мелко и ничтожно, пусто и изменчиво. Все наводит на мысль, что гоняться за счастьем – все равно что преследовать звук: обстоятельства разлучают нас с людьми, близкими нашему сердцу; но и, кроме того, их постигают болезни и несчастья... смерть сводит их в могилу. В настоящем нет прочности; если заглянешь в прошлое, то вспомнишь о промахах, несбывшихся надеждах, горьких разочарованиях, а будущее покрыто непроходимым мраком.

Генри Перси замолк, и его выразительное, симпатичное лицо исказилось; он стиснул руки и произнес чуть слышно с мучительной, беспредельной тоской:

– Прошел уже год, с тех пор как Томас Мор погиб на эша-

фоте, и еще день после казни Рочестера... Прошел уже целый год, с тех пор как вина за эту ужасную казнь возлагается на нее. На нее! Боже мой, мог ли я думать... что Анна Болейн... моя милая Анна!.. Эта мысль разрывает мне сердце! Всемогущий Создатель! Облегчи это страшное, непосильное бремя или пошли мне смерть!

Сатана выпустил свои острые когти, как будто готовясь запустить их в добычу.

– Я не просил Тебя, – продолжал тихо Перси, – дать мне жизнь! Иов тоже оплакивал день своего рождения, но Иов не роптал!.. И я, всемогущий Боже, сомкну свои уста и покорюсь безропотно Твоей священной воле! Мне думалось сначала, что Ты открыл для меня источник покоя и счастья, который не иссякнет до конца моей жизни; но он превратился в источник жгучих слез. Да будет на все Твоя святая воля!

За этим восклицанием графа последовал резкий крик или, вернее, свист; лорд Перси вскочил с места и обвел взглядом комнату; он не увидел никого, кроме Гарри, шедшего от дверей своей обычной неверной походкой.

– Это ты свистнул, Гарри? – спросил поспешно Перси.

Слуга взглянул на графа.

– Нет, – сказал он спокойно.

– Это довольно странно. Но ведь ты слышал свист?

– Я ничего не слышал.

Граф подошел к окну с разноцветными стеклами и открыл его: он увидел во мраке только лучистый след и услышал в

глубокой тишине всплеск – как будто очень грузное тело упало в спокойную реку.

– Я, признаюсь, не думал, что наши рыбаки занимаются ловлей в такую позднюю пору, – проговорил лорд Перси, всматриваясь в темноту ночи.

Но он не увидел ничего необычного: над сияющим странством царило, как и прежде, полнейшее безмолвие, лес утопал во мраке, спокойная река отражала небесный свод, усеянный блестящими звездами; только где-то вдали слышался мерный стук колес водяной мельницы.

Граф открыл окно.

– Я, однако же, слышал довольно резкий свист, – с уверенностью сказал он, подходя к старику, который приютился между тем у камина. – Не желаешь ли, Гарри, выпить это вино?

И лорд Перси подал ему чашу, взглянув сострадательно на обнаженный череп и на сгорбленный стан своего старого и верного слуги.

Гарри схватил ее дрожащими руками, но, когда он увидел при ярком свете пламени крылатого дракона и сверкающий герб, он тотчас возвратил ее своему господину.

– Милорд, ведь эта чаша принадлежала вашему достойному отцу, – проговорил старик. – Избави меня Боже прикоснуться к ней иначе, как с чувством уважения. Ваша мать принесла ее в дар своему супругу в день вашего рождения; он подарил ей дорогое ожерелье; меня тоже призывали, и ваш

отец в порыве невыразимой радости взял вас из колыбели и сказал мне приветливо: «Бог дал мне сына, Гарри, я хочу, чтобы и ты полюбовался им, дорогим моим первенцем!» Он схватил эту самую драгоценную чашу и, налив в нее превосходное вино, осушил ее залпом. Дом наполнился радостным и шумным ликованием, каждый хотел взглянуть на вас, полюбовать вас. Как теперь вижу: вы лежите в прекрасной колыбели, а кормилица ваша, покойная моя жена, обезумев от радости, повторяет без устали: «Это наследник славы Нортумберлендских графов!»

– На земле есть народы, которые оплакивают рождение человека и предаются радости в минуту его смерти... Эти люди умнее, чем мы думаем, Гарри, – произнес Генри Перси.

– Зачем вы постоянно говорите о смерти? – сказал старик с упреком и досадой. – Мысль о ней отравила последние годы моей жизни, хотя вся моя молодость прошла в шуме битв и праздновании побед вашего благородного и храброго отца. Я, как верный слуга, гордился его славой, благодарил Творца за все его удачи, радовался успехам его, как своим собственным. Король Ричард погиб у меня на глазах на равнинах Босворта. Когда он посмотрел на вашего отца и встретил его взгляд, исполненный глубокой, непримиримой ненависти, он приказал схватить его, но мы все отступили, и никто не дерзнул посягнуть на свободу отважного вождя. Взбешенный нашей непокорностью, король бросился на своего врага, но не прошло и минуты, как он упал с коня, пораженный

бесчисленными смертельными ударами. Сражение при Стоке, по прошествии двух лет после того события, усилило еще нашу ратную славу: граф Линкольн был убит, мы одержали полную, блестящую победу! Но... ведь вы равнодушны и к упоению битвы, и к торжеству победы, хотя первые опыты ваши на ратном поле и обещали иное!..

– Неужели ты думаешь, что я стану сражаться за Генриха Восьмого?! – воскликнул с гневом Перси. – Вспомнил ли он хоть раз, что граф Ричмонд обязан королевским венцом графу Нортумберленду?¹

– Нам не пришлось повторять с той радостью, с которой мы твердили у вашей колыбели: «У графа есть наследник его славы и имени!» – сказал с сердцем старик. – Ваши вассалы видят с душевным сокрушением, как угасает род непобедимых Перси! Вы осыпаете их щедротами, так что, потеряв вас, они потеряют все! Благородное самолюбие, желание сохранить ваше славное имя не смогли взять верх над той роковой печалью, которая затмила, как туча, вашу молодость.

– Я не буду оспаривать эту печальную истину, – отвечал Генри Перси. – В судьбе моей действительно есть что-то роковое; на мне лежит тяжелый и непосильный гнет... имя Анны Болейн разрывает мне душу. Я готов думать, Гарри, что на свете есть люди, обреченные расплачиваться за чужие

¹ Граф Ричмонд, впоследствии король Генрих VII и отец Генриха VIII, был обязан победой при Босворте, а вследствие ее и английской короной графу Нортумберленду, отцу Генри Перси.

грехи, но нам не дано постичь эту странную и великую тайну; наш слабый ум не может понять цели благого провидения! Мы должны покоряться и уповать на милость всемогущего Бога... И если я не оставлю след на земле, что же в этом особенного? Что слава? Пустой звук!.. Что такое сражение? Уничтожение друг друга людьми, которые даже не знакомы. Наша жизнь проходит так быстро, что о ней не стоит размышлять, Гарри! Можно утолить жажду, голод, но нет средств, чтобы унять нравственные страдания. Я не был обуреваем никакими химерами; одиночество научило меня видеть вещи в истинном свете, без прикрас; я понял, что если в человеке и есть что-нибудь достойное внимания, так это его сердце, а его-то и рвут безжалостно на части!.. Нет, мне нужно иное!.. Мне нужны крылья, Гарри, чтобы улететь отсюда, но я хочу унести с собой ее.

– Кого это – ее? – спросил старик, потерявший от старости способность понимать, о ком идет речь, без ясных указаний на имена или фамилии.

– Кого? О, Гарри, Гарри! Тебе ли еще спрашивать? – сказал с упреком лорд. – Ну, понятно, кого: ее, Анну Болейн, единственную женщину, которая была и будет мной любима до конца моей жизни! Выслушай меня, Гарри! Только с тобой я могу говорить откровенно, хотя знаю, что тебе не понять всего, что я скажу. Что за беда? Мне нужно излить наболевшее, что облегчит, несомненно, исстрадавшееся сердце! Ты любишь вспоминать о своей молодости, но моя унеслась

еще быстрее твоей. Когда я впервые увидел эту женщину, я был глубоко тронут ее детской грацией, ее скромностью; мне показалось, что мы с ней не чужие, что я знал ее прежде. Она была чиста в то блаженное время, она ценила все возвышенное, сопереживала всем страждущим и облегчала страдания всех мучеников. Она казалась ангелом, спустившимся на землю, чтобы напомнить людям о забытом небе! Я ее любил, и мне не приходилось стыдиться этого чувства: оно было таким честным! Все, чего я желал, так это оберегать нежное, прелестное создание от всех невзгод. Я смотрел на нее почти с благоговением, как на великий дар, ниспосланный мне Господом; скажу более, Гарри: я пришел к убеждению, что ответствен за ее настоящее и будущее. Я был в расцвете сил, мне были доступны любые наслаждения, но чувство к Анне оградило меня от всех соблазнов: оно даже переродило меня. Я стал смотреть на жизнь по-другому и понял, что мы призваны в нее не для пиров и веселых попок. Я начал понемногу отдаляться от придворной молодежи и удивлялся способности товарищей проводить дни и ночи в пустых развлечениях. Святые узы брака и семейная жизнь стали конечной целью моих дум и желаний; мне открылось истинное назначение жизни; я не узнавал себя! Анна Болейн была единственной владычицей моей души и мыслей. Я старался развить в ней природные дарования и сформировать ее религиозные верования. Честолюбие было отличительной чертой ее родни, и я один любил ее бескорыстно. Для них же

она была не более как средством к достижению целей; все они спекулировали на ее красоте, уповая на то, что брак с влиятельным лицом придаст им больше веса при дворе. Я понял их расчеты и решил просить без всяких отлагательств руки Анны Болейн. Славное имя предков и мое солидное положение в обществе ослепили ее надменного отца: он представил меня собравшимся вассалам в качестве жениха своей прекрасной дочери. Не забыть мне, Гарри, этих блаженных дней! Анна Болейн казалась мне еще очаровательнее в уединении древнего родового поместья, куда ее отец после нашей помолвки разрешил мне являться на правах родственника; когда она входила в темные залы замка, мне казалось, старик, что они наполняются ослепительным светом; когда зной спадал и сменялся вечерней прохладой, мы садились на скамью в тени дубов, недалеко от старого замка; его серые башни казались величавыми на фоне темнеющего неба; воздух наполнялся благоуханием множества растений и цветов, ящерицы скользили по раскаленным камням высокого крыльца и прятались в расщелинах, поросших травой. Птицы весело пели, а я сидел и слушал, как очарованный, сладкие речи Анны и ее нежные клятвы в вечной любви. Ночь спускалась на землю: с колоколен церковей окрестных деревень разносился далеко тихий и мерный благовест, и уста моей милой, ненаглядной невесты произносили набожно вечернюю молитву. Мрак становился гуще и тишина торжественнее, я не мог уже видеть нежное личико Анны, и только

ее платье белело в темноте... Ты не в силах понять, насколько тяжелы эти воспоминания! Упоительно время нашей золотой молодости, когда мы верим в счастье, но оно пролетает слишком быстро! И мое счастье, Гарри, постигла та же участь!.. Но кому не известно, чем закончилось мое сватовство? К чему вспоминать те страшные дни, когда в Анне Болейн вдруг заглохли все лучшие чувства, и она нашла в браке с английским королем не власть, а цепи рабства! Ее родной отец, уступая корысти и тщеславию, благословил ее на этот страшный шаг... Бессердечная мать примирилась охотно с ее позором ради громкого титула и пышности, за которой попытались скрыть двусмысленное положение дочери, а младшая сестра взирала с чувством зависти на бесславие старшей! Какое сцепление пороков! Кто в силах описать такое? Подобные события не печалят, но заставляют негодовать, что и происходило со мной в течение многих лет. Но все прошло, и я уже могу молиться за нее. Пусть смеются философы, но я знаю по опыту, что в душе человека существует, помимо дружбы и любви, загадочное чувство, которое нельзя описать: в нем нет ни ревности, ни непостоянства, присущего нашим чувствам; нет земной грязи, эгоистических порывов и желаний; две души как бы сливаются в одну, так что готовы делить и горе, и радость, и позор. Вот чувство, с которым я буду относиться к Анне Болейн до конца моей жизни! Если бы ты спросил, Гарри, почему я живу этим, я бы ответил – не знаю! Кто может читать в на-

шем сердце? За что, например, мать любит свое дитя? Почему она умирает от горя, потеряв его? Почему даже птица тоскует без своего друга? Я знаю, что подобное чувство испытывают даже неразумные создания. Я помню до сих пор, как в замок принесли пару горлинок; их посадили в клетку, и они легко свыклись с жизнью в неволе; они быстро росли, и их темные перья стали длинными и блестящими; не испытывав блаженства вольной жизни, птицы клевали корм и были совершенно довольны. Но как-то летним днем, когда обе они прыгали беззаботно по жердочкам, одна из них упала и повредила ножку; не прошло и двух часов, как она умерла; ее тотчас убрали и присматривали за оставшейся гораздо внимательнее; но птица захирела, перестала клевать корм и вскоре умерла. Скажи мне теперь, Гарри, чем это объяснить? Я бы не мог ответить, точно так же, как и ты, на подобный вопрос, но я уверен, что птицы были связаны неразрывной связью и имели одну общую душу. Ты поймешь теперь, Гарри, почему я всегда на заходе солнца иду, заслышав благовест, в наш деревенский храм. Войдя под его древние своды, я пробираюсь в темный угол и, в то время как аббат совершает вечерний обряд богослужения, склоняю смиренно колени перед Господом и молюсь за нее. Когда нищий появляется у этого замка, завидуя, конечно, по простоте душевной счастью его владельца, я кладу ему в руку щедрую милостыню, и когда его бледное, изнуренное горем и нуждой лицо загорается ярким румянцем, я говорю ему: «Моли Бо-

га за ту, от имени которой я одарил тебя, моли, чтобы Он простил ей все прегрешения!» Нужно признать, Гарри, что положение Анны действительно печально: в этом обширном мире один я принимал в ней сердечное участие, все же вообще настроены против нее враждебно; все проклинаят ее имя; все считают ее виновницей роковых несчастий. Кровь неповинных жертв вопиет о возмездии; ответственность за казнь епископа Рочестерского, а еще того более за казнь Томаса Мора возлагается всеми на королеву, а она забыла в водовороте пышных и непрерывных празднеств, что ни один из нас не уйдет от суда Всемогущего Бога!

– Ни один, это верно, – сказал бесстрастно Гарри, придвигаясь к огню. – А она, королева, сделала и нам тоже немало зла! Я и шага не могу ступить из замка без того, чтобы кто-нибудь из ваших вассалов не подошел с вопросом: «Как здоровье милорда?» или: «Есть ли надежда, что милорду наскучит жить затворником в замке?» Иные же, прости Господи, я готов иногда разорвать их на части, качают головой, как будто сомневаются в вашем рассудке! Как хотите, милорд, а ведь это обидно старому слуге.

– Бедный Гарри! – сказал с состраданием граф. – Так они говорят тебе, что я сошел с ума?

– Нет! Они не осмелятся сказать такую дерзость! – воскликнул гневно Гарри, побледнев при мысли об этом.

– Почему же нет? – спросил с улыбкой Перси.

– И вы мне задаете такой вопрос, милорд?

– Ну перестань сердиться! Люди вообще так мелочны, что придают значение даже пустой фантазии, которая взбредет в голову их соседу!

– Их соседу, милорд? – проговорил старик с насмешливой улыбкой. – Вы могли бы сказать: «Их господину!» Вассалы должны видеть в вас своего повелителя и покровителя! Я только повторяю то, что слышал не раз от нашего аббата, когда он объяснял обязанности господина по отношению к вассалам.

– Аббат говорит дело, – перебил Генри Перси, – и я тебе признателен за то, что ты напомнил мне об этом. Но мне кажется, Гарри, – продолжал он задумчиво после минутной паузы, – что я выполнял эти обязанности. Вассалы мои пользуются всеми благами мирной, обеспеченной жизни... Они ограждены от всяких притеснений... Я делаю для них все, что могу!..

– Все это так, милорд, – продолжал в том же тоне непреклонный старик, – но вы еще обязаны заботиться о том, чтобы интересы их не расходились с вашими. Я предан вам всей душой, вы это сами знаете, я могу сказать вам то, что считаю нужным, и вас не оскорбит моя откровенность.

– Ты можешь говорить все, что тебе угодно, – сказал Нортумберленд. – Мне даже часто кажется, что не я, а ты, Гарри, владелец замка!

– Думайте что хотите! Я говорил вам, кажется, уже не раз, милорд, что я был в невозвратные времена моей моло-

дости самолюбив и пылок. Следуя неотлучно за вашим благородным и отважным родителем в блистательных походах, стяжавших ему славу, я пристрастился к шуму и волнениям битв. Раз... это было осенью, в сырой ненастный вечер... наше войско спустилось после кровопролитного и упорного боя в широкую лощину. Ночь уже наступила, и все небо закрыла темная туча. Ваш отец отдыхал под холщовой палаткой на пуховых подушках; мы же, грешные люди, стояли под проливным дождем; мы не ели весь день и не могли рассчитывать и на минутный отдых в этом топком болоте. Прогрогнув до костей, я печально поглядывал на звездочки, мелькавшие из-за туч, и думал: «Отчего одним людям живется хорошо и привольно, а другим суждено страдать и любоваться на чужое счастье?» Не сердитесь, милорд!.. Мало ли какие мысли заползают в башку голодным и холодным!

– Продолжай, – сказал Перси.

– Итак, я против воли задавался вопросом: почему у одних целые груды золота, а другие нуждаются в хлебе насущном?

– Ну и нашел ты ответ, старик? – спросил лорд с любопытством.

Он и сам не раз был, разумеется, морально, в положении Гарри и завидовал людям, жизнь которых проходила без борьбы и тревог.

– Да, – отвечал с уверенностью Гарри. – Господь создал богатых и бедных для того, чтобы люди помогали друг другу

и не жили бы порознь. Ваш отец, например, нуждался в моей преданности, я же в свою очередь не мог ничего сделать без его покровительства; если бы все были знатны, богаты, умны и избавлены от всяких притеснений, то каждый стал бы жить для себя, и благодарность, преданность, взаимная поддержка – все, что роднит и связывает нас, стали бы совершенно лишними.

С той поры, милорд, я решил довольствоваться тем скромным положением, которое Господь избрал для меня в жизни, но это не мешает мне думать, как и прежде, что знатным и богатым не следует чураться неимущих и слабых.

– То, что ты сказал, великая, непреложная истина, но ты судишь меня чересчур строго, Гарри! – отвечал Генри Перси. – Я всегда исполнял свой долг и сочувствовал всем, за кого должен отвечать перед Богом. Ты ведь знаешь и сам, что я о них забочусь и поступаю с ними по справедливости!.. Я только не хочу, чтобы ты и они имели притязания на мои чувства к другим людям.

– А все-таки, – заметил Гарри с назойливым упорством большинства стариков, – все мы были бы счастливее, если бы вы были семейным человеком!

– И я первый из всех, – прошептал Генри Перси.

Что-то похожее на светлую слезинку мелькнуло и исчезло в его черных глазах.

– Неужели, – с горечью промолвил он после недолгой паузы, – ты считаешь меня обязанным сделать для вашей вы-

годы то, что я не делаю для себя самого?

– Как знать! – воскликнул Гарри, любивший бесполезные и пространные прения. – На такие вопросы сразу не отвечают!

– Полно спорить, старик! Выпей лучше вина, – сказал с улыбкой Перси.

– С удовольствием, милорд, но не из этой чаши!..

Он взял с буфета кубок из оленьего рога с золотым ободком и подал его графу.

Лорд наполнил его почти до краев.

– Довольно! – сказал Гарри.

– Не скромничай, старик! Ты выпивал гораздо больше, когда летел в сражение вслед за моим отцом!

– Вы ошибаетесь! – возразил Гарри с большим воодушевлением. – Я вел самую строгую и воздержанную жизнь! О, милорд, это было благодатное время, мне его не забыть! Все радости – ничто в сравнении с минутой, когда войско вступает в покорившийся город под громкие звуки труб и бой барабанов! Везде толпы народа, из всех окон выглядывают любопытные лица, все ликует и движется, офицеры гарцуют на боевых конях, знамена развеваются, а сердце так и рвется из груди! Милорд, в такие дни люди забывают про холод и жажду!

– А забывал ли ты в эти минуты, Гарри, о товарищах, которых потерял в сражении, и о тех людях, которых убил?

– Их жаль, душевно жаль! Но что же делать? Каждому

свой черед: нынче мне, завтра вам! Люди не вечны... Все мы, грешные, смертны.

– К счастью, да, – со вздохом сказал Перси.

Глава II

Екатерина Арагонская

Английской город Кимблтон раскинулся на склоне зеленого холма, от подножия которого тянулась огромная плодородная равнина, испещренная быстрыми и светлыми ручьями. Население этой благословенной местности занималось исключительно обработкой земли да еще овцеводством; красивое искусство доведено было почти до совершенства, и пурпурный цвет одежды местных женщин придавал красоте их еще больше блеска.

Нрав у жителей был мирный, и никакие смуты не нарушали покой в этом укромном уголке. Кимблтон считался едва ли не самым непопулярным и отдаленным городом Старой Англии, и, когда на политической арене происходили события, привлекавшие всеобщий интерес, он принимал в них только пассивное участие.

Живя без смут, крамол, интриг, мирные обыватели понятия не имели не только о дворцовых нравах, но и об особе своего короля. Совершенно довольные своей скромной долей, они считали, что обязаны ему своим благоденствием, и только предписания о взносе податей, вывешиваемые изредка в самых людных местах администрацией, напоминали им о том, что повелитель Англии – король Генрих VIII.

Настал, однако, день, когда в тихом Кимблтоне обнаружались признаки всеобщего смятения; горожане суетливо сновали по улицам, дома гудели от шумных, оживленных толков, и женщины были сильно взволнованы и словно обижены.

– Королева!.. В Кимблтоне? – восклицали одни с состраданием.

– Да, кто бы мог подумать, – говорили другие, – что она, Екатерина, супруга короля и королева Англии, переселится когда-нибудь в Кимблтон?

– Королева? – допытывались изумленные девушки. – Она, верно, красавица!.. Король приедет, верно, тоже скоро в Кимблтон?

– Зачем ему Кимблтон? – возражали с негодованием женщины. – Он развелся со своей законной женой и вступил в брак с другой!.. Но первая была и будет английской королевой, а вторая останется, что там ни говори, просто наложницей!..

– Чего вы расшумелись? – унимали мужчины расходившихся женщин. – Нам ли судить нашего короля?

Негодование женщин усилилось от этих замечаний.

– А почему же и не нам? – возражали они. – Королева останется законной женой, пока она жива, но она так слаба, худа и бледна, что ей не перенести такого испытания!

Но время, примиряющее бедное человечество с любым положением, уладило и бурю негодования, вызванную в

мирном городке приездом королевы; сострадание к ней было, как и прежде, глубоко и сердечно, но оно проявлялось менее эмоционально.

Королева жила в уединенном домике. Она была больна и телом и душой, но никогда не жаловалась. Когда она входила по воскресеньям в церковь, горожане почтительно расступались, и она принимала эту дань уважения с той мягкой благосклонной и обворожительно-приветливой улыбкой, которая, бывало, вызывала восторженные и радостные крики у народа, когда она появлялась на роскошных празднествах, окруженная разодетыми придворными, во всем очаровании красоты и блеске власти. Но счастье переменчиво, и теперь королева Англии одна, без свиты, шла в церковь по извилистым улицам, нередко спотыкаясь о камни жалкой городской мостовой; иногда у нее не хватало сил дойти от домика до церкви.

Прошло уже несколько дней, как никто не встречал Екатерину на улицах, но это не привлекло внимания обывателей. Была в разгаре страда, все уходило в поле еще до восхода солнца и возвращались к ночи, разбитые от усталости; городские события в это время никого не интересовали.

Время близилось к полудню. Огонь в очагах уже давно погас, дети уgomонились и спали крепким сном после сытного завтрака, а пожилые женщины, не ходившие в поле, прикрыли все ставни и сели кто за прялку, кто за плетение кружев; улицы опустели, в городе воцарилась тишина, и человек за-

езжий легко мог счесть его вымершим.

Такая же тишина была в доме, где жила Екатерина. Королева спустилась со второго этажа и медленно шла к выходу. Она была одета в шитое серебром темно-красное платье – богатое, но уже изношенное. Королева несла плетеную корзину с клубками шерсти различных цветов и вязальными спицами; она шла, опираясь на молодую девушку с чрезвычайно нежным, симпатичным лицом, исполнявшую при ней обязанности служанки.

– Вы сегодня заметно свежее, ваше величество! – промолвила девушка, не отрывая глаз от лица королевы.

– Напротив, – печально возразила Екатерина, – я сегодня слабее, чем была в эти дни, и опираюсь на плечо твое слишком бесцеремонно, так что даже боюсь...

– Нет, – перебила девушка, – опирайтесь сильнее! Я молода, здорова и готова отдать вам половину своих сил и здоровья!

Девушка подняла на королеву прекрасные, голубые как небо глаза, во взгляде этом читалось уважение, нежность, живое сострадание. Видно было, что девушка испытывала к королеве не только почтение, но и была привязана к ней. Отбросив со лба великолепные светло-русые волосы, она быстро открыла дверь небольшой столовой, выходящую в сад; но, когда яркий свет полуденного солнца озарил фигуру королевы и ее исхудалое и бледное лицо, глаза девушки выразили глубокую тревогу.

– Я вижу, что вам хуже! – заметила она. – Я принесу вам кресло, вы будете сидеть, а я стану работать!

– С удовольствием, Элиа, – сказала королева. – Я чувствую сегодня такой упадок сил, что не могу ходить.

Элиа побежала, проворная, как птичка, и принесла глубокое соломенное кресло, захватив при этом и подушку. По губам королевы промелькнула улыбка.

– Ты была бы искусным декоратором, Элиа! – произнесла она.

– Я готова сделаться всем на свете, лишь бы вам было удобно и покойно.

Девушка пододвинула кресло к стене, увитой снизу доверху виноградом, и, заботливо усадив в него больную, села у ее ног на густую траву.

– Посмотрите! – сказала она, указывая на дальний конец сада. – Я посадила там много фиалок: я думала, вы полюбуетесь ими.

– Благодарю тебя, Элиа! Я увижу их завтра, если мне будет лучше!

– Мне обещали прелестный белый розан с алой сердцевинной. Я его посажу под вашим окном; у меня будут к осени семена всех цветов, мне их обещали дать... Очень грустно, что у меня нет средств!.. – проговорила девушка, надув алые губки. – Будь у меня деньги, я бы сумела так украсить этот садик, что вы бы не узнали его!

– И ты полагаешь, что из него вышло бы восьмое чудо

света? – спросила королева.

– Нет, – отвечала тихо и задумчиво девушка. – Но он бы стал хорошеньким, уютным уголком. Я вполне сознаю, что все это выглядит жалко после той роскоши, к которой вы привыкли! Мне не раз рассказывали о Гринвичском дворце и его садах...

– Не напоминай мне о прошлом, дитя! – сказала королева. – У меня и без того тяжело на душе! Я так страстно желаю увидеть мою дочь... но мне снова откажут в этом великом счастье. Страшно подумать, Элиа, что я не видела ее уже несколько лет и что на все мои просьбы хоть взглянуть на это дорогое и милое создание нет ответа. Ты упомянула о Гринвичских садах!.. Она бегала в них – беленькая, веселенькая и легкая, как птичка, и садилась потом, как ты, у моих ног; русые кудри спадали ей на плечи, а я гладила с нежностью и гордостью эти чудесные волосы!..

– Так вы любите дочь свою больше всего на свете? – спросила резко Элиа, и даже человек не совсем проницательный подметил бы в тоне ее ревность.

– Люблю ли я ее? Какой странный вопрос! – сказала королева. – Она – моя жизнь, хотя жизнь эта быстро клонится к закату; она – моя надежда, хотя мои надежды опали, как лепестки увядшего цветка!.. Все чувства меняются, Элиа, но только не это; оно крепнет с годами, вмещая в себя и сочувствие, и терпимость, и готовность на всевозможные жертвы. Нет, Всевышний вложил частицу Своей любви в материн-

скую любовь, и когда наступает торжественный момент расставания с жизнью, отец и мать поднимают с усилием руку, чтобы благословить в последний раз детей.

Королева была не в силах продолжать; ей стало трудно дышать; она плотно прижалась к высокой спинке кресла и закрыла глаза. Но не прошло и минуты, как рыдания Элиа заставили ее изменить позу.

– Что с тобой, дитя? – спросила Екатерина с очевидной тревогой.

– У меня никогда не было матери, – отвечала девушка, – и я почти свыклась с отрадной мыслью, что вы замените ее... Когда вы засыпали, я садилась возле вашей постели и невольно думала: «Это не королева. Она бедна так же, как и я; у нее, как и у меня, нет никого на свете. Если бы она нуждалась в хлебе насущном, я сумела бы добыть его и поделиться с нею, но у нее есть средства на пропитание, и мне остается только любить ее с беспредельной преданностью!» Вы постоянно говорите о дочери, но я ее не знаю, а любить незнакомого человека едва ли возможно. Неужели вы думаете, что, живя в сиротском приюте, я не знала, что обязана вам всем? Я была привязана к вам уже в те далекие времена, когда вы приезжали в приют в белом атласном платье, подбитом горностаем, ослепляя блеском бриллиантов. Вы скрывали от нас, что мы, дети, существуем только благодаря вашим заботам, но это открылось помимо вашей воли. Когда вы потеряли власть в королевстве, нас выгнали на улицу, не заботясь о том, что

у нас нет ни крова, ни хлеба насущного; я оказалась счастливее других: мне представился случай добраться до Кимблтона. Когда я пришла к вам в этот маленький домик и вы согласились взять меня в услужение, вы спросили: «Скажи, милая, сколько бы ты желала получать за свой труд?» Я уже готова была сказать вам: «Мне ничего не нужно!», но рассудок подсказывал мне, что вы не захотите принять меня в свой дом на подобных условиях, и я ответила: «Один фунт в месяц». Вы, конечно, не знали, что я испытывала, когда получала от вас это скромное жалованье! Ведь вы могли подумать, что мною руководит корысть, а я, не задумываясь, отдала бы за вас жизнь!

Рыдания мешали девушке говорить.

– Ты совершенно права! – сказала королева, тронутая печалью и преданностью Элиа. – Когда ты явилась с предложением услуг, я действительно подумала, что видела тебя когда-то прежде!.. Зачем ты скрыла это? С той поры все изменилось, я столько пережила и передумала...

– Что вам, естественно, было не до меня! – докончила девушка с горечью.

– Ты упрекаешь меня? Но, насколько помню, я никогда не обидела тебя ни словом, ни поступком.

– Никогда! – воскликнула с воодушевлением девушка. – Но объясните мне, кто была моя мать?

– Я не могу ответить на подобный вопрос: ее имя, дитя мое, известно только Богу... В Лондоне на самых людных

улицах часто находили подкинутых младенцев, и... я делала все, что от меня зависело, для этих беспомощных и несчастных созданий. Больше я ничего не могу сказать, Элиа!..

– Так и меня нашли на улице?

Королева хранила молчание.

– Вы не отвечаете, – продолжала все так же пылко девушка, – но вы не отрицаете, что нашли меня на улице, что вы дали мне кров, одежду, пищу и даже позаботились, насколько можно, о моем образовании. Кого же мне считать матерью? Разумеется, вас! Кому я обязана всем? Исключительно вам!

Уступая порыву, Элиа обвила обеими руками стройный стан Екатерины.

– Никто в мире не посмеет разлучить меня с вами! – воскликнула она. – Мне нет дела до вашего королевского звания, я обязана вам настоящим и будущим, я буду вас любить помимо вашей воли, я готова мести улицы и таскать камни, лишь бы вы могли жить спокойно и не испытывать лишений.

Печальная улыбка промелькнула по лицу королевы; пригнув к себе девушку, она поцеловала ее в лоб.

– Так скажите же мне, что я имею право считать вас матерью! – настаивала Элиа, держа в руках мелкие коралловые четки, прикрепленные к пряжке кушака королевы. – Дайте честное слово, что с этого дня вы не станете платить мне деньги и что я постоянно буду жить при вас.

– Я даю тебе слово, – сказала королева, – но ведь ты видишь, что судьба против нас: я слабею чуть ли не с каждым

днем; на прошлой неделе я могла добраться до места, где, по твоим словам, теперь цветут фиалки, а сегодня я не в силах пройти и двух шагов; пройдет некоторое время, и меня похоронят на Кимблтонском кладбище!

– Нет, вы будете жить! Вам нельзя умирать! – перебила ее встревоженная девушка. – Господь послал мне мать не для того, чтобы взять ее обратно!

– Да, но смерть не разлучит верующих в Господа: она не помешает мне молиться за тебя! И когда я уйду от земных испытаний, ты должна будешь передать моей дочери прощальный привет, и она позаботится о тебе!

– Если вас не станет, – проговорила девушка с невольным содроганием, – я буду странствовать, не ведая утром, где мне придется преклонить голову вечером. Случалось ли вам видеть отставшую собаку? Она рыщет по улицам, отыскивая след своего господина: в первое время она еще не чуждается людей; но дни идут за днями, хозяина нет, и собака становится свирепой и дикой; со мной будет то же, что с бродячей собакой!..

– Я надеюсь, дитя мое, что ничего подобного не случится, – заметила спокойно и строго королева. – Я верю от души, что ты займешь иное положение в жизни, и сделаю все от меня зависящее!

Элиа промолчала. Две слезинки скатились с ее длинных ресниц.

Глава III

Виндзор

В Виндзоре, летней королевской резиденции, находившейся в нескольких милях от Лондона, царило необычайное оживление: в обширный двор один за другим въезжали огромные фургоны, наполненные кладью, а слуги выгружали ее и вносили во дворец.

На королевской кухне тоже кипела работа; главные повара с чувством собственного достоинства отдавали приказы, и вокруг них вился целый рой поварят.

В королевских покоях было не менее шумно. Обойщики, взобравшись на высокие лестницы, драпировали окна ярким и дорогим бархатом, прислуга расстилала роскошные ковры и наполняла вазы букетами живых душистых цветов. Зимний холод сменился теплом наступающей весны; обширные сады Виндзорского дворца оделись яркой зеленью; чащи густых лесов, опоясывавших местность, огласились веселым щебетанием птиц, беготней резвых ланей и воркованием горлинок, вивших себе гнезда в ветвях старых дубов.

Широкая терраса Виндзорского дворца спускалась прямо к величественной Темзе; на большой круглой башне, которая возвышалась над всеми бельведерами и маленькими башнями, развевался английский национальный флаг; ко-

ролевский дворец был обнесен валом, его входы и выходы охраняла стража, и король мог спать совершенно спокойно на своем пышном ложе.

Но какие бы блага ни предоставила жизнь немногим избранным, они не могли заглушить голос совести: он перекрывает звуки веселой бальной музыки, шум застольных разговоров, держит в напряжении рассудок, мешая найти хоть на время спокойствие и забвение. Совесть повторяет непрестанно роковые слова: «Дни нечестивого сочтены!»

Преследуемый мрачными и грозными видениями, король Генрих VIII, супруг Анны Болейн, перебрался поспешно из Лондона в Виндзор.

Он окинул рассеянным взглядом прекрасные сады, окружавшие это летнее прелестное убежище; проходя через двор, он отвернулся, чтобы не видеть богато и изящно отделанной часовни Святого Георгия – места его погребения; он вдруг подумал, что под ней уже вырыта глубокая могила; наступает неминуемо, и, может быть, очень скоро, то роковое время, когда в эту могилу опустят тяжелый гроб, обитый черным бархатом с вышитыми на нем блестящими гербами Тюдоров, и холодным останкам, лежащим в этом гробу, воздадут последний раз королевские почести, чтобы предоставить их потом тлению! Он слегка побледнел и ускорил шаги.

Минуты через две Генрих VIII уже сидел в своей роскошной спальне; у его ног лежали две большие собаки; яркий солнечный свет смягчали шелковые шторы, искусно разри-

сованные букетами и птицами всевозможных пород; свежий чистый воздух, пропитанный душистыми испарениями, наполнял комнату.

Король был явно печален и расстроен.

– Я думал найти здесь покой и отдых, – прошептал он с унынием, – но ничуть не бывало: Лондон переселился вместе со мной в Виндзор. Я уже успел заметить на одном из фургонов герб милорда Кромвеля... графа Эссекского... и главного викария всех церквей королевства... этого антиримлянина и антихристианина... нахального грабителя с четырьмя, нет, что я говорю, с тысячью рук, с тысячью карманов, с тысячью мошеннических непостижимых фокусов... негодяя и выскочку, наделенного, кроме того, счастливой способностью поглощать груды золота, не подавившись им... Интригана, задавшегося целью нажить себе богатство на тот случай, если я сокрушу его и втопчу в грязь, из которой он вышел! И как это случилось, что я сделал его моим первым министром и, помимо того, еще графом Эссекским, что на гербе его теперь военные доспехи и он самое важное, могущественное, влиятельное лицо после моей особы!.. Не грезятся ли мне такие чудеса? Нет, тысяча проклятий, это истина!

Генрих VIII ударил себя с негодованием в лоб, и по лицу его пробежала какая-то тень.

– Ах, как бы я желал вылезти из своей шкуры! – воскликнул он внезапно после короткой паузы. – Скука душит меня. А я вообразил, что вздохну свободнее в Виндзоре! Эта рана,

открывшаяся у меня на ноге, не дает мне покоя, и она, без сомнения, сведет меня в могилу.

Король невольно провел рукой по ноге.

– Сверху бархат и пряжка, унизанная жемчугом и крупными бриллиантами, а под ними – клочок ветхого полотна, весь пропитанный черной, испорченной кровью! Язва не поддается никаким врачеваниям и идет вглубь – скоро обнажится кость! Нет, тысяча чертей!.. Я не позволю Екатерине увидеть хоть на минуту дочь.

Король небрежно вынул из левого кармана измятое письмо, написанное, по-видимому, не совсем твердым почерком, и посмотрел внимательно на адрес и на подпись.

– Она опять подписывается: «Ваша жена». Экая упрямца! Ведь я не двоеженец! Нет, я не дам ей увидеться с дочерью: она вполне способна подогреть в ней врожденную склонность к властолюбию. А она намекает на моего преемника!.. Но рана – это еще не смертельная болезнь!.. Я могу прожить годы, если буду относиться к ней с надлежащим вниманием.

Король схватил сонетку и позвонил.

За тяжелой портьерой, маскирующей дверь, послышались шаги; вошел молодой паж и молча поклонился своему повелителю.

– Приехал ли Клемент? – спросил Генрих VIII.

– Он здесь, ваше величество, и просил доложить, что он явится к вам, как только освободится.

– Освободится? – повторил с непритворным изумлением король.

– Да, будьте снисходительны к нему, ваше величество, – произнес робко паж. – Мастеровой, работавший в гостиной королевы, упал с высокой лестницы, и доктор оказывает ему помощь.

Король нахмурил брови.

– Клемент не подчиняется придворным правилам и презирает лесть! – проворчал он сквозь зубы. – Черт бы их всех побрал! Их присутствие наводит на меня нестерпимую скуку, а как только их нет – в них появляется надобность. Нужно прожить тысячу лет, чтобы избавиться себя от разных неудобств!.. Вот наконец и доктор!

Действительно, за дверью слышались шаги, и в комнату вошел главный придворный медик.

– Вам угодно было призвать меня, ваше величество, и я поспешил явиться, – произнес он почтительно.

– Вы спешили, но не очень! – сказал резко король.

– Прошу вас извинить меня за это промедление: один мастеровой упал и получил жестокие ушибы, бедняга сильно страдал.

– А я не страдаю?

– Вы, конечно, страдаете, – торопливо ответил доктор, – но я все-таки думаю, что все ваши страдания – ничто перед страданиями этого горемыки.

– И вы вполне уверены, что не ошибаетесь?

– Я от всей души желаю, чтобы это было истиной, – ответил мягко врач.

– Bravo, bravo, мистер Клемент! Вы сегодня любезнее, чем обычно!

– Ваш комплимент не лестен, и вашему величеству следовало бы оставить меня при госпитале; я, право, не гожусь на роль придворного врача, и вы знаете это точно так же, как я. Я говорил вам об этом уже несколько раз.

– Да, говорили, клянусь святым Георгием! – сказал с сердцем король. – И потому я не могу проникнуть в ваши мысли. Вы скрытны, несмотря на кажущуюся открытость! Вы, например, хотите вернуться в госпиталь, хотя знаете, что я ежеминутно нуждаюсь в вашей помощи!

– Вот я и стою перед вашим величеством с душевной готовностью служить вам чем могу! – сказал полушутя-полупечально доктор, скрестив на груди руки.

– Клемент, эта рана не дает мне покоя! – проговорил король.

– А вы, ваше величество, приложили тот пластырь, который я вчера приготовил для вас?

– Приложил, разумеется!

– В таком случае нужно подождать, когда он начнет действовать.

– Ждать, только ждать! – воскликнул с нетерпением и досадой король. – А скажите, Клемент, сколько в вашем госпитале мест?

– Я уже раз пятьдесят имел честь вам докладывать, что у нас двести коек, не считая шестидесяти, устроенных недавно королевой Екатериной, – ответил ему доктор с невозможным видом.

«А ее продолжают величать королевой», – подумал с озлоблением король, а вслух сказал:

– Как это недавно? Ведь с той поры прошло почти двенадцать лет?

– Ну да, ваше величество, и если я говорю «недавно», то потому, что вот уже сорок лет как служу в госпитале Святого Томаса. Здоровье королевы, то есть принцессы Гальской, – поспешил он добавить, – находится, как слышно, в печальном положении, и я был бы вам много и много благодарен, если бы вы позволили мне поехать в Кимблтон!..

– Я убежден, что вы бы собрались навестить Екатерину скорее, чем явились ко мне.

– Но я, ваше величество, пришел в ту же минуту.

– Да, когда вы сочли, что свободны. Но довольно. Раз вы всегда проявляете сочувствие к королевам, то скажите мне кстати, какого вы мнения об Анне Болейн?

Старый врач рассмеялся.

– Что вы, ваше величество! – отвечал он веселым и добродушным тоном. – Да разве я осмелюсь высказывать суждение о моей повелительнице? Ведь это то же самое, что подставить голову под удар топора! Я не настолько глуп, чтобы позволить себе подобную дерзость.

– Без шуток и без вольностей! – крикнул гневно король, устремив на врача сверкающий взор. – Я позволяю их только в известной степени, да и то не сегодня, примите это к сведению! Я требую, чтобы вы объяснили мне, какое впечатление производят на вас поступки королевы?

Доктор сразу понял, что разговор принимает весьма скверный оборот.

– Меня удивляет приказ вашего величества... Я не могу понять... – сказал он нерешительно.

– И я, месьсир Клемент, тоже должен признаться, что не понимаю вашего удивления! Мне отлично известно, что вы были недавно на тайном совещании у королевы Анны.

– Это ложь! – отрывисто произнес Клемент. – И тот, кто сообщил вам такую небывальщину, презренный клеветник!

– Но Анна тем не менее присылала за вами и спрашивала, сколько мне осталось жить?..

– Повторяю опять: это наглая ложь! – отвечал старый врач с негодованием.

– Вы, верно, и в самом деле думаете, что у меня нет глаз! – воскликнул, задыхаясь от бешенства, король Генрих VIII. – Вы, верно, воображаете, что я не замечаю гнусного поведения Анны Болейн и толпы поклонников, которых привлекают ее непринужденные и вольные манеры! Или вы полагаете, что я дам опозорить свое имя и звание женщине, которую возвел на престол и которая была до того лишь смиренной верноподданной? Если я надел на нее королевскую корону,

то не затем, конечно, чтобы она позволила себе омрачить ее блеск; если я дал ей скипетр, то не затем, чтобы она втоптала его в прах!

– Этот скипетр тяжел для таких нежных рук! Его в силах удержать только женщины королевского рода! – произнес старый доктор сурово, обнаружив все свои симпатии и убеждения.

Благородный старик не мог свыкнуться с мыслью, что скипетр перешел из рук Екатерины, дочери короля, в руки Анны Болейн.

– Ваш ответ равносителен прямому порицанию моих распоряжений, – заметил вскользь король.

– Зачем вы меня спрашиваете? – ответил старый доктор, проклиная в душе свою неосторожность.

– Затем, сэръ Клемент, – сказал король с угрозой, – что я спрашивал вас не о том, что мне следует или не следует делать...

Доктор стоял и слушал, не поднимая глаз.

– Я требую от вас, – продолжал повелительно и надменно король, – рассказать без утайки, что хотела узнать от вас Анна Болейн?

– Не знаю, – отвечал с нетерпением Клемент, – что хотела услышать от меня королева, так как она действительно прислала за мной, но знаю твердо, что я не был у нее!..

– А почему вы не были? – спросил Генрих VIII, взглянув на медика пристально и подозрительно.

– Потому что мне некогда ходить на совещания, где обсуждается состав румян или помады, – возразил старый доктор. – Королеве лучше обратиться к различным шарлатанам и своим камеристкам: они найдут цвет, который она хочет придать своим бровям, волосам и ногтям.

Король расхохотался, но веселость его была непродолжительна, и на лице вдруг появилось выражение презрения и даже отвращения.

– И эту женщину я возвел на престол! – сказал Генрих VIII с глухим негодованием. – Рассудите, Клемент, достойна ли она носить королевскую корону?

– Человека не переделать, – возразил старый доктор. – А королева Анна – хорошенькая женщина в полном смысле этого слова. И ничего более!

Но король не расслышал этого замечания.

– Другая, не такая тщеславная и мелочная и более достойная титула королевы, займет ее место! – проговорил он с угрозой. – Она не станет предметом всеобщих порицаний, не навлечет позор на мой трон и мое имя!

– Опять другая! – проговорил Клемент, но так тихо и робко, что сам не расслышал собственных слов.

– Итак, Анна Болейн присылает за вами исключительно для обсуждения состава румян или помады? – спросил его король.

– Приблизительно да, но она, кроме того, заставляла меня уже несколько раз смотреть вместе с другими, как наряжают

кошку или чешут собаку и вообще тратить время на другие, не менее бессмысленные вещи.

– Мне с трудом верится, что Анна призывает вас для таких пустяков, – сказал сухо король. – Но так как вы решили быть скромным до конца, то знайте, сэр Клемент, что мне известно больше, чем воображают Анна и ее приверженцы! Агенты, на которых я могу положиться, следят за каждым шагом этой безмозглой куклы.

Он схватил руку доктора и сжал ее так сильно, что старик побледнел от боли.

– Осторожнее, ваше величество! – произнес он со стоном.

– Вы чересчур изнежены, – сказал колко король, – но вы не проявляете особенной чувствительности, когда перевязываете мою больную ногу.

Доктор не возражал на это замечание.

– Я уже несколько раз говорил вам, Клемент, и повторяю с таким же убеждением: Анна Болейн желает всем сердцем моей смерти; она надеется благодаря смазливому личику привлечь на свою сторону всех лордов королевства и управлять народом от имени заморыша, который родился от нашего союза! И как я мог надеяться, что от подобной женщины может родиться сын?..

– Все эти обвинения чрезвычайно важны! – проворчал сэр Клемент, озадаченный откровенностью и пылкостью, с которой говорил в это утро король.

Как и все приверженцы изгнанной королевы, старый док-

тор считал семейство Болейн, не исключая Анны, способным на любые поступки и не стал возражать своему повелителю.

– Не далее чем вчера, – продолжал король с тем же негодованием, – она вдруг обратилась к одному из придворных юнцов и спросила шутливо, не хочет ли он обуться в сапоги мертвеца, то есть вступить с ней в брак после моей кончины? Несчастливая рассчитывает на эту рану! – воскликнул он с отчаянием. – Но если она случайно ошибется в расчете, то какое средство она выберет, чтобы скорее достичь своей заветной цели?

Старый врач побледнел, и лицо его выразило глубокую тревогу.

– У вашего величества есть преданные слуги, которые сумеют оградить вас от козней ваших тайных врагов! – отвечал он неровным, но решительным голосом.

– О, Клемент! – возразил взволнованный король. – Сколько принцев, имевших точно таких же преданных и неподкупных слуг, стали жертвами неожиданной насильственной смерти! Убийца заверял их в своей преданности в ту самую минуту, когда его кинжал наносил им смертельный удар; дружеская рука подносила им чашу с отравленным вином на оживленном пиру! Клемент, ты никогда не давал мне повода усомниться в тебе, ты меня не обманывал и не льстил мне! Я верю в твою честность, неподкупную преданность: присматривай же за ними! Я не дам прикоснуться к моей больной

ноге ни одному врачу, кроме тебя. Мне надоела жизнь, но я буду отстаивать ее с отчаянным упорством. Если бы я мог пасть со славой в бою, я не стал бы жалеть ни о чем, что оставил на земле, даже о престоле; но умереть в засаде или от руки врага, который будет смеяться надо мной, наслаждаться моими предсмертными мучениями и оскорблять меня безнаказанно, который возьмет скипетр, стоящий около моей постели, и завладеет моей королевской короной, – это выше моих сил, мысль об этом отравляет мое существование! И когда эта женщина предлагает мне блюдо с моего же стола и смотрит на меня с веселой улыбкой, я только в редких случаях отвечаю согласием на такую любезность. Я смотрю подозрительно и на того, кто подает мне хлеб, и на того, кто подносит вино; я сажусь за обед иногда раньше, а иногда позже назначенного времени, но отлично знаю, что подобные меры – плохая гарантия, если враги мои действительно решили завладеть моим тронem!

Генрих VIII замолчал и откинулся на высокую спинку кресла, как будто обессилев после длинной и эмоциональной речи.

Но не прошло минуты, как он внезапно и стремительно вскочил с места.

– Клемент! – воскликнул он повелительным тоном. – Не смейте говорить никому о нашем разговоре! Да притом... почему знать? И вы тоже, быть может, принадлежите к партии моих тайных врагов?

Кровь прилила к сердцу старого доктора, и его всегда кроткое, спокойное лицо запылало от гнева.

– Ваше величество! – сказал он изменившимся голосом, изобличавшим силу его негодования. – Вы, верно, в лихорадке... Только этим я могу объяснить такое оскорбительное для меня заключение! Ваша жена, ваш врач, весь ваш придворный штат, не исключая этой бедной собаки, которая дремлет около кресла, вступили в общий заговор против вашей особы!

– Ну, извините, доктор, – проговорил чуть слышно сконфуженный король.

Он был втайне доволен гневом сэра Клемента, а еще того более пылающим румянцем, покрывшим бледное, спокойное лицо старого медика.

«Кровь никогда не лжет! – рассуждал подозрительный Генрих. – Язык может лукавить... Люди умеют плакать притворными слезами... Но кровь не подчиняется никаким приказаниям; румянец вызывают только сильные чувства, но нельзя забывать, что человек краснеет иногда от стыда, от сознания своей страшной испорченности!»

– Сомнение – самый злой из бичей человечества! – воскликнул, уступая невольному порыву, раздраженный король.

Он подошел к кушетке, которая стояла на другом конце комнаты, и упал на нее так грузно и стремительно, что раздался довольно сильный треск.

Тогда доктор Клемент приблизился к нему и сказал с достоинством:

– Государь! Я лечил вашего уважаемого покойного родителя и вашу августейшую, благородную мать Елизавету Йоркскую; я присутствовал при кончине вашего деда. Я служил так же честно и вам, ваше величество. Я хотел служить вам до конца моей жизни, но одно ваше слово все перевернуло, и я клянусь своей совестью, что с этой минуты никогда не появлюсь во дворце!

Старик снял с шеи орден, данный ему за верную и усердную службу, и, положив его почтительно у ног своего повелителя, вышел медленным шагом из королевской спальни.

Генрих VIII молчал, и лицо его оставалось бесстрастным, но, когда доктор вышел, он произнес невнятно какое-то проклятие и оттолкнул носком своего сапога орден сэра Клемента.

Но вспышка гнева уступила место печальному раздумью.

– Я его заподозрил совершенно напрасно, – прошептал он уныло, – он один из всех был мне душевно предан; никакие сокровища не смогли бы заставить его поступить против совести; я могу обвинить его только в преувеличенной приверженности Екатерине! Он, как и все почитатели этой властолюбивой и надменной принцессы, не простил мне моего брака с Анной. Но я и сам, черт возьми, сознаю все безумие подобного союза!.. Эй, Клемент, вернись! – крикнул громко король.

Убедившись, что доктор не слышал его зова, Генрих VIII привстал и потянул порывисто и сердито сонетку. Паж быстро вошел в спальню.

– Сэр Клемент еще здесь? – спросил его король.

– Он только что уехал.

– А есть ли кто в приемной?

– О да, ваше величество, там находятся граф Кромвель Эссекский и испанский посланник!

– Как? Испанский посланник? Он уже опять здесь! – проговорил король с большим воодушевлением. – Пусть он ждет, если хочет, а мне хочется спать... Нет, впрочем, попроси ко мне графа Эссекского!

И Генрих лениво растянулся на кушетке.

Кромвель почтительно, но торопливо вошел в спальню. Худоба его и зловещий огонь, горевший во впалых и лживых глазах, привлекли в это утро более обычного внимание короля.

«Да, природа умеет метить ядовитых ехидн: их никогда не откормишь!» – подумал он невольно, посмотрев исподтишка на своего министра.

– Ну, что нового, граф? – спросил он вслух с добродушной шутливостью. – О чем вы толковали с посланником? Он явился, конечно, опять с просьбой Испанского двора улучшить по возможности участь принцессы Галльской?!

– Я даже заметил у него в кармане какой-то пакет: это, верно, прошение! – отвечал Кромвель, подражая шутливо-доб-

родушному тону своего повелителя.

– Ну да, старая песня! – сказал Генрих VIII. – И я знаю заранее, что прочту в прощении неизменную фразу: «Имею честь поставить еще раз на вид английскому монарху, что принцессе испанского королевского дома нельзя жить без слуг, без экипажа, в простом и бедном домике в отдаленном Кимблтоне!» Они бы завопили еще сильнее, если бы этот домишко не был моей собственностью. Да и кто принуждал ее жить в этом захолустье? Разве я ей мешал вернуться в Испанию? Да, нечего сказать: тяжелую обузу взвалили вы мне на плечи!

– Я?! – воскликнул Кромвель не без испуга. – Но я, ваше величество, только выполнял ваши приказания!

– Так! – возразил король с язвительной насмешкой. – Позвольте же спросить, не эти ли советы нашептывал мне ваш лукавый язык? Уж не я ли придумал систему разрушения, к которой вы сумели склонить меня силой вашего красноречия?

– Но я, ваше величество... – начал было Кромвель.

– Пожалуйста, без «но»! – перебил повелительно и надменно король. – Не спорю, в казну мою поступило две-три пригоршни золота от всех наглых захватов, совершенных милордом графом Эссекским с моего разрешения, исторгнутого у меня помимо воли под предлогом поправить финансы королевства и вывести мой корабль в золотое море.

– За что вы оскорбляете меня, ваше величество? – прого-

ворил Кромвель изменившимся голосом.

– Я говорю вам, граф, – перебил снова Генрих, наслаждаясь мучениями человека ему антипатичного, которого, однако, он считал невозможным удалить от себя, – и говорю, заметьте, с глубоким убеждением, что принятые меры обогатили только вашу особу! Начнем хотя бы с сокращения числа монастырей. Что мне это дало? Сущие пустяки, так как все поземельные церковные угодья достались лордам! Ведь только подкуп склонил их отречься от римско-католической церкви и признать меня папой! Но нельзя же отрицать, что сам сатана не дал бы за их души и сотой доли той суммы, за которую я купил их голоса! А сколько мне пришлось выделить вам как главному викарию моего королевства? Ведь доход с четырех богатейших епархий, земли дюжины упраздненных обитателей, права, титулы, пенсии, ну одним словом, все, потому что вы были голы и ничтожны, как земляной червяк, и остались бы им, если бы я вас не вытащил из болота!..

Лицо Кромвеля вспыхнуло, он опустил глаза.

– Я ни на минуту не забываю о великих милостях, которыми вы удостоили меня, ваше величество! – произнес он почтительно.

– Ну еще бы! – воскликнул запальчиво король. – Вы и лорды всегда должны помнить, что я незаменим во многих отношениях, что вы сильны до тех пор, пока я этого хочу! Да, я слежу за всем, я проникаю в глубь человеческой мысли,

я смело встречу любую опасность и смею не задумавшись неверного министра при первом доказательстве его недобросовестности!

Граф Эссекский не поднимал глаз, он был ужасно бледен; ему пришло на ум, что король собирается обвинить в измене и предать суду его и других лордов, которые горячо поддерживали его на заседаниях Совета. Милорд Кромвель не знал, на что ему решиться и что ответить на эти не совсем прямые обвинения; положение было довольно щекотливым; он решил молчать.

– А сколько возмутительных проступков и наглых грабежей, – продолжал мрачно Генрих, – которые навлекли на меня порицание народа, так как совершались, конечно, от моего имени. Чего только не придумывали! С икон снимали ризы, из обителей брали церковные сосуды под предлогом, что при их учреждении не соблюдены формальности закона! Подумаешь невольно: «Какой великолепный и святой человек этот милорд Кромвель!...» Хотелось бы только узнать, сколько денег вы заполучили от всех этих захватов. Да, нечего сказать, мы отважно вступили на путь нововведений, отринув католическую церковь... даже слишком отважно!

– Все, что я выслушал от вашего величества, удивляет меня в высочайшей степени! – промолвил граф Эссекский.

– Удивляет? – повторил с ядовитой усмешкой король. – Ну так что же? Удивление – неплохой путь к отступлению, да, нечего ответить! Скажите мне, каковы размеры вашего

состояния! А, вы не знаете! Но я-то знаю лучше, чем вы. Запомните, милорд Кромвель, что я иду на обман только в экстренных случаях, когда вижу в этом свою личную выгоду, и учтите: мое снисхождение покупается исключительно рабским повиновением моей железной воле!

– Я подчинялся ей без всяких оговорок не из боязни, но потому что глубоко и непритворно предан вам, – проговорил Кромвель.

Он вздохнул с облегчением, и лицо его приняло свое обычное невозмутимое выражение.

«Король еще нуждается в моем повиновении, а это доказывает, что я не впал в немилость!» – рассудил граф Эссекский.

– Посланник еще здесь? – спросил Генрих VIII.

– Да, он в приемной.

– Чего он добивается? Постарайтесь избавить меня от этого свидания!

– Это довольно трудно, – ответил граф Эссекский. – Он заявил, что намерен добиться аудиенции у вашего величества во что бы то ни стало, он и так уже жалуется на вашу недоступность.

– Какой он назойливый! – проговорил король. – Он будет опять говорить о Екатерине!

– Да, вероятно.

– Так введите его скорее! – вскричал Генрих VIII с нетерпением. – И внушите ему, что я сегодня чувствую себя не

совсем хорошо и ему не следует испытывать мое терпение!

Кромвель вышел из комнаты, а король растянулся на подушках кушетки.

Глава IV

Король Генрих VIII и посланник Шапюис

– Ну-с, о чем вы хотели поговорить со мной? – спросил Генрих VIII вошедшего посланника.

– Я хотел, разумеется, прежде всего выразить вашему величеству чувство моего глубочайшего уважения, – отвечал Шапюис, подходя к королю со всем высокомерием истинного испанца. Его своеобразный национальный наряд из дорогого бархата с причудливыми вышивками ослеплял своей роскошью.

– Я не в силах смотреть без отвращения на эту пестроту! – проворчал король. – Каждый раз, когда я вижу перед собой испанца, мне приходит на ум, что я вижу дьявола! Я старался убедить Екатерину одеваться проще, но она продолжала следовать своей глупой национальной моде.

– Вы, по-видимому, чувствуете себя не совсем хорошо? – спросил Шапюис.

– Да, у меня немного болит голова... – отвечал сонно и нехотя король. – Но это пустяки, – поспешил он добавить, встревожившись при мысли, что его могут счесть больным. – Я устал от охоты, я пять часов провел в седле, а это, как хотите, довольно утомительно!

– Я желал от души заставить ваше величество в полном здравии и в хорошем настроении духа, так как спешил явиться к вам с весьма радостной вестью...

– Какая же это весть? – спросил быстро король.

– Император Карл Пятый одержал новую блестящую победу: он взял штурмом Гулетту! Тунис сдался ему, Барбарусса бежал, и десять тысяч христианских семейств, попавших в неволю, получили свободу!

– Как? Он вступил в Тунис и овладел Гулеттой? – вскричал Генрих VIII, вскочив с кушетки.

– Да, император сделал это, – отвечал посланник, скрывая радость под маской адской невозмутимости.

– Ну, поздравляю вас, – сказал холодно Генрих, делая над собой громадное усилие, чтобы подавить досаду, вызванную известием об этом славном подвиге, и глубокую зависть к славе императора Карла. – Вы знаете, вероятно, подробности этих важных событий?

– К сожалению, нет. Мне известны пока только главные факты... Позвольте изложить их вашему величеству. Когда флот наш выступил из порта Калиори, командование им было поручено Антонио Дориа, а сухопутные силы возглавил маркиз дю Гваста...

– Я все это знаю, рассказывайте дальше! – перебил король нетерпеливо.

Посланник помолчал и продолжал все тем же невозмутимым тоном:

– Несмотря на упорное сопротивление турок, запершихся в форте, и почти непрерывное нападение мавров на лагерь осаждающих, Гулетту взяли штурмом. В ней нашли триста пушек.

– Триста пушек? – воскликнул изумленный король.

– Испанцы овладели неприятельским флотом, и им досталось ровно восемнадцать кораблей. Узнав об этом громадном поражении, Барбарусса решил выступить из Туниса и дать нам бой. Когда стало очевидно, что испанцы побеждают, он решил вернуться и запереться в городе, но местные жители, спасавшиеся беспорядочным бегством, преградили ему дорогу, а христиане, пользуясь благоприятным случаем освободить себя от неволи и плена, успели в это время овладеть цитаделью. Барбарусса понял полную безвыходность своего положения и бежал в город Бонну.

– Да, нельзя отрицать, что смелость и находчивость христианских невольников оказали испанцам громадную услугу! – сказал с улыбкой Генрих, обрадованный случаем бросить тень на славу императора Карла.

– Все дело заключалось в успехе при Гулетте! – возразил посол. – Тунис слишком обширен, укрепления его недостаточно прочны, а его население состоит из людей разных национальностей. У Барбаруссы не было возможности выдержать осаду!

– Ну а на что рассчитывает мавританский султан, который шел все время за испанской армией с протянутой рукой? –

спросил Генрих VIII с презрением.

– Мавританский султан никоим образом не унижался! – отвечал Шапюис. – Император отнесся к нему с уважением и вернул потерянный престол.

Король расхохотался, но это был принужденный смех.

– Как! Вы возвели на трон Мулей-Гассана? – воскликнул он насмешливо. – Вы заставили драться сицилийцев и немцев ради магометанина? В результате оказывается, что император Карл, руководствуясь желанием вернуть на престол этого неизвестного и ничтожного мавра, созвал под свои знамена весь цвет благородного испанского дворянства, что он ради него обратился к сокровищнице папы, призвал на помощь флот Генуэзской республики и самого известного из его адмиралов и предложил участвовать в предстоящем походе даже мальтийским рыцарям! Я начинаю думать, что ваши сообщения не более как шутка, но, право, эта шутка не остроумна!

Шапюис был оскорблен до глубины души.

– Император Карл Пятый, – отвечал он надменно, – позволяет себе смеяться и шутить только при своих победоносных войсках, это знает весь свет!..

– И я узнаю это, когда французский король завладеет Миланом! – заметил колко Генрих.

Он взглянул на посланника и сделал ему знак, что время аудиенции подошло к концу и что ему остается лишь выразить благодарность, откланяться и уйти!

Посланник понял знак, но он еще не высказал всего того, что хотел сообщить королю.

– Вы, кажется, желаете, чтобы я немедленно ушел, – произнес он почтительно, – а потому позвольте просить ваше величество определить мне час, в который я бы мог, не беспокоя вас, явиться к вам по делу, которое касается в одинаковой степени и чести и спокойствия моего повелителя.

«Я знал, что мне придется испить эту горькую чашу!» – подумал с досадой король, но счел более удобным для себя дослушать до конца сообщение посланника, а не назначать ему вторую аудиенцию.

– Говорите! Я слушаю! – произнес он отрывисто.

– Повинуясь желанию моего повелителя, я должен против воли просить ваше величество улучшить положение королевы Екатерины...

– Вы опять называете ее королевским титулом! – крикнул гневно король и ударил с размаху кулаком по подушке.

– Искренне сожалею, что слова мои вызвали у вас раздражение, но мой долг заставляет меня повторить еще раз, что вы, ваше величество, поступаете с ней несправедливо, – сказал твердо Шапюис, не обратив, по-видимому, никакого внимания на гнев короля. – Августейшая дочь Фердинанда Испанского и супруги его Изабеллы Кастильской и тетка Карла Пятого не должна жить в изгнании и почти в нищете. Она просит, как милостыни, у вашего величества позволения увидеть единственную дочь, но вы не обращаете ника-

кого внимания на ее мольбы, и скорбь сведет ее в могилу!

Шапоис остановился в ожидании ответа, но король продолжал капризничать, дуться и молчать. Зная его упорство, посланник продолжал тем же бесстрастным тоном:

– Зачем ваше величество отказывает этой августейшей принцессе в желаемом свидании, которое вдобавок не сопряжено ни с какими неудобствами!

– Ни с какими неудобствами! – воскликнул Генрих. – Вам, месьсир Шапоис, очень легко сказать: «Это не сопряжено ни с какими неудобствами!» Вам неизвестен характер этих дам, а я знаю наклонности и матери и дочери... Пусть Екатерина даст торжественную клятву называться не иначе, как принцессой Гальской, и, если она хочет склонить меня на уступки, пусть она не подписывается так, как она подписывается сейчас в своих письмах ко мне.

– Вы должны извинить ее, ваше величество, и принять во внимание, что особе с такими возвышенными чувствами трудно свыкнуться с мыслью, что она перестала быть законной женой и заняла двусмысленное положение в свете: эта мысль оскорбительна для ее самолюбия!

– Пусть! Это не убедит меня исполнить ее просьбу! – сказал с сердцем король. – Пусть она уезжает скорее в Аранжу! Южный климат полезен для больных!

Посол был возмущен бессердечием английского монарха.

– Хоть юг и полезен для подобных больных, – отвечал он с надменно-презрительной улыбкой, – но вашему величеству,

вероятно, известно, что принцесса не в силах совершить путешествие: ее дни сочтены, и если вы не знаете, что королева при смерти, то я считаю долгом доложить вам об этом при скорбном обстоятельстве и прошу вместе с тем у вашего величества позволения отправиться немедленно в Кимблтон. У вас нет, разумеется, ни малейшего повода отказать мне в этой просьбе?

– Конечно, – отвечал апатично король. – Поезжайте в Кимблтон навестить Екатерину, и когда вернетесь, расскажете мне, как она поживает.

Он быстро отвернулся к стене, и испанский посланник вышел тотчас из комнаты.

Глава V

Отъезд Нортумберленда

День был сырой и сумрачный, с севера дул холодный порывистый ветер, и тяжелые тучи заволокли небо. Лес глухо шумел; белые маргаритки в цветниках, окружавших старинный замок Перси, прятали свои бледные махровые головки в высокую траву, а фиалки от наступившей стужи сжимали свои нежные листья; песчаные дорожки были густо усыпаны лепестками розового шиповника, ветки ломались с треском и падали на землю, а порывистый ветер разносил их в разные стороны.

Это был первый из тех мрачных, неприветливых дней наступающей осени, когда сердце без причины сжимается от безотчетной тоски.

Старый Гарри взбирался уже несколько раз на площадку высокой величественной башни, чтобы взглянуть на небо, задернутое тучами, на полет резвых ласточек и узнать по приметам, нет ли предвестников настоящей бури.

Утомленный хождением по лестнице, старик вернулся в свою комнату и сел около деревянной кровати. На полочке, приделанной над ее изголовьем, лежала освященная, иссохшая верба и стоял под стеклом образ Пресвятой Девы в простой картонной раме, расписанной, согласно вкусам сель-

ских жителей, чрезвычайно ярко. На задней стороне этой вычурной рамки можно было прочесть коротенькую надпись от руки: «Гарри в дар от Алисы в месяце мае 1482 года».

Прямо под этой надписью находилась другая, сделанная другим, хотя таким же неровным почерком: «Брак Гарри и Алисы был отпразднован в мае 1490 года».

Внизу, с краю, была третья надпись, не менее простая и не менее трогательная:

«Благословенно имя Пресвятой Богородицы: Ее рука хранила меня среди жарких битв и послала мне счастье обвенчаться с Алисой!»

Но теперь от бывшего безоблачного счастья остались только образ Всенепорочной Девы да хилый старичок, сидевший у постели.

Алиса уже давно покоилась в могиле, и за ней последовали и трое сыновей, родившихся от этого благодатного брака, освященного церковью.

У Гарри никого не осталось на земле. Все радости его, все надежды на будущее померкли и угасли; все его ровесники незаметно переселились в вечность, а время шло и шло, оставляя свой разрушительный след: его память слабела и прошлое окутывалось все более и более в непроглядный туман; старику нужно было поднять свою седую голову к необъятному небу, чтобы припомнить дорогие черты близких ему людей, сошедших преждевременно в холодную могилу, и только образок над его изголовьем вызывал у него

живое, благотворное чувство.

Даже ничего не смыслящий в живописи человек заметил бы погрешности этого изображения: его бы озадачил темно-розовый цвет тела Иисуса и бахрома, которой художник счел нужным украсить покрывало Марии; он не мог бы взглянуть без досады на огромный букет ярко-алых роз, лежащий у ног Пресвятой Девы. Но этот образок пробуждал в сердце Гарри совсем другие чувства: старик считал его сокровищем Вселенной и даже самой жизни.

Когда мрак ночи опускался на землю и древний замок Перси погружался в безмолвие, Гарри склонял колени перед заветным образом и начинал молиться. Молитвы оживляли воспоминания о дорогой подруге его блаженной молодости; перед ним вставал образ цветущей девушки в живописном наряде английской поселанки и церковный алтарь, убранный цветами. Старик произносил незабвенное имя своей жены Алисы и продолжал молиться с удвоенным усердием Создателю Вселенной.

Но в этот бурный день наступающей осени мысли старого Гарри не обращались в прошлое, его волновали сегодняшние заботы. Две слезинки скатились по бледному лицу его, изрытому морщинами. Он посмотрел на образ и прошептал с тоской:

– Не оставь, храни его, Святая Богородица!

Заметно успокоенный этой теплой молитвой, Гарри встал с усилием и взял толстую палку, без которой он не мог

бы пройти и десяти шагов. Открыв дверь на узкую, страшно крутую лестницу, он спустился по ней с крайней осторожностью, прошел большую комнату с потемневшими сводами, потом несколько залов и очутился в спальне графа Нортумберленда.

Генри Перси стоял перед открытым шкафом огромных размеров, в котором размещалась блестящая коллекция самого превосходного дорогого оружия. Граф был в дорожном платье, и в спальне его царил печальный беспорядок, сопровождающий сборы в дальнее путешествие: на полу около двери стоял уже уложенный походный чемодан, перетянутый тонкими, но крепкими ремнями; на столике стояли серебряный стакан и дорожная фляга; на окне, рядом с сумкой со съестными припасами, лежал набитый золотом вязанный кошелек ярко-синего цвета; различные ненужные бумаги, брошенные в камин, превратились в груды черного пепла, в котором еще мелькали, как змейки, огоньки; красивый плащ, опушенный мехом, свешивался со спинки старомодного кресла.

Сердце Гарри заняло, когда он увидел эти приготовления.

– Вы уже собрались! – произнес он со вздохом. – Вы, стало быть, хотите отправиться сегодня?

– Да, – отвечал лорд Перси, разбирая оружие.

Знакомое лязганье железа оживило старика: он приблизился к шкафу и посмотрел на лежавшие в нем драгоценные панцири такой великолепной и искусной работы, что они ма-

ло отличались по мягкости и гибкости от холщовой рубашки, на ножи, кинжалы, сабли и на шпаги всевозможных размеров. На бледном лице Гарри вспыхнул яркий румянец, и на губах его появилась улыбка, исполненная гордой, торжествующей радости.

– Вот секира, с которой ваш покойный отец не разлучался в битвах, возьмите ее, граф! – сказал он с несвойственным ему воодушевлением.

На лезвии секиры было столько зазубрин, что решительно невозможно было вынуть ее из раны, не лишив жизни противника.

Старый Гарри взмахнул ею несколько раз и подал Перси.

– Полюбуйтесь, милорд! – произнес он с восторгом. – Вы на ней не увидите и тени ржавчины. Ваш отец приобрел ее у собаки-жида, который наотрез отказался объяснить, где он ее добыл! Антонио ди Сандро, знаменитый учитель Бенвенуто Челлини, сделал эти ножны и эту рукоять. Всмотритесь хорошенько в это великолепие: серебро нежное и прозрачное, как кружево на груди знатной леди.

– Да, – сказал Генри Перси, – это работа талантливого художника, но никак не Челлини. На свете не было, да и не может быть второго Бенвенуто.

– Все дело в лезвии! – заметил старый Гарри, качая головой. – Рукоять же нужна для красоты; о ней не думаешь, когда идешь в сражение. Вы должны взять с собой эту длинную шпагу, – продолжал он, – а вот эту коротенькую можно при-

весить к поясу; секиру, разумеется, мы прикрепим к седлу.

– Ты хочешь превратить меня в ходячий арсенал! – сказал со смехом Перси.

– Оружие никогда не помешает! – отвечал с глубочайшим хладнокровием Гарри. – Пусть оно не понадобится, это не важно, но оно может понадобиться! Необходимо взять и теплый плащ. А вы не забыли захватить с собой золото? Ведь оно – нерв войны, как гласит пословица. Пословицы не лгут. Вассалы следуют за своим повелителем из чувства долга, но наемное войско повинует его воле только за деньги...

– Ты сошел с ума, Гарри! – перебил его граф. – Ты вообразил, по-видимому, что я уезжаю, чтобы возглавить чуть ли не целую армию вассалов и наемников, между тем как я, в сущности, отправляюсь на время в простое путешествие по частному делу.

– Простое путешествие! – проворчал сердито Гарри. – Вы не сказали даже, куда уезжаете. Нужды нет, я придерживаюсь еще старых порядков и повторяю вам: запаситесь всем необходимым, помолитесь поусерднее Богу, взовите к предстательству святого Михаила и святого Георгия, поручите себя Пречистой Богородице и отправляйтесь смело на все четыре стороны. Вас никто не тронет!

– Еще бы! При таком количестве заступников! – сказал с улыбкой Перси.

– Я поступал всегда точно так же, – отвечал ему Гарри с глубоким убеждением.

– И ты отлично делал! Я охотно воспользуюсь твоим благим советом, – сказал серьезно граф.

Старый Гарри вздохнул и пригладил рукой клочки седых волос, уцелевших на его лысом черепе.

– Ваша лошадь готова, я кормил ее сам, – произнес он печально. – На войне жизнь всадника зависит от его коня.

– А ты не говорил ничего нашим конюхам? – спросил с живостью Перси.

– Конечно, ничего! Что я мог им сказать? Я ничего не знаю... Я знаю только то, что у меня ужасно тяжело на душе! Я хотел бы отправиться вместе с вами, милорд... и хотя вы вчера сказали мне, что я надоедаю вам своими наставлениями, повторяю, что не понимаю, зачем вы уезжаете без провожатого... и в такой день! Ведь самый незначительный дворянин королевства постыдился бы выйти из своего домишка в таком убогом виде... Это непостижимо и даже неприлично!..

– Моя лошадь готова! Я тоже! – сказал Перси.

Он хотел было выйти, но старик встал в дверях и протянул к нему худые руки.

– Они там, внизу! – произнес он с испугом. – Я не могу при них прощаться с вами!

– Кто они?

– Понятно, ваши слуги, – сказал он тихим шепотом, как будто опасаясь, что его услышат.

Старик схватил порывисто руки Нортумберленда.

– Прощай, Генри, дитя мое, – произнес он с усилием. – Прощай, мой господин! Даст ли Всевышний нам свидеться еще в жизни?

Голос его дрожал от сильного волнения, и горячие слезы застилали глаза.

– Почему ты сомневаешься, Гарри? – отвечал Генри Перси, тронутый этой искренней, несокрушимой преданностью. – Я вернусь скорее, чем ты, может быть, думаешь, и вернусь, конечно, несравненно более счастливый, чем сейчас.

– Да услышит вас Бог! – сказал набожно Гарри. – Но если вы замешкаетесь, вы меня не застанете. Я уже слишком стар.

– Ну, не печалься, Гарри, я еду ненадолго, – успокаивал граф и, наклонившись внезапно к старику, шепнул ему на ухо: – Я доверю тебе тайну, сохрани ее в сердце! Королева умирает... Я отправляюсь к ней! Я умолю ее простить Анну Болейн... А теперь прощай, Гарри!

– Святая Богородица! – вскричал с изумлением и ужасом старик. – Так вы едете к этой заштатной королеве?

– То есть к моей единственной законной повелительнице! – возразил Генри Перси.

– Вы, верно, не подумали о гневе короля? А ведь ему доложат о вашем путешествии.

– Будет, Гарри! Прощай и охраняй мой замок!

Лорд пожал еще раз с задушевностью руку своего старого и верного слуги и поспешил к парадному подъезду, выходя-

щему во двор.

Конюх подвел поспешно своему господину чистокровного, статного и гордого коня с длинной, волнистой гривой. Прекрасное животное задрожало от радости при виде лорда Перси и огласило воздух продолжительным ржанием.

Вскоре копыта коня застучали о брусья подъемного моста, и не прошло и минуты, как всадник скрылся из глаз в густом облаке пыли.

Глава VI

Олен и гарри

Открыв окно в спальне, Гарри не спускал глаз с удаляющегося графа. Но когда Генри Перси скрылся в тумане, старик закрыл окно.

– Уехал... – прошептал он с сокрушением.

Он подошел к шкафу и начал разбирать дорогое оружие. Нужно сказать, что за этим приятным делом Гарри забыл даже на время об отсутствии Перси; но когда все было приведено в порядок, когда он прикрыл окованные медью плотные дверцы шкафа и запер их на ключ, им овладело прежнее неутешное горе.

– Уехал, – повторил он с той же глубокой грустью, – и в такую ненастную погоду!

Он собрал так же тщательно и остальные вещи, разбросанные по комнате, поставил на буфет початую бутылку испанского вина, собрал до клочка все бумаги, валявшиеся на письменном столе, и, когда спальня графа приняла прежний вид, старый Гарри приблизился к погасшему камину и прошептал тоскливо:

– Он уже теперь далеко! Да хранит его Бог!

Он поспешил уйти из опустевшей комнаты и хотел, очевидно, вернуться в свою уютную каморку, но потом передумал.

мал и пошел быстро, как только мог, по длинной галерее в очень большой зал, который назывался с незапамятных времен зал Совета. В давно минувшие времена, когда шотландцы очень часто совершали набеги на английские владения, английские бароны, проживавшие ближе к северной границе королевства, съезжались в замок Перси и обсуждали именно в этом большом зале, какие меры принять против непрошенных гостей.

На обоях этого огромного помещения были изображены сцены из жизни Александра и его полководцев – Антипатра, Лизимаха, Пармениона и прочих, – при помощи которых он покорил Персию, Индию и Грецию. Мрачные картины разрушения, большие города, объятые пожаром, и равнины, покрытые трупами воинов, заполняли стены зала. Надписи у бордюров объясняли подробно сюжеты этих печальных сцен.

На небольшом пространстве той же комнаты была запечатлена сцена далеко не такого зловещего характера: надменная Юнона отказывалась покориться могуществу великого Юпитера; богиня восседала на золотом павлине среди зелени плодов и цветов. В центре зала стоял огромный стол, покрытый дорогой старомодной тканью: на ней были изображены исторический конь, под защитой которого греки проникли в Троию, и ее разрушение; со стен валились раскаленные камни и тяжелые бревна, охваченные пламенем; Андромаха стояла на большой башне, обливаясь слезами, а главная причина всей этой катастрофы, Прекрасная Елена, го-

товилась вернуться в самом недалеком будущем к разлученному с ней несчастному супругу. Нетрудно догадаться, что спартанский царь должен был неминуемо найти на лице жены следы времени, так как акт похищения прекрасной королевы совершился, к несчастью, двадцать лет назад! Гениальный Гомер счел за лучшее не касаться этого обстоятельства, предоставив прозаикам свободу трактовать его, как им будет угодно.

Тот, кто создавал древнюю ткань, покрывавшую стол, последовал примеру великого поэта и не изобразил спартанскую царицу; ее место занял убитый горем знаменитый Приам, а сбоку от него шла мудрая Гекуба с целой группой троянок, призывающих мщение всех богов и богинь на предателей греков.

На столе стояла железная, позолоченная, массивная чернильница, но чернила в ней высохли и паук давно заткал паутиной ее отверстие; вокруг нее лежали реестры в толстых папках с железными застежками; в крепких дубовых ящиках громадного стола хранились, как сокровища, плохо выполненные карты северной части Англии и шотландских границ. Кроме различных хартий, контрактов и вообще всевозможных бумаг, касающихся управления и владения обширными родовыми поместьями знатной фамилии Перси, в зале еще хранились описания осад, выдержанных их замком, и битв с шотландцами; из них образовались объемные рукописи в массивных переплетах. Этот труд взяли на себя монахи из

аббатства Витби, основанного графом Уильямом Перси, соратником и другом Вильгельма Завоевателя.

Одна из этих рукописей отличалась особенно изящным оформлением, и переплет из слоновой кости поражал тонкостью резьбы, выполненной художником с изумительным совершенством. Фолиант хранился в малиновом чехле, обшитом превосходной золотой бахромой, а на белой подкладке его, затканной серебром, были вышиты шелком фамильные гербы непобедимых Перси.

Гарри медленно обошел зал Совета, присел к столу и бережно снял с рукописи малиновый чехол.

Он очень долго смотрел на переплет, восхищаясь, по-видимому, фестончатым бордюром, не уступавшим по прозрачности и нежности кружевам, а потом открыл книгу.

Составленное из разноцветных букв своеобразной формы, покрывавших плотный, голубоватый титульный лист, заглавие свидетельствовало о том, что рукопись посвящена родословной знаменитого влиятельного в Англии древнего дома Перси.

– Жаль, что я не могу добраться до колдуньи Шивиотской вершины, – рассуждал старый Гарри. – Это недалеко... а про нее рассказывают диковинные вещи... и у меня есть деньги!..

Он скрестил на груди руки, покрытые глубокими морщинами, и крепко задумался; его седые брови сдвигались все плотнее, и видно было, что он пытается отогнать какую-то

неотвязную мысль.

– А дьявол-то, пожалуй, хитрее, чем мы думаем! – воскликнул он внезапно. – И ведьма, чего доброго, рассказала бы мне, увижу ли я моего господина... и женится ли он? Ведь они прибегают к различным заклинаниям! Там, говорят, летают злые черные кошки с зелеными глазами, ведьма чертит в воздухе какие-то круги, и они начинают гореть, как огонь; она сжигает всевозможные ядовитые зелья, и человеку достаточно посмотреть в ее зеркало, чтобы узнать, что с ним будет. Все это, может быть, только пустые рассказы, и аббат говорит, что всякое гадание – непростительный грех! Он даже читал нам по этому поводу очень длинную проповедь! А все же знать заранее все, что случится, чрезвычайно приятно!

Гарри развернул книгу, и внимание его всецело переключилось на переплет.

– Жаль, что я не могу прочесть это сокровище! – прошептал он со вздохом. – Я никак не пойму эти мудреные знаки. Все они на вид как будто одинаковые и стоят рядами! Одни только писцы разбирают их сразу.

Старик второй раз в жизни осознал, как плохо быть неграмотным, – он печально опустил свою седую голову.

– Придется обратиться к Олену, – проворчал он сквозь зубы. – А об этом узнают! Ведь когда моя Алиса подарила мне образ Пресвятой Богородицы, все узнали, что написано на задней части рамки... Я дам ему два пенса, и он не пробол-

тается. Олен – славный мальчишка! Мне жаль, что его учат только грамоте... Я уже не раз говорил милорду, что из него мог бы выйти расторопный солдат, даже отважный воин, а при таком раскладе он не сможет, пожалуй, перевязать как следует и раненого осла!

Старый Гарри прошел на другой конец зала и отодвинул крепкие железные засовы на двери, выходявшей прямо на вал. Этот вал представлял собой причудливое зрелище: на нем стояли группы языческих богов и вооруженных воинов: Геркулес со своей страшной смертоносной палицей и Аполлон с колчаном, наполненным стрелами; неподвижные витязи как будто угрожали с высоты осаждающим, а несколько поодаль толпа слуг волокла тяжеловесный камень с очевидным намерением подтащить его к краю и столкнуть вниз на неприятеля.

Гарри спокойно прошел мимо этих озлобленных и неподвижных воинов и, спустившись по лестнице, находившейся в башне, вошел в светлую комнатку, где мальчик прилежно чертил цифры на аспидной доске.

На голове его была легкая шапочка, а платье было сшито из тонкого сукна пурпурного цвета, подобного цвету кардинальских мантий. Когда дверь открылась, он быстро поднял голову и устремил на Гарри прекрасные глаза, сверкавшие умом.

В комнатке находилось всего только два стула; на одном из них сидел Олен, а на другом лежала целая гора нот, тет-

радей и бумаг. Тут же стоял орган очень грубой работы, а за ним находилась маленькая кровать; в изголовье ее, на пуховой подушке, покоился внушительных размеров латинский словарь, труд Роберта Эстиенна, который Генри Перси подарил любознательному и смышленому мальчику.

Олен в одно мгновение освободил стул, заставленный бумагами, и подал его Гарри.

Выполняя обязанности вежливого хозяина, ребенок задавался в то же время вопросом, чем вызвано это посещение.

Хотя Олен и Гарри были, каждый по-своему, влиятельными персонами среди челяди, состоящей при графе, но им не приходилось еще ни разу в жизни оставаться с глазу на глаз.

Олен был сиротой, и Генри Перси взял его под свое покровительство; он снабжал мальчика всем необходимым и, заметив его отличные способности, помогал ему заняться образованием. Прислуга постоянно обращалась к Олену, когда было нужно подсчитать издержки или написать родным. Познания в арифметике, грамматике, а больше всего в музыке сделали мальчика весьма популярным не только в замке Перси, но и в его окрестностях. Он даже удостоивался чести в случае нездоровья старого капеллана читать на сон грядущий графу Нортумберленду разные эпизоды из Старого и Нового Завета.

Все эти обстоятельства, а еще того более убеждение, что у Олена нет воинственных наклонностей, восстановили Гарри против бедного мальчика, и он не упускал случая отозваться

о нем как о глупом ребенке, на которого не следует обращать внимания. Олен понял, что только какое-то исключительное обстоятельство могло побудить Гарри заглянуть в его комнату.

Старый слуга, казалось, был не менее Олена удивлен своей выходкой. Он уселся на стул, не говоря ни слова.

Мальчик тоже молчал и вопросительно смотрел на старика.

– Что ты писал, Олен, на аспидной доске? – спросил наконец Гарри.

– Я делал расчеты.

– А! – промычал старик. – Скажи же мне теперь: ты умеешь читать?

– Пожалуй, да! – отвечал мальчуган с плутоватой улыбкой. – Я должен, вероятно, прочитать вам письмо?

– Нет, я зашел к тебе совсем не для того.

– Так вы, видно, желаете продиктовать письмо?

– Мне некому писать.

– Вам угодно, быть может, чтобы я что-нибудь подсчитал?

– Нет! Какое сложение!

– Так что же я должен сделать?

– Ничего, – отвечал отрывисто старик, – пока ты мне не скажешь, такой же ли ты болтун, как и все мальчуганы?

– Вы знаете, господин Гарри, – возразил очень кротко, но серьезно Олен, – что я делаю все, что от меня зависит, чтобы не вызвать вашего недовольства, хотя и замечаю, что вы меня

не любите!

«Он действительно добрый и послушный мальчик!» – подумал старый слуга, но спросил тем не менее с напускной суровостью.

– Так я могу рассчитывать на то, что ты не проболтаешься?

– Разумеется! – отвечал уверенно Олен.

– Ну, так тебе придется прочесть мне одну рукопись, там... в зале наверху, но не смей говорить об этом никому! – продолжал он торжественным и таинственным тоном, наклоняясь к уху мальчика. – Мне захотелось прочитать родословную нашего господина, хотя я ее знаю...

– Ну так в чем же дело? Идемте! Я готов! – перебил его мальчик.

Обрадованный случаем увидеть дорогие рукописи, к которым он не смел прикоснуться, Олен взбежал легко и проворно, как кошка, по лестнице на вал.

– Эй! Тише, мальчуган! – крикнул старик, шагая вслед за ним по крутым ступеням.

Гарри был еще на полпути, а Олен уже успел обежать раза три бессменный гарнизон, столетия стоявший на крепостном валу.

Минуты через две ребенок и старик сидели у круглого стола в большом зале Совета.

Олен торопливо взял драгоценную рукопись и любовался ею, а Гарри положил перед собой на стол клочок чистой

бумаги, на которую намеревался накалывать кресты концом острой иглы, чтобы вспомнить по ним самые интересные места из родословной.

Олен приступил к чтению.

В начале родословной говорилось о том, как Менеррой, от которого происходили Перси, прибыл с герцогом Роллоном из Дании в Нормандию, как преемники его славы, Уильям и Серло, переселились в Англию с Вильгельмом Завоевателем и как Уильям, любимец этого государя, получил от него после битвы в 1067 году тридцать два поместья и, отправившись на поклонение гробу Господню, умер в Иерусалиме.

Гарри наколол крест и сказал с умилением:

– Кончить жизнь у гроба Иисуса Христа... благодатная смерть!.. Я бы тоже желал умереть таким образом!.. Читай дальше, Олен!

И мальчик продолжал с тем же воодушевлением:

– «Сын Уильяма, Олен, наследовал ему; он подарил немало земельных угодий аббатству Витби, основанному отцом его, и был в нем погребен, оставив после себя пятерых сыновей от брака с Эммой Гентской.

Его сын, Уильям, построил очень много обителей и храмов и был в свою очередь похоронен в Витби.

Ричард, его наследник, основал в 1133 году аббатство Кимблтон.

Его наследник Уильям вел страшную войну с мятежными шотландцами и оваял себя славой. Он женился на дочери

короля Генриха и часто одаривал храмы. Одна из дочерей его была выдана замуж за графа Варвикского, другая обвенчалась с Гослином Лорренским, братом Аделидисы, английской королевы, и сыном Годфрида, герцога Брабантского. Четыре сына Уильяма умерли, не оставив потомства, и Агнесса, жена Гослина Лорренского, пожелала, чтобы дети носили ее девичью фамилию и соединили бы фамильные гербы Перси и Брабанта.

Агнесса была тоже погребена в Витби.

Ричард, ее наследник, имел много земель и богатых поместий; он был одним из двадцати пяти влиятельных баронов, которые защищали великую хартию свободы от всех покушений Иоанна Безземельного; он принимал участие в возмущении, вызванном жестокостью последнего, и всеми силами помогал Людовику Французскому, призванному баронами управлять государством вместо Иоанна.

После его кончины младший брат его, Генри, увеличил число их родовых поместий и получил вдобавок и замок Ликинфилд, вблизи от Веверлея.

У сына его Уильяма было более тридцати ленных угодий, не считая его наследственных владений, и король Генрих III выдал ему концессию на учреждение рынков. Он передал много земель госпиталю Сандоу и аббатству Салли, вменив им в обязанность молиться за него, и был похоронен в этом самом аббатстве.

Его сын и наследник уплатил королю девятьсот фунтов

стерлингов за право вступить в брак по собственному выбору. Король взял с него слово участвовать в войне, которую он вздумал начать против Шотландии, но Генри встал на сторону непокорных баронов. Это не помешало ему на следующий год вернуть себе милость своего повелителя: он прославился многими блистательными подвигами и женился на дочери графа Сюррейского. И он был, как и отец его, похоронен в Салли.

Старший сын его, Генри, был назначен правителем Голловея в Шотландии; он участвовал в знаменитом сражении при Думбаре и во многих других и получил в награду за верность и за храбрость обширные поместья Ингельрама Баллиота, умершего бездетным. Он приобрел впоследствии у епископа Дургемского живописное и богатое поместье Альнвик».

– Да, это тот самый замок, в котором мы живем! – перебил его Гарри.

– Я знаю! – отвечал торопливо Олен. – Это произошло в третье лето царствования короля Эдуарда, приблизительно в тысяча триста десятом году.

– Да, это было чудесное время! – воскликнул ветеран с пылким воодушевлением. – Представь себе, Олен, картину этих битв, эту доблесть и славу! Лестно даже служить у подобных господ!..

Но мальчик не промолвил ни слова и продолжал читать: – «Он перестроил замок, приобрел вслед за тем поместье Корбридж и получил по воле короля Эдуарда знаменитое

графство Каррик со всеми находившимися в нем имениями и замками Роберта Брюса. Он ревностно заботился об украшении храмов, строил часовню и был похоронен под алтарем известного аббатства де Фунтен.

Его наследник, Генри, был сделан губернатором нескольких городов за услуги, оказанные им в то время королю и давшие последнему возможность сокрушить обоих смелых Спенсеров. Ему была доверена и охрана границ со стороны Шотландии. Король нуждался в нем и в его присутствии даже в мирное время и в награду за эту непрерывную службу отдал ему все замки сэра Джона Клеверинга; он отправлял его и в качестве посланника к шотландскому двору, а шотландский король дал ему в свою очередь богатое поместье со значительным доходом. Этот Перси участвовал несколько раз в войне с Шотландией и Францией; он присутствовал и при осаде Нанта.

Когда шотландцы, пользуясь присутствием короля при осаде Кале, снова внезапно напали на Англию, Перси разбил их наголову и взял при этом в плен их короля Давида...»

– Ну, признайся, Олен, – перебил снова Гарри, – может ли самый доблестный и благородный род сравниться с родом Перси? Разве не приятнее защищать свою родину, одерживать победы и брать в плен королей, а не выводить каракули на аспидной доске, как это делаешь ты?

Мальчуган улыбнулся.

– Ведь я не дворянин, – сказал он добродушно.

– Знаю, дерзкий мальчишка! – крикнул старик. – Но ты мог бы по милости нашего господина сделаться пажом, воином и следовать примеру порядочных людей!

– Мне не нравятся шум и бряцание оружия, – сказал кротко Олен. – Я люблю мирный труд, люблю мирную жизнь. Бог не вложил мне в душу воинственных наклонностей, и не могу же я переделать себя!

– Ну да, ты производишь от овечьей породы, но хитер, как лиса: я давно это понял. Продолжай же читать! Тебя не вразумишь, не придашь тебе храбрости!..

Старик начал с досадой колоть иглой бумагу, а Олен продолжал:

– «Генри Перси скончался вскоре после возвращения из похода во Францию и был похоронен в Альнвикском прибратстве.

Его сын, тоже Генри, сопровождавший его во всех походах и бывший в знаменитом сражении при Кресси, наследовал поместья и должности отца и приумножил славу знатной фамилии Перси.

Его сын и наследник снарядил на свой счет и отправил в Пуату до тысячи стрелков и три сотни отлично вооруженных солдат; его личная стража состояла из сотни конных стрелков, сорока семи конюхов и двенадцати рыцарей. Возведенный в достоинство маршала Англии, он был следом затем назначен губернатором Кале и его фортов. Он получил титул графа Нортумберлендского во время коронации Ричарда

III. Он сражался с шотландцами и взял город Бервик; он был несколько раз посланником при разных иностранных дворах и сопровождал короля, когда тот отправился во Францию для личного свидания с Карлом VI. Сын Перси отличался такой дерзкой храбростью, что шотландцы, которым он не давал покоя, присоединили к имени его прозвище Готспур. Король Ричард, узнав, что этот Готспур, как и отец его, отзывались о нем не с должной почтительностью, приказал им немедленно явиться ко двору и, когда граф послушался этого приказа, осудил его на изгнание из Англии. Перси был возмущен подобным приговором и, пользуясь своим богатством и влиянием, взял Ричарда в плен, а герцог Ланкастер без труда завладел английской короной. Новый король, именовавшийся Генрихом IV, возвел Нортумберленда в звание коннетабля, подарил ему остров Мэн и вообще окружил его всевозможными почестями. Но волею судьбы он не смог воспользоваться выгодами такого положения. Почти сразу же после этого Готспур, негодовавший неизвестно за что на Генриха IV, восстал против него и пришел с целым войском к городу Шрюсбери; король встретил его во главе своей армии и предложил ему полнейшее прощение, но Готспур не воспользовался его великодушием. Закипел жаркий бой, и Готспур был убит. Узнав о смерти сына, граф Перси удалился в Веркуртское поместье, но был вызван оттуда предписанием парламента как соучастник сына. Он был оправдан лордами, но отрешен от всех своих почетных должностей приказом

короля; он пробовал бороться, но напрасно – и умер в изгнании.

После смерти Готспура его единственный малолетний сын Генри бы вывезен дедом в дальнее поместье. Генрих V, вступив на английский престол, приказал лордам Грею и Джону Невиллу съездить за ним и привезти его в Лондон. Он вернул ему все владения деда, а впоследствии даже все должности. Желая защитить Альнвикское поместье от набегов шотландцев, Генри обнес его высокими стенами. Он был предан всем сердцем династии Ланкастеров и погиб в Сент-Олбенской кровопролитной битве.

Его сын оказал много важных услуг королю и отечеству и сражался с шотландцами, как и все его предки. Ему были дарованы все земли и все замки сэра Роберта Огя, лишённого всех прав специальным законом. Генри Перси участвовал в кровопролитных войнах Алой и Белой розы и был убит в Йоркшире».

Родословная, из которой здесь приведены исключительно главные факты, чтобы показать читателю богатство и могущество английского дворянства в ту далекую пору, была почти прочитана. Олен хотел перейти к следующему параграфу, он даже произнес: «Его сын и наследник...» – когда Гарри схватил его неожиданно за руку.

– Довольно! – сказал он. – Неужели ты думаешь, что я не знаю о жизни и блестящих подвигах моего господина, за которым следовал во всех его походах и который способство-

вал восшествию на престол отца нашего, нынешнего английского монарха! Нет, милый, мне известны малейшие подробности!.. Ты читаешь отлично... Остается узнать, что бы тебе хотелось получить за свой труд?

– Вы действительно хотите вознаградить меня? – спросил Олен, прищуриw лукаво-прекрасные глаза, сверкающие умом.

– Да, – отвечал старик нерешительно.

– И вы серьезно думаете оплатить этот труд? – спросил опять Олен.

Мальчик знал о скупости Гарри, который тем не менее сочувствовал нуждам всего человечества.

– Серьезно, разумеется! Я не люблю болтать! – проворчал старик не без досады.

– В таком случае, – сказал мальчик, – позвольте мне хоть изредка приходить сюда и читать эти чудесные рукописи.

– Как? – воскликнул с испугом ошеломленный Гарри. – И ты дерзнул подумать, что я доверю ключ от зала Совета такому сорванцу, ключ, который я чищу почти каждый день и берегу как зеницу ока? Нет, милый, ты затеял невозможное дело! Если бы ты, например, пожелал получить от меня медовую лепешку или банку варенья, то я бы с удовольствием исполнил твою просьбу.

– Я, к несчастью, не лакомка, – сказал Олен.

– Тем хуже, милый мой! Дети должны любить всякого рода сладости, и я не виноват в том, что ты исключение из об-

щего правила.

И Гарри, продолжая развивать свою мысль, вывел из зала мальчика, задвинул массивные железные засовы и запер дверь на ключ.

Глава VII

В дороге

Графство Нортумберленд, отделенное от Шотландии цепью Шевиотских гор, граничило с графством Дургемским, с востока – с Северным морем, а с запада – с графством Кумберлендским и орошалось многими широкими реками, в том числе Альном, Кокетом и Вернбиком. Выехав из замка, Генри Перси поехал в Норпет легкой рысью. Хотя дорога была довольно широкой, страшная небрежность, с которой относились в те далекие времена к путям сообщения, привела бы любого из наших современников в содрогание.

Погонщикам с тяжеловесной кладью часто приходилось терять время на то, чтобы засыпать чем попало колеи и ямы, преграждавшие путь.

Тот, кто, понадеявшись на ловкость и выносливость лошади, думал обойтись без этого, нередко обращался за помощью в ближайшие селения, чтобы поднять и вытащить из грязи опрокинутый воз.

Надвинув до бровей поярковую шляпу с широкими полями и закутавшись в плащ с меховой опушкой, граф ехал, погруженный в глубокое раздумье.

Славное имя, огромное богатство и даже уважение представителей всех слоев общества – все это не имело для

него никакого значения. Роковые обстоятельства разбили ему сердце, когда он был в самом расцвете сил, когда судьба сулила ему блистательную будущность, когда он, отважный и прекрасный, волновал воображение всех красавиц, блиставших при английском дворе. Лорд Перси не оправился от этого удара: его земное счастье безвозвратно ушло.

Думать об интересах Анны Болейн, молиться за нее, помогать, не жалея ни времени, ни средств, страждущим стало с тех пор его единственной целью, единственным, к чему устремлялись его чувства и мысли.

Следуя все тем же бескорыстным стремлениям, граф решил отправиться в чрезвычайно долгий и неприятный путь. Ему предстояло проехать через всю Англию, чтобы добраться до Кимблтона. Он не взял провожатого из осторожности, так как знал, что слух о путешествии может легко достичь ушей короля, державшего громадное количество шпионов, а подобный поступок мог навлечь на него гнев государя и даже обвинение в открытом неподчинении державной воле.

Но возможность такого опасного исхода не испугала Перси: он был храбр от природы, да и жизнь потеряла для него уже давным-давно свое значение.

Когда слух об опасной болезни Екатерины дошел до замка Перси, граф решил немедленно отправиться в Кимблтон, чтобы вымолить у законной королевы прощение той женщине, которая дерзнула занять бесправно ее место на английском престоле.

«Екатерина добра, – рассуждал Генри Перси, – она великодушна и способна простить, а прощение ее смягчит, быть может, гнев правосудного Бога против Анны Болейн».

Эта мысль успокоила и ободрила лорда: ему представилась возможность принести пользу прелестному созданию, которое из тщеславия отвергло его несокрушимую, безумную любовь.

Но хотя эта мысль успокоила его больную душу, он не мог, несмотря на все старания; справиться со странным, безотчетным чувством, которое давило и мучило его с первых минут отъезда. Генри Перси казалось, что будущее закрылось внезапно темной, непроглядной тучей.

Он смотрел безучастно и рассеянно на ландшафт, сменяющийся почти ежеминутно: к дороге прилегали обширные луга, орошаемые прозрачными и быстрыми ручьями; на них еще пестрели осенние цветы; охваченные стужей вербы склоняли низко пожелтевшие ветви, и молодые козы ощипывали их с видимым наслаждением.

В иных местах сучья, положенные, конечно, человеком, преграждали путь ручью, и он, стремясь вперед, разделялся на несколько небольших ручейков.

На межах, отделявших владение от владения, возвышались прекрасные величавые тополя.

Пейзаж быстро преобразался: почва делалась суше, луга сменялись высокими равнинами с разбросанным по ним разнородным кустарником. Мирно паслись стада, а в сторо-

не белела палатка пастуха, у входа которой лежала косматая собака.

За этими равнинами следовали поля, с которых поселяне уже успели снять обильную жатву, а вдалеке виднелись неясно, как в тумане, очертания гор.

Поля чередовались с лесами и долинами, с пустырями, покрытыми бледной, тощей растительностью, зыбучими песками и топкими болотами. Вскоре на горизонте ясно обозначилась синяя полоса, сливавшаяся с небом, и, хотя море было еще далеко от дороги, Генри Перси услышал грозный шум волн, разбивавшихся с яростью о прибрежные скалы.

Подъехав ближе, всадник остановился на несколько минут, чтобы полюбоваться этим великолепным зрелищем.

Сплошная туча, закрывавшая небо, постепенно раздвинулась, и пронзительный ветер, дувший с утра, заметно ослаб. Солнце уже погрузилось до половины в волны, окрашивая пурпуром легкие облака, слетевшиеся к западу. Море приняло темный, металлический цвет.

Не подлежит сомнению, что не один смельчак, гнавший свою ладью по этой необъятной движущейся массе, смотрел так же, как Перси, на картину заката, задаваясь вопросом, что она предвещает: затишье или бурю? Скользя над бездной, при свете заходящего солнца он зорко смотрит в синюю, бесконечную даль, пытаясь понять, куда стремится его легкий челн: к спасительной пристани или к грозному берегу, где волны разобьют его о подводные камни.

Солнце погрузилось в темную пучину моря; беловатый туман стлался над водами и быстро окутал легкие паруса, мелькавшие над поверхностью волн.

Генри Перси вздохнул и отправился дальше; дорога становилась уже; Шевииотские горы закрыли бушующее море. Лорд Перси спустился по скату высокого холма в глубокую долину; ему не раз пришлось свернуть с дороги, чтобы не помешать окрестным хлебопашцам, возвращавшимся с поля с боронами и сохами, и резвым ребятишкам, бежавшим им навстречу; вдали слышался радостный лай деревенских собак, почуявших, вероятно, приближение хозяев.

С наступлением сумерек графу пришлось проехать обширное селение: двери убогих домиков были открыты настежь, в каждом очаге блестел яркий огонь, грелся котелок с едой.

В кузницах стук молотов сливался с шипением раскаленного железа, опущенного в воду; безобразный, исполинский мех раздувал все ярче и ярче огонь, все краснее становилась наковальня, над которой работало несколько дюжих рук; сверкающие искры, взлетающие в воздух, освещали массивные фигуры кузнецов и их мужественные, покрытые копотью лица.

Но хижины и кузницы скрылись из виду, а Перси продолжал ехать дальше и дальше по пустынной дороге в сгущавшемся мраке наступающей ночи.

Глава VIII

Уединенный трактир

Когда солнце взошло, лорд Перси ехал шагом по высокой равнине; перед ним расстилалось необъятное море: седые волны разбивались о голые, высокие утесы и падали обратно с оглушительным ревом. Легкокрылые чайки кружились над водой, издавая отрывистые и жалобные звуки, и взлетали все с той же стремительностью на высокие скалы, в углублениях которых вили гнезда. В лучах восходящего солнца их темно-серые перья отливали серебром. Мохнатые лапки темно-красного цвета с большими перепонками давали им возможность легко летать и плавать по волнам.

Разноцветные раковины всевозможных размеров пестрели на отмелях, а на мокром песке около расщелин утесов ползали стаи крабов, почти не отличающихся от больших пауков.

Этот песчаный берег имел свою особенность: он был гладким и чистым, но при отливе покрывался камнями, расположенными правильными уступами, а иногда симметричными рядами – явление обычное для тех, кто жил по соседству с морем.

Дальше песок сменялся голой кремнистой почвой, и обрывки канатов, сломанные доски, ржавые гвозди, лежащие

на берегу, служили доказательством того, что о него разби-
лось уже немало судов.

«Я сбился с дороги, – подумал Генри Перси. – Мне следо-
вало взять проводника в Норпете».

Граф повернул от берега по узенькой тропинке, которая
виднелась в мелкой поросли, покрывавшей почву; он не те-
рял надежды отыскать прямой путь к цели, но его ожидания
оказались напрасными.

Время близилось к полудню, но вокруг было все так же
пустынно и дико. Лорд слез с коня, чтобы немного отдохнуть
и дать передышку усталому животному: он все еще надеялся,
что кто-нибудь выведет его на торную дорогу.

Но прежнее безмолвие царило над равниной, и глухой ро-
кот волн вдали был единственным звуком, который доносил-
ся до Генри Перси. Он вскочил на коня и отправился дальше.

Между тем облака, бродившие по небу, собирались в
сплошную тучу, воздух стал сырым и холодным, ветер сде-
лался резче. Лорд ехал все по той же бесконечной тропин-
ке, но вскоре заметил, что местность изменилась: кое-где
появился кустарник; мелкий дождик, накрапывавший уже
некоторое время, перешел в ливень, и порывистый ветер
превратился в бурю.

Вода ручьями лилась по плащу Генри Перси; он чувство-
вал, что конь его дрожит под чепраком ярко-красного цвета,
но смелый путешественник сохранял присутствие духа. На-
ступившие сумерки еще более осложнили путь, но он ехал

вперед ровным, медленным шагом; мрак становился гуще, ничто не показывало, что он приближается к населенным местам. В довершение всего Генри Перси заметил, что сбился с тропинки, по которой ехал. Он хотел сойти с лошади, но в ту же минуту увидел вдали небольшой огонек, блеснувший как звездочка в темноте.

Через некоторое время лорд поравнялся с домиком самой жалкой наружности; по безвкусно размалеванной вывеске, приделанной к фронтому, он узнал, что этот дом – трактир.

Сойдя поспешно с лошади, он постучался в дверь, и ему открыли.

У пылавшего очага стояла молодая и красивая женщина. Она пододвигала уголья к большой сковороде, на которой поджаривалась рыба.

Невдалеке на деревянном стуле сидел мальчуган с неприятным, болезненным лицом. Он был горбат.

Когда дверь открылась, он обратил на Перси глаза, светившиеся умом и любопытством.

Мужчине, открывшему дверь, было под пятьдесят: это был человек самой антипатичной наружности; шрамы, изрезавшие его угрюмое лицо, усиливали неприятное впечатление, которое оно произвело на Перси. Он тоже, по-видимому, вернулся домой недавно; у него были мокрые волосы и сапоги, покрытые невысохшей грязью.

– Позвольте ли вы мне остаться у вас до завтрашнего дня? – спросил лорд Перси.

– Конечно! – отвечал отрывисто хозяин, внимательно оглядывая коня, лицо и платье путешественника.

Конь был великолепен, костюм, наоборот, чрезвычайно скромн, а голос и манеры обличали человека, занимавшего почетное положение в жизни.

Мистер Алико, трактирщик, перевидал немало людей всяких сословий, он прошел огонь и воду и смело причислил лорда к лицам выдающимся.

– Потрудитесь войти, – проговорил он вежливо и заметил как будто вскользь: – Ваш конь великолепен!

Но Перси отвечал на это замечание лишь совершенно рассеянным и апатичным взглядом.

«Он или не знаток, или не дорожит этим чудесным животным», – подумал Алико и спросил вслух:

– У этого коня есть, вероятно, кличка?

– Называйте его как сочтете удобным, но отведите поскорее в конюшню, – отвечал Генри Перси, несколько раздраженный любопытством хозяина, – и дайте ему корм... Я заплачу за него и за себя.

– Все будет исполнено, – проговорил трактирщик, уводя утомленное и продрогшее животное.

– Мама! – сказал уродец, обращаясь к красивой женщине, стоявшей у огня. – Нужно добавить рыбы. Приезжий, верно, голоден, и нам придется остаться без ужина.

– Молчи, болтун! – ответила женщина с улыбкой.

– Ваш сын говорит правду, – вмешался Генри Перси. –

Вам следует действительно подумать о себе, так как я страшно голоден!

– Мы предложим вам все, что у нас есть, – ответила хозяйка, осторожно сняв сковороду и проходя в соседнюю неказистую комнату, которая служила буфетом и столовой.

Генри Перси и мальчик остались с глазу на глаз; ребенок продолжал внимательно смотреть на путешественника. Догоравшее пламя придавало какой-то фантастический вид этой детской фигурке с безобразным горбом. Мальчуган грыз орех и сильно походил на обезьянку.

Граф Перси всецело погрузился в свои думы, забыв о присутствии этого странного создания.

Он снял перчатки из буйволовой кожи, и ребенок приметил, как на левой руке блеснуло золотое кольцо.

Граф вынул из кармана письмо, уведомлявшее его о состоянии здоровья Екатерины, и так как оно промокло насквозь, то он бросил его в огонь.

Когда граф снял плащ и вынул из него зеленый кошелек, мальчуган рассмотрел в нем браслет, несколько золотых и ключик из того же дорогого металла.

Ни одна подробность не укрылась от зорких и умных глаз уродца, и, когда Перси сел и погрузился в думу, ребенок проскользнул, как тень, в другую комнату.

Через несколько минут молодая хозяйка поспешно вошла в комнату и доложила графу голосом, выдававшим сильное волнение, что ужин на столе.

Граф Перси последовал за ней в столовую, где застал хозяина, который вошел с другого хода.

– Вы покормили лошадь? – спросил спокойно граф.

– Да, милорд, – отвечал почтительно трактирщик.

Но граф Нортумберленд был слишком осторожен, чтобы попасться на удочку.

– Кто же из нас милорд? – произнес он насмешливо.

Трактирщик не отвечал на этот искусно поставленный вопрос.

– Ну, кто же, вы или я? – продолжал Перси все с тем же невозмутимым видом. – Не думаю, что вы имеете право на подобный титул. Не хитрите, мистер Джон! Я, конечно, не знаю, Джон ли вы или Джек. Я вовсе не так прост, как вы думаете, и хотя роль шпиона имеет свои выгоды, предупреждаю вас, что это напрасный труд в отношении меня!

Ужин прошел в молчании. Алико и его жена сидели вместе с сыном на другом конце стола и ели то же самое, что подавалось Перси.

Но в то время как трапеза подходила к концу, Алико попытался опять заговорить с молчаливым приезжим.

– Если вы не милорд, – сказал он, подозрительно посмотрев на Нортумберленда, – то вы, вероятно, торговец, сбившийся с пути, так как к нам заезжают только люди рабочего сословия.

– А вы хотите знать, не могу ли я продать вам хорошее сукно? – спросил Генри Перси, которого забавляла возмож-

ность сыграть роль бродячего разносчика и сильно озадачивало любопытство трактирщика.

– Конечно! – отвечал спокойно Алико, толкнув ногой жену. – Я бы хотел купить для праздничного платья хороше-го сукна темно-алого цвета, в котором щеголял в давно прошедшие времена... Но вы, очевидно, распродали товар, так как при вас нет короба, с которым разъезжают все прочие разносчики?

– Да, я действительно продал все, что взял с собой из дома! – сказал с улыбкой Перси.

– Как, абсолютно все? – воскликнул Алико с явной тревогой.

– Положительно все, – спокойно подтвердил лорд. – И теперь сожалею, что так случилось, потому что хотел бы подарить вашей милой и радушной жене штуку самого тонкого испанского сукна в знак благодарности за хороший ужин и ласковый прием.

Граф приветливо посмотрел на молодую хозяйку: это была действительно симпатичная женщина с прекрасным, искренним и правильным лицом. Густые светло-русые волосы при нежных, выразительных темно-карих глазах придавали ей еще больше миловидности.

Хозяйка отвечала молчаливым поклоном на слова гостя.

Когда ужин кончился, Перси собрался встать и проститься, но Алико хотел продлить, насколько можно, начатый разговор.

– Поешьте еще, – произнес он приветливо. – Вам бы не помешало выпить глоток вина.

– Я не пью, – отвечал Генри Перси, вставая из-за стола.

– Так вы, значит, желаете сейчас же лечь в постель? Вы даже не хотите погреться у огня? – спросил трактирщик с опечаленным видом.

– Нет, – отвечал лорд Перси.

– Неужели вы откажетесь выпить несколько капель хорошего ликера? – приставал Алико.

– Положительным образом! Я хочу лечь в постель, если это возможно!

Тон его был столь повелительным, что Алико счел нужным исполнить волю гостя без дальнейших возражений.

Он взял медный подсвечник с восковой свечой и провел лорда Перси по деревянной лестнице в одну из дальних комнат – в ней стояла кровать и полдюжины стульев.

– Так это моя комната? – спросил Нортумберленд.

– Да, – сказал Алико.

– И я имею право занять эту кровать?

– Конечно! – отвечал отрывисто хозяин.

– Отлично! – сказал Перси.

Тон, которым он это произнес, ясно подразумевал: «Ты можешь убираться!»

Но Алико стоял неподвижный, как статуя, и, когда Перси скинул с себя полукафтанье, он подошел, чтобы взять его и повесить на гвоздь.

– Благодарю, – сказал холодно граф. – Я привык раздеваться без посторонней помощи. Я прошу об одном: просушите мой плащ и разбудите меня завтра на рассвете.

– Слушаю, – отвечал спокойно Алико, исчезая за дверью, – Ты просишь разбудить тебя завтра на рассвете? – проворчал он сквозь зубы, спускаясь по лестнице. – Но проснешься ли ты, это еще пока неизвестно!

– Наконец-то он ушел, – прошептал Генри Перси. – Какое у него зловещее лицо! Мне жаль, что я попал в подобную трущобу. Из всего, что я здесь видел, ясно, что трактирщик – шпион, и будет досадно, если король проведаст о моем путешествии. А впрочем... будь что будет!

Но в то самое время, как Перси стоял, призадумавшись над этим обстоятельством, изувеченный стул, на который он кинул свое платье и вещи, свалился под их тяжестью.

Замочек кошелька открылся при падении, и золотой браслет, украшенный рубинами, покатился по комнате.

Когда Перси нагнулся, чтобы поднять его, он заметил, что пол покрыт в этом месте брызгами темной крови.

Он побледнел и вздрогнул.

– Браслет Анны Болейн упал прямо в кровь! – произнес он тоскливо. – Что это, боже мой? Простая случайность или предупреждение? Неужели для нее наступил день суда, день кары за ее безумные поступки? Нет, Творец мой, Ты милостив к заблудшему грешнику! Дай и ей срок опомниться и искупить прошлое раскаянием.

Лорд преклонил колени в надежде отогнать набожной молитвой тяжелые предчувствия, которые теснились в его больной душе.

Но нервы его были слишком напряжены, и воображение рисовало ему с убийственной отчетливостью безмолвную толпу, ожидавшую казни, роковой эшафот и бледную головку, лежащую на плахе в волнах золотистых волос.

Поняв, что ему не отогнать эти мысли, Генри Перси встал и положил браслет в свой дорожный портфель. Он получил браслет в дар от Анны Болейн, когда застал ее за обменом у еврея разных старинных вещей на модные безделушки.

Убрав реликвию, граф внимательно всмотрелся в красно-бурые брызги, покрывавшие пол.

– Это уже не грезы, – прошептал он чуть слышно. – Это кровь, и вдобавок свежая кровь!.. Здесь случилось несчастье или же совершилось страшное преступление! Последнее вернее... Достаточно вспомнить лицо этого человека! Однако, допуская подобную возможность, я неизбежно должен считать его женой сообщницей... Нет, это невозможно... У нее слишком нежные и кроткие глаза... Нет, она ангел-хранитель этого человека, и он бы не решился совершить у нее на глазах грабеж или убийство.

Граф старался припомнить малейшие подробности прошедшего вечера, чтобы получить, насколько можно, ясное представление об их нравственных качествах, и счел разум-

ным и полезным принять самые тщательные меры предосторожности.

Он подошел к двери и осмотрел замок: в нем не было ключа; он внимательно осмотрел пол, затем потолок и увидел довольно большой трап, который позволял спускаться в эту комнату с пустого чердака и уходить из нее точно таким же образом; мебель не могла служить защитой в случае нападения, а свеча догорала и должна была скоро погаснуть; положение было опасным и безвыходным.

«Ну что же, – подумал Перси. – Моя кончина будет такой же печальной, как и вся моя жизнь! Я умру в западне, от ножа негодяя, и никто не узнает, где и как завершилось мое земное странствование... Они желали знать, не торговец ли я. Они, видно, привыкли резать гуртовщиков и несчастных разносчиков... а торговец-суконщик – лакомая добыча!.. Тем не менее досадно умирать таким образом! Мой бедный старый Гарри!.. Он один был мне искренне предан... Ну мог ли он представить, что ему суждено оплакивать меня? На все Божья воля! Нужно только взглянуть, в порядке ли кинжал».

Перси вынул из ножен длинный острый кинжал: он был его единственным оружием, все другое было приторочено к седлу.

– Я попался, как крыса в мышеловку, и моя жизнь зависит от этого кинжала! – прошептал Генри Перси. – Она недорого стоит, но я буду отстаивать ее как дворянин и рыцарь. Пре-

святой Михаил укрепит мою руку! «Надежда и Перси!» – как восклицал отец мой на равнинах Босворта!

Граф поспешно оделся, выдвинул кровать на середину комнаты и лег на нее.

Минуты через две мерцающее пламя свечи совершенно погасло, и Перси очутился в непроглядном мраке. Им овладел тот беспредельный ужас, который появляется у самых неустрашимых перед лицом наступающей смерти.

Граф напрасно старался переломить себя, уснуть и забыть о печальной действительности.

«Боже мой! – думал он со странным и мучительным замиранием сердца. – Для чего Ты призвал меня в эту пустую, жалкую, безотрадную жизнь? Зачем я не стал тем блаженным творением Твоих рук, которые не знают ни конца ни начала?»

Граф еще не успел прошептать эти слова, как нервное возбуждение сменилось благотворным спокойствием: веки его сомкнулись, и он уснул глубоким непробудным сном, полным причудливых, таинственных видений.

Перси казалось, что дух его внезапно отделился от плоти, и темная завеса, которая мешала ему проникнуть в тайны земного бытия, как будто отодвинулась. Он знал, что он находится в той же комнате, но загадочный свет позволял ему видеть на огромном расстоянии и придавал прозрачность даже твердым телам. В это время перед ним предстало прелестное и светлое видение: шелковистые, длинные и густые

ресницы придавали особенное выражение нежности чудесным глазам; веночек из белых лилий украшал лоб; темные волосы ниспадали на плечи волной кудрей, и золотой кушак блестел на белом, воздушном одеянии. Безмятежное и кроткое лицо этого существа дышало непорочностью и неземной любовью.

Перси начало чудиться, что воздух наполняется нежным благоуханием и что присутствие этого воздушного создания наполняет его душу ощущением странного, необъятного счастья.

Душа Генри Перси рвалась неудержимо к этому симпатичному, прекрасному видению.

– Кто ты, друг? – спросил он.

Райский гость улыбнулся и, подняв на него свои великолепные нежные глаза, указал на свой золотой кушак.

– Прочти сам мое имя, – произнес он приветливо, мелодичным голосом.

Взор графа упал на золотой кушак. На нем было написано таинственными буквами одно слово: «Генри».

– Мое имя! – воскликнул с удивлением Перси. – Вернее, мне дали его в твою честь, мой хранитель?

– Нет, я принял твое в день твоего крещения, – возразил райский житель. – В этот памятный день Господь призвал меня из ангельского хора, где я вместе с другими возносил Ему хвалы. «Я исполнил желание благородного Перси и дал ему наследника, – сказал мне мой Творец. – Поручаю тебе

охранять эту душу на скользком пути жизни, оберегать ее от всяких заблуждений, ободрять в дни тяжелых испытаний, для того чтобы она, исполнив свое скорбное земное назначение, воспользовалась счастьем, которое ждет всех любящих Меня». Я спустился на землю и стал с тех пор любить и охранять тебя.

– Светлый ангел-хранитель! Повтори еще раз эти отрадные слова, повтори, что Господь любит грешное человечество, такое непокорное Его святым велениям! – попросил тронутый Перси.

– Он любит его больше, чем уста мои могут сказать тебе и чем разум твой в силах понять! Когда Он сотворил первого человека и окружил его всеми земными благами, а человек этот, утопая в блаженстве, дерзнул нарушить закон повиновения Его премудрой воле, все мы затрепетали, все ожидали страшной, неумолимой кары, но милосердие Божие непостижимо даже и для бесплотных сил! В печальный час падения человека, когда все голоса замолкли на небе, у престола Всевышнего появилась белоснежная ароматная лилия, а над ней засиял животворящий крест. Тогда Господь послал ангела правосудия возвестить человеку, что он будет наказан за свое преступление скорбью и болезнями, но что среди его потомков будет Искупитель, который ценой крови своей откроет ему путь в бесконечную жизнь. Века шли за веками, а люди продолжали испытывать долготерпение Божие, и мы, всегда сочувствующие печалям человечества, начина-

ли бояться, что Господь устанет от их постоянного ропота, их страшной непокорности Его святым законам. Но любовь Всевышнего к людям превыше их грехов: настал великий день, и на землю явился Тот, Кто пришел спасти не праведных, а грешных. Он исцелял больных и воскрешал умерших, он врачевал душевные и телесные раны, он поучал народ, погрязший в беззакониях, и слова, выходявшие из Его чистых уст, проникали в сердца самых ожесточенных и самых бессердечных. И когда, завершив свое благословенное земное бытие томительной агонией и смертью на кресте, Он вознесся на небо, у мучеников жизни осталась утешительная, блаженная уверенность в том, что всякий, кто безропотно несет свой крест с любовью, смирением и сочувствием к ближнему, займет место в чертогах, уготованных Господом в царствии славы Его для алчущих и жаждущих, для верующих сердцем, словами и делом в Евангельские истины. Взгляни сам и уверься, что лишь пресытившимся, наделенным с избытком всеми земными благами, не слышащим голос человеческой скорби, закрыт путь в эти райские, блаженные обители! Все они поклонялись золотому тельцу, забыв, что беспристрастная и неподкупная смерть повергает во прах и бедных и богатых.

Когда ангел замолчал, взору спящего графа Нортумберленда предстало внезапно обширное пространство, озаренное мягким светом; в роскошных садах всевозможные цветы, окутанные дымкой золотых облаков, наполняли воздух

душистыми испарениями; сонмы ангелов прославляли имя Создателя Вселенной, а толпы легких призраков в белоснежных одеждах скользили над спокойными и светлыми водами и сидели в кущах чудесных райских садов; их лица выражали безмятежное счастье и торжество победы над смертью и грехом.

Генри Перси созерцал эту дивную картину, но мысль, которой он был одержим, предъявила права свои даже в этом странном сне.

– Прекрасный мой хранитель! – сказал он нерешительным, умоляющим тоном. – Ты читаешь в душе моей, ты знаешь, как глубоко, как горячо и искренне я люблю Анну Болейн... Меня мучит вопрос: не закрыт ли для нее бесповоротно доступ в эти блаженные обители?

Лицо райского гостя омрачилось.

– Ты знаешь, – отвечал он, – что, ослепленная блеском земного счастья, она забыла о небе.

Две жаркие слезы пробились сквозь сомкнутые ресницы Генри Перси, но они не нарушили его крепкий сон.

– Значит, у нее нет надежды на помилование? – прошептал он печально.

– Нет, пока в человеке есть еще искра жизни, он может уповать на милосердие Божие, – ответил ангел с Кроткой и светлой улыбкой. – Не уставай молиться за эту грешную душу: искренняя молитва всесильна перед Господом.

– Твои слова вливают живительную струю в мою больную

душу, – сказал радостно Перси. – Они дают мне силы на борьбу с испытанием! Твой голос приносит уже давно забытое, блаженное спокойствие. Я бы смелее пошел навстречу ударам, которые мне, несомненно, готовит будущее, если бы мог видеть изредка твое нежное, кроткое и светлое лицо.

– Ты меня не видишь и не можешь увидеть, пока дух твой закован в земную оболочку, – сказал печально ангел, – однако я всегда с тобой. Когда ты начал жить сознательной жизнью и принимать страдание, я старался внушить тебе, что не нужно возлагать надежды на земное блаженство, но привязанность к жизни, присущая каждому человеку, заставляла тебя держаться за нее всеми силами; тебя пугала смерть, хотя в сущности смерть – только минутный сон и переход в бессмертие. Не имея понятия о целях провидения, ты роптал на то, что вынужден страдать. Ты видел этих призраков в белоснежных одеждах?! Они так же, как и ты, изведали всю тяжесть земного бытия, они так же, как и ты, не видели выхода из тяжких жизненных смут и сгибались под непосильной ношей, но время это минуло, подобно сновидению, и они забыли о своем скорбном прошлом в необъятности счастья, которое Всевышний дает своим избранникам. Иди смело навстречу грядущим испытаниям и уповай на Бога! В этой надежде нет обмана и измены.

Глава IX

Ночной убийца

В то время как Перси спал таким странным непробудным сном, трактирщик и его жена поднимались осторожно по лестнице, которая вела в его темную комнату.

Женщина была чрезвычайно бледна.

– Послушай! – сказала она голосом, выдававшим сильное волнение. – Бог накарает нас за такое преступное и кровавое дело!

– Ба! – процедил сквозь зубы ее суровый спутник. – Ты привыкла вмешиваться в то, во что не следует, и мешать всяким полезным предприятиям! Уволь на этот раз от своих скучных проповедей!

– Я знаю, что трачу понапрасну и время и слова: ты ни во что не веришь, – прошептала печально женщина. – Но этот человек – я не сомневаюсь в том – не торгует сукном! – добавила она.

– Тем лучше! – перебил отрывисто трактирщик. – Если он не суконщик, то, значит, ювелир.

– Все равно! Кто бы он ни был, но сердце мое обливается кровью при мысли о таком вопиющем предательстве! – произнесла она с невольным содроганием.

– Ну не кисни! Этот будет последним, клянусь тебе!

– Ты давал ту же клятву относительно прежнего постояльца и не сдержал ее!

– Еще бы! Ведь ты знаешь, что у него, к несчастью, не оказалось денег!

– А ты уверен, что у этого они есть?

– Вне всяких сомнений! Ведь ребенок заметил у него кошелек, и мы оба видели у него на руке массивное золотое кольцо.

– Эти кольца бывают по большей части дутыми, и в них немного толку.

– Перестань пороть чушь! – сказал в сердцах трактирщик и оттолкнул жену так неожиданно и сильно, что она свалилась бы, если бы не ухватилась за старые перила.

Эта грубая выходка острой болью отозвалась в душе молодой женщины – из груди ее невольно вырвалось рыдание.

– Замолчи же, змея! – прошипел Алико. – Ты хочешь разбудить уснувшего кота?

– Да, честно говоря, я от души желаю, чтобы этот кот проснулся! – отвечала она.

– Конечно, для того, чтобы дать ему возможность убить твоего мужа?

Трактирщик наклонился к жене, и взгляд его был исполнен таким бешеным гневом, что она побледнела еще сильнее и закрыла лицо дрожащими руками.

Ее горе мгновенно смягчило Алико: он обожал жену.

– Тебе, право, не следует бояться моих вспышек! – произ-

нес он заметно спокойнее. – Ты можешь оставаться, я пойду один... если ты боишься.

– Я вовсе не боюсь, и ты сам это знаешь, – возразила она, окинув его гордым и презрительным взглядом. – Вспомни свою стычку с пограничной стражей! Я рисковала жизнью, чтобы спасти тебя, я отбила тебя у таможенных сыщиков и требую, чтобы ты пощадил этого человека.

Глаза молодой женщины излучали решимость: она повелительно протянула руку и преградила мужу путь.

– Это мягкосердечие вызвано, разумеется, любезностью приезжего и тем, что он пожелал подарить тебе алое испанское сукно? – произнес Алико с насмешкой. – Хватит переливать из пустого в порожнее; можешь оставаться или идти со мной, но ты не заставишь меня изменить решение.

Он отстранил жену и взбежал по лестнице. Подойдя к двери Перси, он приложил ухо к одной из многих трещин и начал прислушиваться.

Тишина была полная. Слышалось только совершенно спокойное и ровное дыхание спящего человека.

По губам Алико промелькнула горькая улыбка. Он слегка перегнулся через перила, чтобы посмотреть на жену, но она продолжала стоять на прежнем месте, неподвижная как статуя.

Трактирщик с досадой отвернулся и вынул два кинжала. Осмотрев их внимательно, он положил поспешно один кинжал в ножны, висевшие у пояса, и, взяв с пола фонарь, отво-

рил тихо дверь в комнату путешественника.

Он сейчас же заметил, что кровать отодвинута на середине спальни и что приезжий спит одетым.

«А, он подозревал, что возможно нападение!» – подумал Алико.

Он невольно смутился и не знал, очевидно, на что ему решиться.

Бледный свет фонаря озарял утомленное, но спокойное лицо Нортумберленда. Он спал глубоким сном. Убийца неслышно подошел и застыл, во власти безотчетного чувства, в ногах его кровати.

«У него благородное, прекрасное лицо! – подумал он невольно. – В нем есть что-то особенное, мягкое, симпатичное, но вместе с тем повелительное!.. Что, если я ошибся в своих предположениях?»

Но пока Алико искал ответ на последний вопрос, Перси открыл глаза и увидел человека, стоящего в ногах его кровати. Руки его судорожно вцепились в простыню.

– Предатель! – воскликнул он. – Ты, конечно, надеялся застать меня врасплох?

Он соскочил с кровати и налетел, как тигр, на своего врага.

Но Алико, заметив, что Перси безоружен, обхватил своей сильной мускулистой рукой стан смелого противника и занес над ним острый, сверкающий кинжал.

Только тут Генри Перси увидел, что его собственный кин-

жал выскользнул из руки во время сна.

Он заревел от бешенства.

– Ко мне, нортумберлендские длинногривые львы! – крикнул он громко.

Этот воинственный крик непобедимых Перси при встрече с неприятелем вернул ему мужество: он сжал Алико с невероятной силой, свалил противника на пол и придавил его.

Завязалась безмолвная, но страшная борьба; злоумышленник был сломлен тяжестью и, еще того более, изумительной ловкостью графа Нортумберленда.

Алико задыхался; его губы покрылись кровавой пеной; но он еще пытался противостоять Генри Перси.

Не прошло минуты, как граф ловко овладел запасным кинжалом, висевшим на кушаке трактирщика, и вонзил в руку, все еще продолжавшую угрожать его жизни. Алико застонал от боли и от злобы и выпустил кинжал.

Тогда Перси привстал и, упершись коленом в грудь наглого разбойника, занес над ним оружие, которое должно было вонзиться в его собственную беззащитную грудь, если бы случай не спас его.

Но в тот самый момент, когда жизнь Алико висела на волоске, молодая жена его вбежала в комнату.

– Пощадите! – воскликнула она с мольбой, подняв на Генри Перси свои обворожительные печальные глаза.

– Да, спасите меня от казни, ожидающей нераскаявшихся грешников! – теряя силы, прошептал Алико.

– И если вы не в силах простить его, то убейте и меня! – произнесла решительно молодая жена. – Я сознаю всю низость его поступка, но Алико мой муж, и я люблю его!

Непритворное чувство, с которым были произнесены эти простые слова, тронуло Генри Перси.

– Бедная! – прошептал он невольно, посмотрев с состраданием на молодую женщину.

Он отбросил кинжал и встал, выпрямив свой стройный стан.

– Поднимайся, презренный убийца! – сказал он повелительно. – Я не казню тебя за твое преступление, но не смей забывать ни на минуту, что граф Нортумберлендский пощадил твою жизнь лишь для того, чтобы ты раскаялся и искупил прошлое!

Алико встрепенулся при этих словах и вскочил, забыв о своей ране.

– Вы граф Нортумберлендский? – воскликнул он с испугом.

Он постоял с минуту в оцепенении и вдруг упал к ногам Перси.

Почти сразу же молодая жена его, обезумев от ужаса и жестоких волнений, пережитых в течение этой ночи, растянулась со стоном на полу перед графом.

Бледное лицо Перси запылало ярким румянцем; он смерил надменным и презрительным взглядом мужа и жену.

– Презренные создания! – сказал он с омерзением. – Что

побуждает вас пресмыкаться передо мной? Вас ослепил мой титул... вас испугала мысль, что вы могли зарезать человека, столь почитаемого в обществе! Вы, вероятно, воображаете, что убить лорда Перси – большой грех, чем умертвить несчастного проезжего разносчика, как вы это сделали весьма недавно... Его кровь не успела еще высохнуть на полу.

– Да, я убил его! – воскликнул Алико. – Я зарезал его из-за нескольких мелких серебряных монет; я совершил этот кровавый грех, но даже не знаю, кем был несчастный... Вы же – другое дело, милорд; я был вашим вассалом, я участвовал в битвах с вашим благородным и храбрым отцом. Но мои дурные наклонности...

– Вы служили отцу? – перебил его Перси изменившимся голосом.

– Да, ему и потом другим, – отвечал Алико, – но мои дурные наклонности вынуждали меня менять профессии и вызывали порицание тех, кому я служил или с кем имел дело! Моя жена, глубоко преданное мне нежное создание, старалась изменить меня, – продолжал он, взглянув с любовью на молодую женщину. – Она жила смиренно и счастливо, пока случайно не столкнулась со мной. Я увез ее хитростью из родных гор, от старой матери, которая зачахла с горя и тоски, узнав, что дочь повенчалась с разбойником! Скажу больше, милорд: ваш достойный отец был для меня образцом, а ведь я бы убил вас, если бы случай не спас вас от моего кинжала!

– Если вы сознаете, что поступали дурно, так живите, как

все добрые люди! – заметил Генри Перси.

– Да, он должен отречься от своего прошлого и сделаться другим человеком! – воскликнула молодая хозяйка. – Вы так добры, милорд, но вы не в силах понять, сколько я вынесла с тех пор, как он увел меня из родного дома. Я жила беззаботно и весело, как птичка, когда он неожиданно явился в наши горы для закупки овчины; он начал нашептывать мне про любовь и про счастье, и я скоро почувствовала влечение к нему. Иногда, признаюсь, его взгляд вызывал у меня какой-то смутный ужас, но, когда я говорила ему, что он меня пугает, глаза его делались безмятежными и кроткими, и мои сомнения бесследно исчезали. Моя старая мать тоже считала Алико хорошим человеком. В один прекрасный день он весело предложил мне прогуляться... Так я навсегда рассталась с родиной и с матерью. Моя бедная мать не вынесла удара... однако я все еще люблю его!

Слова молодой женщины произвели, видимо, сильное впечатление на Алико. Он помолчал с минуту и сказал мрачно и отрывисто:

– Я поступал бесчестно, я это сознаю, но я всегда заботился о твоём счастье, Мэри, ты должна признать это!

– Да, ты воображал, что я довольна жизнью, потому что я переносила без жалоб и ропота все испытания. Но тебе никогда не приходило в голову, что несчастья нашего ребенка было совершенно достаточно для того, чтобы отравить мне жизнь и разбить душу: это кара Господня за твои преступле-

ния, а ты еще стараешься подготовить его к профессии грабителя! Я знаю, что ты храбр, но ведь этого мало для семейного счастья!

Граф не мог сдерживать усмешки при этом панегирике, вызванном беспредельной любовью. Он взглянул на разбойника; кровь из глубокой раны текла струей, но Алико, по-видимому, не обращал на это никакого внимания.

«Хотя храбрость и низость несовместимые качества, но нельзя отрицать, что он мужественно выносит телесные страдания», – подумал Генри Перси.

Уступая порыву врожденной доброты, граф подошел к трактирщику и сказал почти ласково:

– Нужно остановить кровь и сделать перевязку.

Он заботливо усадил его на стул.

– Боже мой! Да ты ранен? – воскликнула, бледнея, испуганная Мэри.

Она бросилась к мужу и застыла при виде его страшной, почти мертвенной бледности.

– Милорд! Он умирает! – произнесла она с отчаянием. – Что же будет с нами, кто защитит нас?

– Не думайте о будущем! – сказал мягко Перси. – Если ваш муж решит стать честным человеком, я сумею устроить его и вашу судьбу.

– Я буду им, милорд! – прошептал Алико, теряя силы. – У меня, конечно, дурные наклонности, но нужда превратила меня из капризного и дурного человека в убийцу... Вы ве-

ликодушны, если я умру... не покиньте мою жену!..

Алико с усилием перевел дыхание и свалился без чувств на пол, залитый кровью.

Жена бросилась к нему с криком отчаяния и ужаса, но граф отстранил ее и, приподняв больного, перенес на постель. Около постели лежал его острый кинжал; он разрезал простыни на несколько бинтов и перевязал Алико руку.

Через некоторое время раненый пришел в чувство и уснул вскоре крепким и благотворным сном.

Когда первые лучи солнца осветили равнину, Перси сел на коня, повторив еще раз Алико и жене его, что примет их в число своих вассалов, если они пожелают изменить образ жизни.

Отъехав на полмили от гостиницы, он поднял глаза к светлону, безоблачному небу и произнес с горячей мольбой:

– Боже мой! Я простил от души человека, который покушался на мою жизнь, и если я, ничтожный и слабый человек, отказался от мести и пощадил убийцу ради Анны Болейн, прости и Ты ее, милосердный отец, и помяни ее, как помянул разбойника во царствии Твоем!

Глава X

Королева Англии

В то осеннее время, когда великодушный и благородный Перси проезжал по бесконечным, пустынным равнинам, рискуя своей жизнью и своим положением из любви к Анне Болейн, королева, отдавшись всецело удовольствиям и роскоши, совершенно забыла о прошлом и о графе. То же самое солнце, что блестело над головой всадника, скакавшего по дороге, испорченной осенней непогодой, освещало и роскошные Виндзорские сады.

В конце длинного ряда великолепных комнат молодой королевы находился ее изящный кабинет. Он был совсем недавно отделан и обставлен с баснословной роскошью; драпировки на окнах были из легкой ткани молочной белизны. Корабль привез эту чудесную ткань из Индии. Узницам, что ткали белоснежные занавеси в темнице, было приказано, чтобы нити были такими же тонкими и нежными, как нити паутины, покрывающей стены подземелья. Темнокожая индианка чистым золотом вышила чудесные арабески, а кайма из павлинов яркого шелка придавала работе еще большую прелесть; гребешки на головках горделивых птиц были убраны жемчугом и мелкими сапфирами. Множество экзотических растений и цветов распространяли по комнате свой

легкий аромат; восточные ковры не уступали в роскоши и красоте мебели, обитой белым штофом; на полках этажерки из пальмового дерева с инкрустациями из золота и слоновой кости стояло много книг – произведений лучших иностранных писателей; на одном из столов стояли всевозможные приспособления для рисования – кисти, краски – и начатые рисунки. К бронзовому кольцу на потолке была прикреплена золотая клетка превосходной работы: в ней порхал колибри, опуская время от времени миниатюрный носик к искусственным цветам, мастерски сделанным из корней какого-то китайского кустарника, и выпивая каплю подслащенной воды, наполнявшей их чашечки.

Пташка с нежным щебетанием перелетала с ветки на ветку, тоскуя под серым небом Англии о цветущих лугах родной Бразилии.

Молодая обворожительная женщина стояла около клетки; прекрасные глаза ее, голубые как небо, были прикованы к миниатюрному узнику, ее мелодичный голос произносил с нежностью:

– Ты не хочешь, ленивец, петь сегодня для Анны? А ведь ты поешь лучше, чем я!

Но пташка относилась с глубоким равнодушием к увещаниям своей прекрасной госпожи и продолжала прыгать в золотой клетке, напоминая яркостью и цветом перышек изумруд и рубин.

Убедившись в бесполезности своих упреков, молодая кра-

савица взяла со стола лютню: светло-русые ее волосы падали в беспорядке на дорогое кружево, которым был отделан ее белый пеньюар; ее нежные ручки бегали с изумительной быстротой и легкостью по струнам, и ангельское пение слилось с мелодией.

– Ты поешь вдвое лучше, чем твоя птица, Анна, – заметил граф Уилширский, сидевший в это время на бархатных подушках пурпурного цвета.

– Вы находите? – отвечала небрежно Анна Болейн. – Впрочем, это все так говорят.

Королева положила лютню на стол; прелестные глаза ее обратились к отцу; ее поза была полна небрежной, непридуманной грации.

– Ты, Анна, поешь лучше, чем кто-либо в мире! – произнес старый граф, на суровом, угрюмом лице которого честолюбие, зависть и подозрительность давно оставили неизгладимый след.

– Я сама это знаю, но это не мешает мне скучать довольно часто, – сказала королева. – И, вообще говоря, вы же не любите музыку! – добавила она с лукавой улыбкой.

– Что за беда! У тебя великолепный голос! – возразил граф с досадой.

– Не сердись, отец, – сказала Анна Болейн.

– Я вовсе не сержусь! Послушать тебя, так я действительно нетерпим.

Королева взяла со стола лютню и исполнила трудный и

блестящий пассаж; но музыка, по-видимому, не доставляла ей удовольствия.

– Вы не сказали мне ни словечка о матери! Как она себя чувствует? – спросила она равнодушно, обернувшись к отцу.

– Не знаю, – проворчал с неудовольствием граф. – Вам хорошо известно, что у матери вашей нестерпимый характер, и мы по целым дням не говорим друг с другом.

Анна скрыла улыбку, закусив алые, хорошенькие губки; она встала с дивана и положила лютню на прежнее место, подумав, что и отец и мать одинаково вздорны и капризны...

– Вы сегодня расстроены и чем-то недовольны! – заметила она совершенно спокойно.

– Да, – сказал граф Уилширский, – и ты отлично знаешь, чем вызвано такое настроение!

– Неужели вас действительно встревожило то, что на вчерашнем балу король заговорил сначала с моим дядей Норфолком, а потом с вами? – спросила королева.

– А разве ты не знаешь громадного значения этого обстоятельства? – воскликнул старый граф, побагровев от гнева. – Или ты не понимаешь, что отец королевы не должен иметь равного в английском королевстве?

– Но король говорил до этого с моим братом!..

– Да, но ваш брат – не я!

– Это понятно! – сказала Анна Болейн. – Я хотела лишь сказать, что это обстоятельство доказывает, что король обратился к моему дяде Норфолку без всякой задней мысли.

– Вы не можете знать мысли его величества! – перебил граф Уилширский.

– Вы сильно ошибаетесь: я их отлично знаю! – сказала королева с заметной досадой.

– Из чего же вы это заключили?

– Когда я танцевала, король проходил мимо и спросил у кого-то из придворных: «А где же граф Уилширский?» Стало быть, он вспомнил о вас прежде, чем о других.

– Да, твое заключение верно, – проворчал старый граф и снова погрузился в раздумье.

В комнате воцарилось на несколько минут глубокое молчание, но колибри запел, и его восхитительное, мелодичное пение рассеяло тяжелое оцепенение графа.

– Признаюсь тебе, Анна, – обратился он к дочери, – я от души желаю, чтобы эта Екатерина поскорее умерла! Мы не можем упрочить наше положение, пока она жива!

– А моя дочь? – ответила со смущением королева.

– Твоя дочь! – повторил с презрением граф Уилширский. – Что твоя дочь? Ничто! И ты сама виновата, раз не сумела произвести на свет сына!.. Это бы изменило положение дел!

Королева стремительно вскочила с дивана, глаза ее сверкали, а щеки вспыхнули ярким румянцем гнева.

– Я, кажется, не раз выражала желание, чтобы вы меня избавили от подобных упреков! – воскликнула она с живым негодованием.

Но граф не обратил никакого внимания на слова дочери и продолжал все с той же холодной беспощадностью:

– Печальна участь женщины, не имеющей сына, но участь королевы в таком положении несравненно плачевнее!

– Но ведь Елизавета наследует престол?! Этот вопрос решен королем и парламентом?!

– Да уж, вопрос решен: наследник трона в юбке! – воскликнул старый граф с досадой. – А разве ты забыла, что принцесса Мария не уступит без боя свои права на престол? Если король разлюбит тебя и влюбится в другую, то мы все погибнем бесповоротно... имей это в виду!

– Вы любите пугать и тревожить меня, – сказала Анна Болейн. – Что побуждает вас угрожать мне погибелью? Я жена короля и была коронована открыто, перед всеми!

– Так же, как Екатерина! – произнес граф глухим и едва слышным голосом.

– Король меня не бросит, как он бросил ее: моя власть и влияние не только не слабеют, но все увеличиваются, и если можно верить уверениям и клятвам, то Генрих никогда не любил меня так, как любит сейчас.

– Король очень фальшив, ему нельзя верить! – ответил граф Уилширский. – Он начинает стареть... Он становится заметно тучнее... его может внезапно прихлопнуть апоплексия, да и рана на ноге не поддается лечению... Если бы ты родила сына, тогда мы были бы вправе настоять на регентстве...

Граф говорил все это отрывисто, вполголоса, не заботясь о том, доходят ли его слова до слуха королевы. Ненасытное честолюбие этого человека не давало ему ни минуты покоя, и мысль о смерти Генриха и ее последствиях заставляла его дрожать за свое будущее и за свое блестящее положение в жизни.

– Скажите по крайней мере, – обратился он неожиданно к дочери, – удалось ли, по моему совету, найти себе приверженцев в кругу самых могущественных и влиятельных лордов?

– Относительно этого вы можете быть совершенно спокойны: лорды преданы мне! – сказала королева с надменной небрежностью.

Вообще Анна Болейн не задавалась мыслью, чем вызваны льстивые слова и уверения в преданности окружавшей ее блестящей молодежи, и считала их абсолютно искренними; ее самонадеянность была так велика, ей так часто твердили о ее красоте и ее достоинствах, что она слепо верила: любой, не задумываясь, отдаст за нее жизнь, если она потребует этой великой жертвы.

– Ты неосторожна, – продолжал граф Уилширский, – не думаешь о будущем, ты не веришь, что власть может внезапно смениться унижением!

Анна Болейн презрительно пожала плечами в ответ на это замечание.

– Ты никогда не задумываешься о бесчисленных трудно-

стях нашего положения, – продолжал старый граф. – Духовенство настроено против нас: католики твердят, что ты восстановила против них короля и что ты – причина его разрыва с римской церковью. Они видят в тебе не жену, а наложницу; они говорят во всеуслышание, что ты сводишь в могилу законную жену и королеву Англии и что только дочь Екатерины имеет право на престол... а заметь, между лордами и членами парламента очень много католиков! Если король умрет или охладет к тебе, то увидишь тогда, как все наши враги дерзко поднимут головы и объединятся, чтобы погубить нас всех!

Анна Болейн стремительно вскочила с дивана и отбросила гневно кисть, которую держала в это время в руке.

– Я пришла к убеждению, что вы не в состоянии пользоваться дарами провидения, а стараетесь мучить и себя и меня. Вы и все наши родственники пользуетесь щедротами вашего государя, почестями, богатством... Нам все пока удалось, мы не знали неудач. Но это не мешает вам вечно быть недовольным и выводить меня каждый день из терпения, так что я все чаще проклиная минуту, когда сделалась английской королевой!

Анна Болейн замолчала и отошла к окну, чтобы положить конец наставлениям графа.

Почти в ту же минуту в комнату вошел стройный молодой человек – ловкий, статный, высокий, с открытым и красивым лицом; он был одет богато, но вместе с тем изысканно.

– Здравствуй, Анна! – сказал он, подходя к королеве, продолжавшей стоять спиной к графу Уилширскому. – Ну как ты себя чувствуешь?

– Спроси лучше об этом у нашего отца, – ответила она, не меняя позы. – Пусть он скажет тебе, что заставляет его мучить меня.

Джордж Рочфорд подошел еще ближе к сестре и схватил ее за руку.

– Тебя опять рассердили, моя бедная Анна! – произнес он с улыбкой.

– Оставь меня в покое! – сказала королева, оттолкнув руку брата.

– Она дуется и капризничает, как ребенок! – проворчал граф Уилширский, мрачно сдвинув брови и делая сыну знак сесть около него.

Когда молодой граф сел с ним рядом, королева внезапно отошла от окна и подошла к отцу легкой, быстрой походкой: глаза ее сверкали, щеки горели.

– Ты сердита сегодня, как видно, не на шутку, – заметил Рочфорд, – но тебе тем не менее придется меня выслушать, и выслушать внимательно.

– Что ж, говори! Я слушаю! – сказала королева, надув сердито губки. – Вы все привыкли распоряжаться мной!

– Ты узнал, вероятно, о каких-нибудь новых интригах наших тайных врагов! – воскликнул старый граф, изменившись в лице.

– Да, вы не ошибаетесь! Отныне мы должны считать графа Эссекского бессовестным предателем! На свете еще не было такого негодяя, как милорд Кромвель! На днях в Дургеме был по его приказанию упразднен монастырь; бедных монахинь выгнали на улицу, а двух из них отправили в городскую больницу; народ шел за носилками умиравших страдалец, призывая гнев правосудного Бога на королеву Анну! Все говорили с негодованием, что монастырские доходы и имущество отнимают из-за нашей расточительности, нашей страсти к роскоши и блистательным празднествам! Человек, совершивший наглый грабеж беззащитной обители, креатура Кромвеля, всеми силами старался поддержать это мнение. Когда несколько выборных от дургемского общества обратились к нему с просьбой пощадить беспомощных монахинь, он ответил им, что милорд граф Эссекский душевно опечален горькой необходимостью прибегать к таким мерам, но безумная расточительность молодой королевы вынуждает его поступать таким образом. Вот как готовит он нашу гибель! – воскликнул граф Рочфорд с негодованием. – Вот какими проделками нас хотят унижить во мнении народа! А между тем вы знаете, – обратился он к отцу, – что Анна отдает половину того, что получает, на нужды бедных жителей Лондона!

– Обо мне распускают разные мерзкие слухи, – сказала Анна Болейн, – но так как я не в силах положить им конец, то мирюсь с подобным положением. Но я попеняю за эту по-

следнюю проделку графу Эссекскому!

– Ты! – воскликнул граф Уилширский. – Ты должна понимать, что этот негодяй не обратит внимания на твои замечания! Нужно иметь улики! Нужно устроить так, чтобы к тебе явилась депутация выборных от дургемского общества! Вообще вступать в борьбу с подобным человеком – рискованное дело! – добавил старый граф, взвешивая, как хитрый и опытный политик, все шансы на успех.

– Каков бы ни был риск, мы должны обличить этого интригана, – перебил с нетерпением молодой человек, – мы не вправе позволить так нагло клеветать на королеву.

– Да, если граф Эссекский будет распускать о ней ложные слухи, он причинит нам непоправимый вред! – продолжал старый граф.

– Без сомнения! Народ возненавидит Анну! – воскликнул Джордж Рочфорд, сохранивший рыцарские чувства, несмотря на внушения отца и порочность ветреной придворной молодежи. – Я призову Кромвеля к кровавому ответу, – добавил он с угрозой. – Я не позволю ему клеветать на сестру!..

– Ты говоришь, не думая о положении вещей! – возразил граф Уилшир. – Я объяснял тебе уже много раз, что безумие – вступать в открытую борьбу с подобным человеком, не будучи уверенным в его поражении! Мне уже удалось окольными путями известить короля о проделках Кромвеля; нам теперь остается представить улики; мы должны их собрать, так как это единственное средство поколебать могущество

этого интригана: он человек опасный!.. Я его презираю не могу сказать как... Он принадлежит по своему рождению к низшему сословию: он скуп, жаден и зол!..

Граф еще не успел договорить, как дверь открылась и дежурный чиновник доложил о графе Эссекском.

Граф Уилшир тотчас же нагнулся к Анне Болейн и прошептал внушительно:

– Прими его любезно! Он не должен догадываться о наших планах, пока я не обдумал их как следует.

Первый министр развязно подошел к молодой королеве.

– Ваше лицо подобно сегодняшнему утру, и ваша красота сияет ярче солнца! – сказал он ей с притворно-беззаботной улыбкой.

Эта льстивая фраза заметно успокоила Анну Болейн. Она соорудила легкую гримаску и пожала плечами:

– Я сегодня, напротив, в довольно скверном расположении духа. Я никак не могу сладить с этим рисунком, – добавила она, указав на красивый неоконченный цветок.

Кромвель перешел от кресла королевы к креслу графа Уилшира.

– Ну, как вы себя чувствуете? – спросил он ласково, протянув графу руку. – Я слышал, что подагра не дает вам покоя, и душевно вам сочувствую.

Старый граф с видом полного дружелюбия пожал протянутую руку и изобразил на своем угрюмом лице приятную улыбку.

– Да, – ответил он мягко, – я слышал, что вы часто присылали осведомиться о моем положении, и был вам благодарен от всего сердца! Мы старые друзья, но у вас куча дел, и тем ценнее ваше внимание.

– Ну а вы, лорд Рочфорд, я надеюсь, здоровы? – спросил Кромвель с улыбкой.

– Не совсем: я проснулся с сильной головной болью, – ответил нехотя молодой человек.

– Это последствия ночи, проведенной на балу, – сказал первый министр.

– Он сегодня в прегадком расположении духа и ссорится с сестрой уже более часа из-за сущих безделиц! – вмешался граф Уилшир с очевидным намерением смягчить этот сухой, отрывистый ответ.

– Как, милорд, вы решаетесь ссориться с королевой? – воскликнул граф Эссекский. – Вы один в таком случае имеете странную привилегию не подчиняться слепо воле ее величества. Мы же умеем только любить, благословлять и обожать ее!

В то время как Кромвель рассыпался в любезностях перед молодой королевой, за дверью послышался шум шагов и в кабинет вошли камер-юнгферы Анны Болейн.

Впереди шла, вся в кружевах и лентах, двухлетняя малютка; она не торопясь подошла к королеве, и, когда Анна Болейн усадила ее к себе на колени, девочка обвила ее нежную шею своими миниатюрными хорошенькими ручками.

– Я сегодня не капризничала и люблю тебя, мама! – сказала она нежным голоском, но тут же замолчала и приложила пальчик к своим розовым губкам.

Подошедшая гувернантка взяла ее с колен молодой королевы без всякого протеста со стороны ребенка. Малютку приучили к этим официальным свиданиям с матерью, и она, очевидно, с большей радостью перешла в объятия гувернантки.

Одна из камер-юнгфер подошла к Анне Болейн и сказала ей шепотом:

– Придворный ювелир принес бриллиантовый браслет для вашего величества.

– Балетмейстер желает получить приказания относительно нынешнего вечернего балета, – доложила другая.

– Хорошо! Пусть он ждет, я позову его, когда вернусь с прогулки, – сказала королева с заметным нетерпением.

Она встала с дивана и поспешила выйти, протянув на прощание руку графу Эссекскому надменно и грациозно.

Глава XI

Джейн Сеймур

В одной из башен Виндзорского дворца находилось скромное помещение, занимаемое одной из фрейлин английской королевы.

Джейн Сеймур, так звали эту фрейлину, была дочерью именитого дворянина из Уилшира; он умер, не оставив состояния. Джейн была принята ко двору благодаря стараниям ближайшей родни, которая хотела снять с себя заботы об устройстве судьбы осиротевшей девушки.

Джейн Сеймур была прекрасна, но проста и наивна. Двор показался ей чужим миром; его роскошь и блеск были ей не по вкусу; исполнив свои обязанности при королеве, девушка торопилась вернуться в башню и усесться за прятку со своей старой служанкой Жемми.

Жемми была чрезвычайно честным и кротким созданием, но из-за неразвитости и ограниченности она не могла дать своей молодой госпоже разумный совет и предостеречь ее от ошибок в сложной придворной жизни. Госпожа и служанка были очень привязаны друг к другу и вместе тосковали о родимых полях.

Невысокие окна башни были с утра открыты, и солнце освещало всегда кроткое и спокойное лицо Джейн Сеймур,

сидевшей за работой в белом атласном платье с серебристым отливом и бархатным корсажем с золотыми застежками, обхватывавшим плотно ее гибкую талию. Девушка подвернула кружева, ниспадавшие на ее белые ручки; хорошенькая ножка приводила в движение колесо легкой прялки, и тоненькие пальчики с розовыми ногтями проворно вытягивали нить за нитью.

Жемми сидела на полу посередине комнаты, разбирая катушки для своей молодой госпожи.

– Моя добрая Жемми, – сказала Джейн Сеймур обворожительным мелодичным голосом, – заметь, что я пряду уже десятый клубок! Когда я его закончу, у тебя будет платье из прекрасного тонкого испанского сукна.

– Ну к чему мне рядиться в испанское сукно? – ответила служанка с чистосердечным смехом. – Это не по мне! Платье из фландрской шерсти, красное или синее, – совсем иное дело!

– Шей что хочешь. Мое дело вручить тебе пряжу... Я спешу, как видишь, даже не гуляю при такой ясной, солнечной погоде!

Девушка обернулась к открытому окну и взглянула задумчиво на Темзу, протекавшую по зеленой равнине, и на Виндзорский парк, сливавшийся с синевой небосклона.

– Встань, Жемми, и взгляни на этот чудесный вид! – произнесла она. – Была ли ты хоть раз на круглой башне? Вид оттуда еще более восхитительный: взору открывается Лон-

дон и все его окрестности!

– Хотя вы восхищаетесь здешними видами, но мне было бы приятнее глядеть на старую колокольню над нашей сельской церковью, на замок вашего благородного покойного отца.

– Я согласна с тобой, – кротко сказала Джейн, не сдержав легкого вздоха. – Мы были бы, конечно, несравненно счастливее, если бы остались там! Мне не нравится двор: он ослепил меня в день приезда своей роскошью, но это впечатление быстро изменилось. Я вовсе не желаю унижать тебя, Жемми, сравнением, но я исполняю здесь роль простой служанки, подобно тебе, с той лишь огромной разницей, что я тебя не мучаю капризами и требованиями, а королева Анна издевается вместе с другими над моей неопытностью и неловкостью. Для того чтобы доставить ей удовольствие, со мной проделывают всевозможные штуки; мне нередко рассказывают разные небылицы и смеются потом над моим легковерием; меня тянут за платье, путают мои волосы. Ты – моя служанка, Жемми, но я тебя люблю, а королева Анна не чувствует ко мне не только привязанности, но даже сострадания. Мне очень тяжело; но, как я ни экономлю, не могу скопить из своего крайне скудного жалованья денег на отъезд в наше родное село!

– Да! – воскликнула Жемми. – Для нас было бы лучше остаться на прежнем месте! Ведь надо мной много глумятся точно так же, как над вами. Придворная челядь не дает

мне прохода; отовсюду раздается: «А, вот старая Жемми, вот сельская гадалка! Много ли у вас денег? У вас, поди, отбоя не было от пламенных обожателей, пока еще не выкрошились зубы?» Мне тяжелее, чем вам, сносить эти насмешки! Если ваша застенчивость кажется смешной, всякий по крайней мере скажет, что вы добры и прелестны, как ангел. Ах, как бы мне хотелось возвратиться на родину!

– Неужели ты решишься расстаться со мной? – спросила Джейн Сеймур изменившимся голосом. – Вспомни, что ты единственное существо, на чью преданность я могу положиться!

Джейн едва успела договорить, как за дверью внезапно раздался легкий стук.

Жемми вскочила с пола и пошла открывать раннему посетителю: лицо старой служанки выражало тревогу и любопытство; но она отступила с очевидным испугом, увидев перед собой Кромвеля.

Губы старой служанки прошептали какие-то невнятные слова, но она не могла двинуться с места.

Граф Эссекский, одетый с чрезвычайной пышностью, отвесил старой Жемми почтительный поклон и встал около порога.

Удивленная Джейн приподнялась с места, задаваясь вопросом, что могло заставить этого человека, такого высокопоставленного и такого надменного, о котором говорили при дворе так много хорошего и так много дурного и который

до этого почти не замечал ее, посетить их укромное жилище в башне. Яркий румянец окрасил щеки молодой девушки, но, заметив, что Жемми совсем остолбенела, она пошла навстречу грозному посетителю.

– Миледи, – сказал Кромвель с глубочайшей почтительностью, – позвольте мне войти на несколько минут.

– С удовольствием, граф! – ответила взволнованная и дрожащая Джейн, приходя к убеждению, что она совершила какой-то ужасный проступок и посещение Кромвеля вызвано исключительно подобным обстоятельством.

Смутившись еще сильнее, Джейн схватила кресло, обитое старинным, выцветшим дамастом, и пододвинула его графу Эссекскому.

– Миледи! – сказал Кромвель. – Прежде чем я воспользуюсь оказанной мне честью, я прошу позволения вручить вам маленькую шкатулку, которую король посылает вам в дар.

– Король?! – проговорила с изумлением Джейн.

Кромвель подал ей ящичек из черной черепахи с золотыми пластинками и искусно выгравированными гербами дома Сеймуров.

Шкатулочка была обита изнутри фиолетовым бархатом: в ней лежало чудесное жемчужное ожерелье и много других драгоценных вещей.

По губам Джейн Сеймур скользнула недоверчивая улыбка.

– Это чудесное ожерелье будет вдвойне прекрасно, когда

вы соблаговолите надеть его, миледи, – проговорил Кромвель.

– Милорд! – сказала Джейн, устремив на него свои великолепные спокойные глаза. – Вы шутите, конечно. Мне ли рядиться в жемчуг и носить драгоценности, равные драгоценностям английской королевы? Да я и не знаю, есть ли даже у нее такое ожерелье.

– Действительно, – отвечал с улыбкой граф Эссекский, – у королевы нет подобной драгоценности. Но если вы не верите, что это ваша собственность, то, будьте так добры, взгляните в свои фамильные гербы.

Джейн Сеймур нагнулась и немедленно узнала символические фигуры, которыми так часто любовалась в блаженные дни детства.

В ее памяти ожил образ нежного любимого отца; перед ней промелькнули те светлые минуты, когда она, еще маленькая девочка, сидела у него на коленях, а он, глядя ее густые кудри, рассказывал о кровавых сражениях, в которых участвовал, о своих славных предках и близких родственниках, отдавших жизнь за короля и за родину.

Эти воспоминания о давно прошедшем счастье нахлынули на Джейн, и чудесные глаза ее неотрывно глядели на гербы, украшавшие шкатулку.

– Это наши гербы! – воскликнула она. – Неужели этот ларчик был в самом деле собственностью покойного отца?

– Я этого не знаю, – ответил граф Эссекский, удивляясь

простодушью Джейн. – Король, мой повелитель, приказал мне вручить вам этот маленький ларчик, и я поспешил исполнить его распоряжение...

– Но... – перебила Джейн. – Все это очень странно! Король был, вероятно, должен отцу и решил расплатиться этими драгоценностями! Но я во всяком случае хотела бы узнать, имею ли я право считать их своей собственностью? – добавила она с большим воодушевлением.

– Вне всяких сомнений! – ответил ей Кромвель.

– В таком случае, милорд, я счастлива! Жемми, добрая Жемми, иди скорее сюда! – воскликнула она с невыразимой радостью. – Король дал мне возможность проститься со двором и уехать немедленно на нашу родину!

– Проститься со двором? Для чего это, миледи? – воскликнул граф Эссекский с глубоким изумлением.

– О, милорд! – отвечала с увлечением Джейн, забыв совершенно, что она говорит с министром короля. – Я хочу уехать потому, что просто задыхаюсь от тоски в этом противном замке, потому, что живу как раба и узница в этой высокой башне, потому, что мы с Жемми тоскуем о свободе и о нашем селе. Приехав ко двору, я исполнила волю моих родных, так как была совершенно без средств, но теперь, когда я получила возможность устроить свою жизнь по своему желанию, никакие мольбы, никакие угрозы не заставят меня выносить эту скуку! Я отдам королеве это белое платье с серебристым отливом и буду одеваться, как одевалась

прежде: этот пышный наряд тяжел и неудобен, этот тесный корсет мешает мне дышать! Будьте же так добры и любезны, милорд, скажите королю, как я ему обязана и как у меня светло на душе!

– Я передам ему ваши слова, миледи.

– Да, прошу вас, милорд! Я буду вам за это глубоко признательна!

– Все будет исполнено, и я надеюсь доказать вам на деле, что готов служить вам во всем.

– Вы чересчур добры, – сказала с непритворной признательностью Джейн.

Честная и искренняя, она ни на минуту не сомневалась в правдивости Кромвеля, не догадываясь, что он не имеет права на ее благодарность.

– Потрудитесь же выразить мою благодарность его величеству, – повторила она, провожая министра до двери.

– Примите уверение в моей глубокой преданности! – сказал милорд Кромвель, исчезая за дверью.

– Трудно встретить создание столь же восхитительное, сколь и глупое, – рассуждал граф Эссекский, пробираясь по темному и тесному проходу. – Дьявольский коридор!.. Я сломаю себе шею на этой адской лестнице... Королю не следовало бы держать своих любовниц в таких трущобах! Но дело тем не менее увенчается быстрым и блестящим успехом... Весело смешать карты в самый разгар игры! Начнется суета, будут раздаваться проклятия, во мне будут нуждаться, ста-

нут подкупать на разные лады... Джейн Сеймур – красавица и вдобавок нетребовательна, ее можно порадовать прогулкой на лодке и вообще всяким вздором!.. У нее нет родных... Некому плести интриги... И вы, ваше величество, вправе любить ее, если она вам нравится!

Бледные губы Кромвеля искривились в язвительной усмешке, и его угловатая, невзрачная фигура скрылась скоро во мраке винтовой лестницы.

Глава XII

Вызов на поединок

Выйдя из башни, лорд Кромвель поспешил вернуться в отведенное для него помещение в королевском дворце.

Такая торопливость была вызвана резонными причинами: он перевез из Лондона, позаботившись предварительно о прочности фургона, несколько очень грузных, объемистых тюков, к которым приложил свою именную печать.

Конюхи не успели ввести в стойло лошадей, доставивших багаж, как граф распорядился перенести эти тюки в его кабинет.

Исполнив поручение короля и вполне успокоенный неприязнательностью Джейн, граф заперся на ключ, чтобы заняться разборкой таинственных тюков. Сначала он внимательно осмотрел печати и маленькие знаки, сделанные им украдкой от слуг.

Найдя, что все в полной сохранности, граф Эссекский вздохнул с видимым облегчением; он снял сперва печати, потом пересчитал их и приступил к раскладке и проверке вещей.

Чтобы скорее покончить со всем этим, Кромвель встал на колени и начал осторожно выкладывать различные серебряные слитки; между ними виднелись сплюснутые сосуды, из-

ломанные ризы; одна из этих риз привлекла внимание Кромвеля.

– На ней нет лучшего украшения! – прошептал он с досадой и завистью. – Этот чудесный бриллиант достался королю, хотя мне пришлось выдержать нелегкую борьбу с населением Глазго, чтобы завладеть этой драгоценностью! С металлами вообще очень много возни, бриллианты же, напротив, гораздо легче спрятать. С ними можно бежать, если дойдет до этого! Я принял, разумеется, все меры предосторожности: капиталы мои давно уже помещены в иностранные банки. Нужно быть осмотрительным: Генрих VIII способен отнять у меня все – не сегодня, так завтра! Я не хочу дать свету повод говорить: «Граф Эссекский теперь не более как нищий!» Имея состояние, я в случае опалы переселюсь в Италию и займу там солидную и почетную должность! Но эти предположения, конечно, преждевременны: пока я нужен королю!

В то время как Кромвель рассуждал таким образом, продолжая проверять привезенные вещи, его заставил вздрогнуть сильный стук в дверь кабинета.

– Откройте! – раздался повелительный голос. – Граф Рочфорд желает видеть графа Эссекского!

Кромвель вспыхнул от гнева.

– Ко мне смеют врываться с такой бесцеремонностью?! – проворчал он сквозь зубы. – Это, конечно, брат английской королевы, перед которым я нуль: я – сын мастерового!

Он торопливо убрал разбросанные драгоценности, отня-

тые у законных владельцев, и поспешил впустить незваного гостя.

– Как я счастлив и рад вашему посещению, – воскликнул он при виде стоявшего у двери графа Рочфорда. – Но в моем кабинете такой ужасный беспорядок, что я едва ли осмелюсь попросить вас войти.

– Без извинений, граф! – сказал сухо Рочфорд. – Мне нужно сказать вам несколько слов.

– Вы знаете, что я всегда к вашим услугам, – ответил лорд Кромвель.

– В таком случае потрудитесь дать мне сейчас же отчет в том наглом грабеже, который вы на днях совершили в Дургеме от имени моей сестры!

Лорд Кромвель побледнел, но спросил тем не менее совершенно спокойно:

– Что вы, собственно, хотите этим сказать, милорд?

– Я хочу сказать, что вы наглый мошенник! – отвечал с презрением молодой человек. – Отец мой может действовать окольными путями, – воскликнул он в порыве гнева, – но я, как дворянин, защищу честь мою открыто, со шпагой в руках! Вы подлец и мошенник... Вы оклеветали вашу королеву, мою сестру, и я вызываю вас на честный поединок! Это для вас слишком большая честь: вы ее не заслуживаете!

– Вы дважды назвали меня мошенником, милорд, – проговорил Кромвель с полной невозмутимостью. – Вы, вероятно, пошутили?

– Я шутил, черт возьми? – крикнул громко Рочфорд, взбешенный хладнокровием и низостью Кромвеля. – Вы дерзаете думать, что я с вами шучу! Неужели вы так бесчестны, что откажетесь драться?

– Какая мне польза соглашаться на вызов и для чего мне драться? – возразил с ледяным хладнокровием Кромвель.

– Для того, разумеется, чтобы спасти свою честь... если только она у вас имеется! – ответил граф Рочфорд с беспредельным презрением.

– Мою честь? Но она нисколько не задета подобным обвинением! – сказал Кромвель со смехом, в котором ясно слышалась угроза.

– Как? Вам мало того, что я уже сказал? Я должен поискать еще более резкие и обидные слова? Но ведь я, лорд Кромвель, назвал вас подлецом и мошенником! – воскликнул граф Рочфорд, пораженный нахальством и адским хладнокровием этого человека.

– Я отлично расслышал, милорд, но замечу вам вскользь, что считаю излишним говорить с ненормальными!

– Вы смеете считать меня помешанным? – произнес Джордж Рочфорд, задыхаясь от бешенства.

– Да, потому что это непреложная истина: потрудитесь взглянуть на себя!

Кромвель поднес зеркало, которое стояло на туалетном столике, к лицу графа.

Лорд Рочфорд был готов схватить министра за горло, но

ему стало совестно, он превозмог себя и сильно побледнел.

– Потрудитесь присесть в это кресло, милорд! – заметил граф Эссекский тем же спокойным тоном. – Сдержите ваш гнев: он, право, бесполезен и только мешает нам объяснить-ся.

– Мне объясняться с вами? – воскликнул граф Рочфорд с пылким негодованием. – Объясняться с трусом, с презренным негодяем...

– То есть, вернее сказать, с первым министром Англии! – перебил лорд Кромвель.

– То есть с первым мошенником в английском королевстве, с грабителем и вором, с отчаянным бандитом, которого бы следовало давно вздернуть на виселицу!

– Вы опять повторяете прежние оскорбления!.. Ну что ж, оскорбляйте, если вам это нравится! Вы застали меня за чтением доклада, я буду продолжать его, и когда ваши нервы несколько успокоятся, а рассудок вернется к вам, мы продолжим начатый разговор!

Каждое слово Кромвеля усиливало бешенство Рочфорда; ему казалось, что по жилам его течет не кровь, а огненная лава; он был почти готов растерзать сам себя; он ощущал потребность ломать, уничтожать; он стучал каблуками и сжимал кулаки.

– Вы подлец! – кричал он с неистовством.

– И вы это говорите? – возразил граф Эссекский с невозмутимым спокойствием. – Вы чересчур взволнованы, не хо-

тите ли выпить стакан воды с сиропом?

– Я не хочу воды, я жажду вашей крови, вашей смерти, презренный!

– Что ж, зарежьте меня! Такой рыцарский подвиг достоин дворянина!

– Довольно! Защищайтесь, или я убью вас! – взревел молодой граф, обнажив свою шпагу.

Но Кромвель не шевельнулся и продолжал изучать с превеликим вниманием доклад.

– Я ухожу! – воскликнул молодой человек. – Я, пожалуй, убью вас, как собаку, если останусь здесь хоть на одну минуту!

Кромвель привстал все с тем же невозмутимым видом и, подобно ехидне, вонзившей свое острое, ядовитое жало в тело несчастной жертвы, устремил на Рочфорда глаза, сверкавшие мрачным, зловещим блеском.

– Советую вам помнить нынешний день, милорд! – произнес он глухим, изменившимся голосом. – А Кромвель, поверьте мне, не забудет его! Он помнит превосходно, что леди Анна Болейн обязана ему королевской короной, и родные ее убедятся в скором времени, что поступили бестактно, выказав так явно неблагодарность тому, кому они обязаны своим положением! Вы можете теперь удалиться, милорд!

Кромвель распахнул дверь.

– Ничтожное создание, – сказал Рочфорд надменно, – мы слишком глубоко презираем тебя, чтобы бояться твоих

угроз.

Он пошел твердой поступью, высоко подняв голову, мимо бледного, неподвижно стоявшего Кромвеля.

Но когда дверь закрылась и до слуха его донесся глухой стук задвигаемого засова, молодой человек понял все безрассудство своего поступка; свежий воздух, струившийся сквозь открытые окна, успокоил его раздраженные нервы, и мысль о последствиях роковой вспышки поразила его как ударом кинжала. Уступив порыву безрассудного гнева, он, не сказав ни слова ни сестре, ни отцу, отправился к Кромвелю и вызвал его на поединок, но вместо честного противника встретил врага, врага самого грозного, самого беспощадного, самого вероломного и, что опаснее всего, самого терпеливого и самого настойчивого в преследовании цели; он за несколько минут подставил под удар близких ему людей и сделал зависимыми от воли такого изворотливого, ловкого интригана, каким был граф Эссекский; он выдал в пылу гнева даже тайну отца, упомянув Кромвелю о том, что граф Уилширский старается вредить ему, разоблачая перед королем.

Рочфорд не находил никакого выхода из этого опасного положения.

«Да, гнев – плохой советчик!» – думал он, застыв как статуя среди галереи, как будто ноги его приросли к полу.

Война была объявлена, и ему оставалось ожидать терпеливо ее грозных последствий.

Молодой, гордый, пылкий, мужественный и честный, Роч-

форд не понимал вплоть до этой минуты характера Кромвеля и не верил в такую глубокую испорченность.

– Отец говорил правду! – воскликнул он невольно.

– Вы убедились в этом только теперь, милорд? – произнес у него за спиной тихий и насмешливый голос.

Граф Рочфорд обернулся и увидел Кромвеля. Министр шел к королю.

– Ну так что же? – воскликнул, встрепенувшись, Рочфорд. – Пусть решит судьба! Мы все погибнем или победим!

– Я надеюсь, что первое вероятнее! – отвечал лорд Кромвель, проходя дальше твердой поступью.

Разбитый граф Рочфорд машинально вышел из галереи, и в ней наступило мертвое, гробовое молчание.

Глава XIII

На королевском балу и у смертного одра

В тот же день, поздно вечером, Анна Болейн явилась на блистательный бал, веселая, грациозная и гордая сознанием своей обворожительной красоты.

Граф Рочфорд был угрюм и избегал столкновения с Кромвелем. Первый министр, напротив, был любезен и весел: он дружелюбно пожал руку графу Уилширу и говорил развязно и приветливо с друзьями королевы.

Джейн Сеймур присутствовала на блистательном празднестве, и ее застенчивость еще более усилилась; она забилась в угол, подальше от танцующих, и наблюдала издали за разодетой придворной молодежью, кружившейся под звуки громадного оркестра. Она была одета в голубое атласное красивое платье, отделанное бантами из дорогого кружева; ее чудесные золотистые кудри падали на обнаженные и как будто изваянные из мрамора плечи; в ее руке алел букет живых цветов, точно таких же свежих, как ее миловидное личико. Но молодая девушка не придавала, видимо, никакого значения ни своей красоте, ни своему наряду: ее мысли уносились из ярко освещенных роскошных залов дворца к той блаженной минуте, когда она простится с этим великолепием и по-

летит, веселая и резвая, как птичка, на свою родную сторону.

Король ждал, разумеется, выражения признательности или по крайней мере приветливого взгляда за свой ценный подарок и пытался не раз подойти к Джейн, но молодая девушка сумела отыскать такое отдаленное, неприступное место за пожилыми дамами, разодетыми в пышные и дорогие платья с громадными шлейфами, и сидела там так спокойно и невозмутимо, что повелитель Англии осознал всю невозможность пробраться к ней сквозь этот эскадрон гордых и знатных леди. Он не раз обращал взгляд на Джейн, но, как мы уже сказали, ее мысли витали далеко за пределами Виндзорского дворца; прекрасные глаза ее скользили рассеянно то по танцующим, то по карнизам зала, то по цветам душистого букета.

Досада короля росла с каждой минутой, и если бы ожерелье, врученное Кромвелем, лежало бы еще в его царской сокровищнице, то он, разумеется, не послал бы его неблагодарной Джейн.

Было далеко за полночь, и придворная молодежь, утомленная танцами, начинала толпиться у роскошных буфетов.

Король знаком подозвал графа Эссекского и ушел с ним вместе в амбразуру громадного готического окна. Сидевшие вблизи расфранченные леди поспешили пересесть на другие места, чтобы не стеснять короля и министра. Генрих VIII остался наедине с Кромвелем.

– Ну что же, граф? – спросил с досадой король. – Испол-

нили ли вы мои распоряжения? Джейн Сеймур печальна и чем-то озабочена: она вам отвечала, вероятно, отказом?

– Нет, я не мог добиться ни прямого отказа, ни прямого согласия! – ответил граф Эссекский с лукавой улыбкой.

Первый министр был настроен благодушно – наступала блаженная минута беспощадного мщения. Он видел Анну Болейн во всем блеске красоты и молодости, беспечную, сияющую, видел вечно угрюмое лицо ее отца и гордые, прекрасные глаза графа Рочфорда, одним словом, всех тех, кого он ненавидел так, как умел ненавидеть только Кромвель.

В этих залах, сияющих огнями и заполненных блистательной толпой, внимание повелителя Англии было обращено теперь лишь на министра.

– Вы не могли добиться ничего положительного? Это странный ответ! – сказал Генрих VIII, бросив пламенный взгляд на прекрасную Джейн.

– О нет, ваше величество, мой ответ очень прост: леди Джейн Сеймур – прелестное создание, но она вместе с тем наивна, как ребенок. Она вообразила, что повелитель прислал ей этот дар в виде вознаграждения за услуги ее отца, и ею овладело пламенное желание уехать поскорее в родное поместье, обратить ожерелье в наличный капитал и с помощью его составить себе партию.

– Возможна ли такая нелепая фантазия? – перебил с глубочайшим изумлением король. – Она не поняла, что дар этот – выражение моей беспредельной любви?

– Да, она даже предположила, что вы, ваше величество, были должны ее покойному отцу; она бы, без сомнения, отказалась от дара, но уплату приняла с глубокой благодарностью.

– То, что вы говорите, похоже на нелепые фантазии.

– Я говорю правду! – ответил граф Эссекский невозмутимо.

– Ну если это так, то я буду любить ее еще сильнее, – сказал Генрих VIII. – Такая красота и такая прямая и честная натура! Ведь это совершенство!

– Да, но я убежден, что вы, ваше величество, не достигнете цели! – заметил лорд Кромвель с загадочной улыбкой. – Эта девушка желает вступить в брак с человеком своего круга. Она очень гордится своим происхождением, и вы, ваше величество, скоро поймете, что к ней не подойти окольными путями!

– Я о них и не думаю, – сказал Генрих VIII. – Но я продвигу тем не менее много серьезных затруднений!

– Я застал леди Джейн за беседой с ее старой и глупой служанкой, – продолжал граф Эссекский. – У нее очень тесная, плохая комнатка; она, естественно, скучает при дворе. Взгляните на нее, и по ее печальному личику вы поймете, что она одинока в этой шумной толпе: она прекрасный, но полевой цветок.

– Да, но в ее осанке, во всех ее движениях есть что-то повелительное... Этот прекрасный лоб придал бы блеск коро-

левской короне!

«Браво! – подумал Кромвель. – Искорка разгорается и превратится в пламя».

– Леди Джейн Сеймур прелестна, восхитительна, – сказал он королю, – но я, ваше величество, желал бы от души, чтобы вы постарались победить эту страсть в самом ее зародыше!

– Я не просил у вас совета, лорд Кромвель! – отвечал ему строго и надменно король. – Я получил известие, что Екатерина при смерти, и будущее покажет, как мне следует действовать!..

В то время как в роскошных залах Виндзорского дворца гасили огни, бледный свет ночной лампы озарял стены мрачной и неуютной комнаты, в которой Екатерина ожидала минуты расставания с жизнью.

Элиа, побледневшая от бессонных ночей и душевных волнений, сидела неподвижно около ее кровати.

– Боже! Что она вынесла за эту длинную ночь! – прошептала девушка в мучительной тоске.

С чувством сострадания она смотрела на королеву.

Простой зеленый занавес был высоко поднят и прикреплен к витым деревянным колоннам, которые поддерживали потемневший от времени балдахин над кроватью.

Голова королевы лежала на подушке, взбитой очень высоко заботливой Элиа. В глубокой тишине, царившей в пустынном, уединенном домике, слышалось только частое, прерывистое дыхание больной. Ночь была на исходе, а ей

не удалось подкрепить свои силы даже минутой сна; ее белые руки лежали на грубой простыне; на одной было золотое кольцо с выгравированным именем Екатерины и Генриха VIII и датой их бракосочетания; на кольце красовался дорогой изумруд с гербами Испании и Англии.

Это была единственная драгоценность, с которой королева не захотела расстаться, отправляясь в изгнание, единственный предмет, уцелевший от прошлого погибшего величия и подчеркивавший всю бедность обстановки этой печальной комнаты, в которой властвовала беспощадная смерть.

Буфет самой топорной работы стоял между низкими окнами с потемневшими рамами; к камину было придвинуто готическое кресло, обитое сафьяном, порыжевшим от времени; большой платяной шкаф с резными украшениями и несколько высоких и неудобных стульев – вот все, что освещала старая лампа.

Элиа, неподвижная и бледная, как статуя, не отрывала глаз от лица Екатерины.

– Мне страшно тяжело, – промолвила больная бессильным голосом.

Она остановила на нежном личике девушки долгий, пристальный взгляд, и этот взгляд светился тем загадочным блеском, который появляется во взорах умирающих: сердце Элиа сжалось.

Девушка начала привыкать к мысли, что потеряет Екате-

рину, но чем быстрее угасала в ее сердце надежда, тем сильнее становилась ее преданность несчастной королеве. Один Бог был свидетелем ее страданий в эти бессонные, мучительные ночи у ложа забытой всеми умирающей королевы. Она бы, не задумываясь, отдала и жизнь и душу, чтобы облегчить мучения больной.

Увидев по едва заметному движению, что королева хочет изменить положение, Элиа помогла ей лечь поудобнее.

– Дитя мое, – сказала с усилием королева, – болезнь до такой степени изнурила меня, что я, как царь Давид, готова молить Бога открыть, сколько мне еще предстоит страдать на земле.

Горячая слеза скатилась из глаз Элиа на руку Екатерины.

– Просите Его лучше, – воскликнула она пылко, – чтобы Он избавил вас от всех ваших врагов и возвратил здоровье и спокойствие, обещанное Им угнетенным и страждущим!

– Нет, Элиа, – ответила печально королева, – я не стану просить ни то ни другое... Я устала от жизни... Неужели Шапюис все еще не приехал? – добавила она после короткой паузы.

– Нет еще, но он, вероятно, придет завтра! – отвечала девушка.

– О, если бы он мог привезти с собой Марию, если бы Бог дал мне счастье увидеть мою дочь перед вечной разлукой! Как ты думаешь, Элиа, осуществится ли это давнее желание?

– Увы, ваше величество, я этого не знаю, – ответила пе-

чально и задумчиво девушка.

– погоди! – сказала вдруг с волнением Екатерина. – Я слышу голоса: это они, беги, беги скорее!

– Нет, – возразила Элиа, – тихо, как и прежде.

– У меня страшный шум в голове и в ушах... Я могу не услышать, – сказала королева.

– Постарайтесь уснуть. Я буду караулить и обещаю вам разбудить вас, как только приедет посланник.

– Я не могу уснуть! – воскликнула с мучительной тоской королева. – Мне кажется, что я лежу на раскаленном железе, воздух не проникает в легкие... я не могу лежать... я не могу дышать!

Элиа с беспредельной любовью смотрела на Екатерину; склонив к ней русую головку, она взяла охладевшие руки королевы и прошептала с истовой мольбой:

– Творец! Пусть моя сила перейдет в это бедное измученное тело! Пусть мой здоровый сон сомкнет эти усталые, угасшие глаза.

Неизвестно, чем была вызвана перемена в самочувствии больной, но не прошло и минуты, как нервные подергивания внезапно прекратились, тяжелое дыхание стало ровным, и Екатерина уснула крепким, спокойным сном.

Затаив дыхание, Элиа осторожно поправила подушки, прикрыла ноги спящей одеялом и, подойдя к распятию, преклонила колени и начала молиться.

Глава XIV

Последние минуты

Солнце поднималось на синее безоблачное небо и заливало светом обширные поля, покрытые высокой золотистой рожью, и луга, окружающие мирный городок Кимблтон.

От малейших дуновений ветра тяжелые колосья, подобно волнам на спокойных водах озера, огражденного высокими скалами от вторжения бурь, то наклоняли янтарные головки, то поднимали их. Розовые цветы полевой повилики обвивали стебли и, переползая с одного на другой, соединялись в гибкую цепь; быстрокрылые ласточки взвивались в поднебесье.

Стада шли, поднимая тучи пыли, на привольные пастбища; пастухи перекликались, и лай собак сливался с мычанием коров. Все пробудилось к жизни и к дневному труду.

Мерные звуки благовеста призывали население Кимблтона в храм. Древний собор с массивными, потемневшими сводами постепенно заполнялся верующими, и священник готовился начать богослужение, когда в церкви послышались движение и шаги и Элиа, дрожащая и бледная, как призрак, приблизилась к решетке, окружавшей алтарь.

– Королева умирает и хочет причаститься! – с трудом прошептала она, задыхаясь от слез.

– Королева умирает? – повторили с испугом несколько голосов.

– На колени, друзья мои, помолимся за эту отходящую, измученную душу! – обратился священник к взволнованной толпе.

Почти в ту же минуту раздался глухой, мерный и торжественный звон, возвещавший, что чаша со Святыми Дарами выносится из церкви.

Потрясенные вестью, многие горожане вышли следом за Элиа на соборную паперть.

– Так она умирает? Вы уверены? – приставали они к убитой горем девушке. – Мы не видели ее уже несколько дней, но ведь недавно она сидела в своем садике! Ответьте же нам, Элиа!

Эти расспросы еще больше усилили тоску молодой девушки.

– Ей стало лучше, и я уговорила ее подышать свежим воздухом, – отвечала она, – но ее организм был настолько надорван, что она не смогла, разумеется, вынести новых волнений! Она долго ждала испанского посланника, и он прибыл сегодня; но ему не разрешили привезти к ней дочь.

– Как? К вам прибыл посланник? – воскликнули внезапно несколько человек.

На лицах горожанок выразилось такое живое любопытство, что они, вероятно, забыли на время о судьбе Екатерины.

– А красив ли посланник? Он одет по-испански?

– Конечно! – отвечала лаконично Элиа.

– А что он сказал, когда приехал к вам?

– Он воскликнул с испугом: «Неужели это дом английской королевы? Это просто лачуга!» Вот все, что он сказал!

– О, Элиа! Все мы жалеем ее! Посланник, вероятно, одет очень богато?

– Чрезвычайно богато: его плащ вышит золотом.

– А что он сказал, когда вы провели его в комнату королевы?

– Ни единого слова! Он преклонил колени перед ее постелью, поцеловал почтительно ее бледную руку и залился слезами; когда же на вопрос королевы о принцессе Марии он вынужден был ответить, что король отказался исполнить ее просьбу, то ей сделалось дурно, и мы оба подумали, что она умерла.

Рыдания мешали Элиа говорить.

– Вы не знали ее, – продолжала она, обращаясь к собравшейся толпе, – вы не знали, что она была столь же благородна, как и прекрасна! Вы видели, как она молча шла по улицам Кимблтона; она кланялась вам со свойственной ей приветливостью, но никто из вас не знал, как она была добра и совершенна, как она страдала!

Элиа шла, торопясь вернуться к постели умирающей, но пустынные улицы наполнялись народом, ей преграждали путь; толпа все прибывала, горожане обвиняли во всем Анну

Болейн и выражали искреннее, горячее сочувствие измученной королеве, которая готовилась переселиться в вечность.

В то время как встревоженные жители Кимблтона толковали на площади, окружавшей собор, посланник Испанского двора сидел около постели Екатерины, внимая каждому ее слову.

Екатерина открыла дрожащей рукой портфель, поданный ей посланником, и достала лист бумаги, сложенный вчетверо.

– Вот мое завещание! Вручаю его вам! – сказала она, ласково посмотрев на Шапюиса. – А вот письмо королю, моему державному супругу... Я никогда не думала, что в нем будет надобность, я верила, что увижу Генриха перед смертью!.. Да, Шапюис, я надеялась до последнего дня!.. Я думала, что мысль о моей смерти, воспоминания молодости, все то, что я выстрадала, оживят в душе его забытые чувства... Ведь он любил меня!.. И чем я могла вызвать такую неожиданную и упорную ненависть?.. Чем?.. Скажите, Эустахио!..

В голосе королевы было столько муки, в глазах ее читалась такая незащитность, такое недоумение – чем она заслужила страдания, разбившие ей тело и душу, что смуглое лицо благородного дона вспыхнуло ярким румянцем гнева, а душа его переполнилась чувством благоговения перед женщиной-мученицей, дочерью его законных королей.

Он встал со своего места и выпрямился.

– Как вы могли сносить такие оскорбления? – воскликнул

он с волнением. – Дочери Изабеллы, тетке императора, стоило сказать лишь слово, чтобы вернуться во дворец своих предков и покинуть страну, не сумевшую понять и оценить ее!

– Шапюис! Я не могла произнести это слово, – отвечала спокойно и кротко королева. – Я привязалась к Англии... Моя дочь родилась под этим серым небом... Здесь покоится прах дорогого мне друга. Томас Мор погиб, но многие другие продолжали начатое им великое дело; они гибли на плахе, томились в заключении, защищая единство католической церкви, и своим примером придавали мне решимость. Я готова была выносить клевету и гонения и даже умереть за веру моих предков! Я уже нахожусь перед лицом смерти, и если бы забота о судьбе дочери не терзала мне душу, я бы встретила смерть с тем чувством, с каким узник выходит на свободу после долгого плена!

Королева замолчала, и бледное лицо ее стало удивительно спокойным; но не прошло и минуты, как она снова вступила в борьбу с наступающей смертью; чуть заметные судороги пробежали по телу умирающей, глаза ее закрылись...

Испуганный посланник взял со стола флакон с душистым эликсиром и слегка смочил лоб и виски королевы.

Больная слегка пожала руку Шапюиса.

Благородный испанец был тронут этим мужеством, этой беспрекословной покорностью судьбе. Ему вспомнилось все: кровные обиды, клевета, унижение, которые пришлось пере-

жить Екатерине; он взглянул с болью в сердце на жалкую обстановку комнаты, на этот смертный одр и прошептал чуть слышно:

– Генрих Восьмой не человек, а изверг!

Рука его невольно потянулась к рукояти тяжелой шпаги, и острие ее, ударившись о пол, издало весьма резкий металлический звук.

– Что вы хотите делать? – спросила Екатерина с заметной тревогой. – Я не хочу, чтобы вы уходили отсюда! Вы должны быть при мне до последней минуты – это ваша обязанность.

– Я и не уйду, – отвечал старый воин, едва сдерживая слезы и опускаясь в кресло.

Королева взглянула с горячей благодарностью на это выразительное, открытое лицо, и воспоминания о счастливой молодости нахлынули на нее.

– Вам жаль меня, Эустахио? – промолвила она.

– Я не смею жалеть вас, ваше величество. Чувство такого рода унижительно для испанской принцессы и королевы Англии!

– Может быть, и так, но это не мешает мне нуждаться в сочувствии более других, кроме, конечно, тех несчастных монахинь, которых выгоняют под открытое небо, – сказала королева. – Послушайте, Шапуис, – продолжала она, переводя дыхание, – я осталась без средств, и если король откажет в покровительстве моим преданным слугам, поклянитесь мне честью, что испанский монарх позаботится о них.

– Клянусь душой и честью, что повелитель мой исполнит вашу последнюю волю! – проговорил посланник с печальной торжественностью.

– Да хранит его Бог! – сказала Екатерина. – Передайте ему, что упование на его благородное любящее сердце облегчило мне тяжесть расставания с жизнью! Повторите ему, что я прошу его охранять мою дочь с неусыпной бдительностью и помнить, что у нее нет иных покровителей. Творец земли и неба, могла ли я предвидеть, что стану просить о родной дочери чужого короля?

Слова эти заметно оскорбили посланника, но он тут же смягчился при мысли о страшных испытаниях, которые пришлось пережить Екатерине.

– Не чужого, – заметил он печально и спокойно, – а близкого вам родственника и преданного друга.

– Да, вы правы, Эустахио, – согласилась умирающая, протянув ему руку в знак сожаления о сказанном.

Королева замолчала: дыхание ее сделалось еще более тяжелым и прерывистым.

Почти в ту же минуту вдали послышался однообразный гул, и толпа горожан заполнила пустынную улицу, на которой находился мрачный и бедный домик Екатерины.

– Шапюис! – проговорила с усилием больная. – Этот шум означает, что Элиа исполнила свое обещание и что молитвы церкви отведут от меня ужас смертного часа.

Она сложила руки, и лицо ее приняло выражение стран-

ного, неземного спокойствия.

Посланник отвернулся, чтобы скрыть навернувшиеся на глаза слезы; он спрашивал себя, почему он, смотревший с глубоким равнодушием на поля сражения, усеянные убитыми и ранеными, был так чувствителен у постели умирающей женщины.

Топот многих ног раздавался все ближе; послышались голоса, воспевавшие славу и величие Божье.

– Кто-то стучится в дверь, – сказала Екатерина. – Потрудитесь открыть, Шапюис!

Посланник поспешил исполнить эту просьбу. Открыв дверь прихожей, он увидел высокого, чрезвычайно статного молодого мужчину, с открытым, привлекательным лицом, с черными, шелковистыми густыми волосами; его бархатный плащ был опушен мехом, на широкой груди блестела массивная золотая цепочка с таким же медальоном; из-под плаща виднелась шпага чудесной работы, с рукоятью, унизанной яркими изумрудами и крупными бриллиантами.

Незнакомец вошел в небольшую прихожую.

– Извините, – сказал он с явным замешательством, – я прибыл в Кимблтон для того, чтобы увидеться с английской королевой, и мне указали этот скромный домик.

– Вам указали верно! – проговорил Шапюис.

– И она... в этой комнате? – прошептал незнакомец, обратив темные, прекрасные глаза на боковую дверь.

– Да, но что вам угодно? – спросил резко посланник.

– О, мне нужно просить вас о громаднейшей услуге! – отвечал незнакомец умоляющим тоном. – Дайте мне возможность увидеть королеву! Я – граф Нортумберлендский и всегда был в числе ее преданных слуг.

– Вы лорд Перси? – воскликнул с удивлением посланник. – Леди Анна Болейн была вашей невестой?

Испанец задумался, но только на секунду, и вошел к Екатерине.

– Лорд Перси, ваш слуга, умоляет о чести увидеть ваше величество, – доложил он почтительно.

– Он выразился бы правильнее, назвав себя слугой кардинала Уолси, – сказала королева. – Но зачем ему нужно видеть меня, Шапюис?

– Я не знаю, но он очень печален и боится, по-видимому, что его не допустят к вам.

– Он прислан, вероятно, для того, чтобы узнать, сколько мне осталось жить, – сказала Екатерина с печальной улыбкой. – Поверьте мне, Шапюис, с тех пор как я в Кимблтонне, я не сделала и шага без того, чтобы за мной не следовал шпион. Я не могу рассказать о тех страшных притеснениях, которым подвергались преданные мне слуги, когда дерзали титуловать меня, как прежде, королевой!

Она остановилась, чтобы перевести дыхание, но в ту же минуту дверь тихо открылась и граф Нортумберлендский вошел, белый как мрамор, и упал на колени перед ее постелью.

– Молю ваше величество простить мне мою смелость и выслушать меня во имя Искупителя! – произнес он.

Его голос был столь искренним, прекрасное лицо дышало таким мужеством и благородством, что в душе королевы шевельнулось раскаяние.

– Я готова исполнить вашу просьбу, лорд Перси, но не могу понять, чем могу служить вам в моем положении? – ответила она приветливо.

– Вы можете вернуть мне душевное спокойствие, в котором заключается все счастье человека! – отвечал Генри Перси с воодушевлением. – Только вы в состоянии снять ту страшную тяжесть, которая лежит у меня на душе с тех пор, как вы подверглись изгнанию и гонениям, а Анна бесправно заняла ваше место на английском престоле! О, моя королева! – продолжал он все с тем же пламенным увлечением. – Как мне дерзнуть назвать вам причину, которая заставила меня отправиться в Кимблтон? Я приехал сюда, рискуя моим настоящим и будущим, в надежде умолить вас простить Анну Болейн! Я знаю, что пока в душе ее нет раскаяния, но рано или поздно она раскается, и все то, что вы вынесли, падет на ее голову! Что будет тогда с ней? Она без сострадания разбила ваше сердце... Я готов даже поверить в то, что она встретит с чувством торжества весть о вашей кончине... но простите ее, для того чтобы Господь не преградил ей вход в царствие Свое!

– Молитесь за нее, ангелы и святые! – раздались в это вре-

мя стройные голоса хора кимблтонских певчих, проходивших под окнами.

– Да, молитесь за бедных нераскаявшихся грешников! – прошептал Генри Перси, обратив к королеве исполненные тревогой и мольбой глаза.

– Нортумберленд! – сказала спокойно Екатерина, и лицо ее приняло выражение строгого, неземного величия. – Как вы могли подумать, что я, готовясь к торжественной минуте расставания с жизнью, сохраню в своем сердце чувство вражды и ненависти к моим врагам? Пусть милосердный Бог простит Анну Болейн, как я ее прощаю; пусть Он пошлет ей долгую и счастливую жизнь и мирную кончину! Я поручаю вашему благородному сердцу воззвать к ее чувству долга, и если луч раскаяния осветит ее душу, скажите ей тогда, что я благословила и простила ее от всего сердца. Эустахио! – обратилась она торопливо к посланнику. – Потрудитесь впустить народ! Смерть приближается!..

Глава XV

Кончина королевы

Молча, тихо, пугливо входили горожане в мрачный и тесный домик, где душа, утомленная страданиями, ожидала минуты переселения в вечность.

Луч солнца, пробиваясь сквозь зеленые шторы, освещал смертный одр.

Королева лежала, обратив исполненный живого упования взор на Святое распятие.

Нортумберленд стоял в ногах ее кровати, а испанский посланник молился на коленях у изголовья, закрыв лицо руками, чтобы скрыть слезы.

Благоговейный трепет охватил всех присутствующих: все они, повинувшись безотчетному чувству, преклонили колени, и соборный священник подошел к умирающей, держа в руках сосуд со Святыми Дарами. Королева сложила худые руки, и угасающие глаза ее осветились глубоким, неземным блаженством.

– Христос, мой Искупитель и мое упование! – произнесла она слабым, но внятным голосом. – Прежде чем причаститься Твоей пречистой плоти, я смиренно молю Тебя отпустить мне все мои прегрешения и простить вместе с тем всех, кто меня преследовал, кто меня предавал и мешал моему сча-

стью. В душе моей нет и тени вражды и неприязни к ним; я искренне желаю им всего лучшего!

Екатерина замолчала, и ее выразительные и кроткие глаза обратились на бледное лицо Нортумберленда; этот взгляд говорил красноречивее слов: «Простив своих врагов, я простила и ее! Молясь Богу за них, я молюсь и за Анну!»

Она сложила руки, и душа ее переполнилась чувством беспредельной любви к Искупителю.

После совершения таинства святого причащения престарелый священник простился с умирающей и поспешил в храм, чтобы начать литургию и помолиться всем миром, чтобы Господь упокоил эту изболевшую душу там, где уже нет душевных и телесных страданий, а есть светлая, блаженная, бесконечная жизнь. Толпа, наводнившая мрачный и тесный домик, ушла следом за ним, и около королевы остались, как и прежде, Нортумберленд, Шапюис и плачущая Элиа.

В комнате воцарилось на несколько минут глубокое молчание.

– Смертный час приближается, – сказала Екатерина. – Я почти не страдаю, подойди ко мне, Элиа.

Девушка подошла, бледная как мертвец, и встала на колени.

– Пусть Бог вознаградит тебя, дорогое дитя мое, за твою беспредельную неизменную преданность! – сказала королева, опустив свою бледную руку на ее шелковистые светло-русые кудри. – Ты одна в целом свете жалела меня и делила

со мной тяготы изгнания. Когда меня не станет, сними с моей руки обручальное кольцо и передай его дорогой моей дочери. Пусть она бережет его в память обо мне и о своем знатном происхождении. Я хочу, чтобы ты осталась при ней, Элиа. Шапуис устроит это. Не тоскуй и не плачь! Тебя должно утешить сознание того, что только твоя преданность помогла мне нести мой тяжкий крест. Повторяю опять: я хочу, чтобы ты жила при моей дочери, и надеюсь, что ты исполнишь мою волю. Я расстаюсь с тобой, но не перестану молиться за тебя и твое счастье, Элиа.

А вам, дорогой мой Евстафий, – обратилась умирающая посланнику, – я благодарна за преданность и дружбу. Скажите моему царственному супругу, что я до самой смерти не теряла надежды на свидание с ним, что мысль о нем была моей последней мыслью!

По телу королевы пробежал легкий трепет; она скрестила руки, вздохнула и скончалась.

Элиа устремила горящие глаза на бледный лик усопшей.

– Умерла! – прошептала она. – Умерла! – повторила она с глухим стоном и упала без чувств у смертного одра.

– Да, умерла! – сказал торжественно посланник, обращаясь к лорду Перси. – И дай Бог, чтобы мы могли умереть так же спокойно и мужественно. Отныне я желаю лишь одного – быть поскорее отозванным от здешнего двора, чтобы не встречаться больше с палачом этой мученицы и ужасной женщиной, которую она простила перед смертью по вашей

просьбе!

– Заклинаю вас всем, что вам дорого в жизни, не проклинайте Анну! – сказал Нортумберленд. – Ее и без того все проклинают! Исполните свой долг, поезжайте в Лондон и доложите королю о кончине законной английской королевы, а я исполню свой и останусь при усопшей. Мне безразлично, узнает Генрих Восьмой или нет о том, что я в Кимблтоне.

Глава XVI

Мщение начинается

В то время как душа английской королевы отлетела на небо, тучи Божьего гнева начали собираться над Анной Болейн.

Желая как можно скорее отомстить графу Уилширу за его тайные попытки подорвать его власть над королем, Кромвель всю ночь после бала в Виндзоре обдумывал план низвержения Анны и брака Джейн Сеймур с повелителем Англии. До столкновения с Рочфордом первый министр считал любовь короля к этой милой девушке капризом, прихотью; но известие о близкой кончине Екатерины и то, что было сказано при этом Генрихом, показали всю выгоду посредничества между Джейн Сеймур и королем; он знал, что прежде всего следует внушить молодой девушке доверие к его советам, и стал с нетерпением ждать возможности увидеть престелстную Сеймур.

Кромвель застал ее за прялкой. Прекрасное лицо девушки сияло от счастья; ока стала непринужденнее, веселее, говорливее, с тех пор как у нее появилась надежда уехать на родину, и хотя лорд Кромвель не был склонен к чувствительности, он невольно подумал, что Джейн восхитительна и что ее красивая, грациозная головка создана для короны.

Увидев министра, девушка вскрикнула радостно и, подбежав к Кромвелю, протянула ему свою нежную ручку.

– Ну что же моя отставка? – воскликнула она. – Я так глупа, милорд, и так нетерпелива, что уже раза три начинала укладываться!

– Было бы что укладывать! – проворчала старая Жемми.

– Могу ли я рассчитывать, что меня отпустят без всяких проволочек? Выбрана ли фрейлина, которая заменит меня при королеве? Говорите, милорд! – настаивала Джейн, устремив на министра свои очаровательные ясные глаза.

Кромвель хотел было ответить ей улыбкой, но передумал и серьезно сказал:

– Выслушайте меня терпеливо, миледи, я должен сообщить вам нечто весьма важное, касающееся чести вашего рода, вашего самолюбия, репутации вашей и вообще вашего будущего...

– Моей чести и будущего! Что же это, о боже! – перебила она, испуганная этим торжественным вступлением.

– Выслушайте меня благосклонно, миледи, – продолжал лорд Кромвель. – Вы поняли ошибочно чувства его величества и цель его подарка! У вас много врагов... Верите ли вы мне? Позвольте ли высказаться с полной откровенностью?

– Как, милорд, у меня есть враги при дворе? – перебила его изумленная Джейн. – Вы, вероятно, шутите! Я отношусь ко всем приветливо, я живу как затворница в этой высокой башне и работаю с утра до ночи, чтобы закончить пла-

тье, обещанное Жемми! Может ли это вызвать неприязнь и вражду?

– Нет, конечно, – ответил ей на это Кромвель, – но завистники ненавидят и без всяких оснований. Вам нужен человек, который оградил бы вас от этих тайных происков, и совесть и вера побуждают меня предложить вам поддержку. Позвольте мне заботиться о ваших интересах, если, конечно, вы желаете этого...

– Ваше «если» излишне и обидно, милорд, – сказала пылко Джейн. – Могли ли вы подумать, что я не оценю ваше предложение и не приму его с глубокой благодарностью? Я одинока и беспомощна в жизни и нуждаюсь в разумном, честном наставнике. Я сделаю все, что вы мне посоветуете, приму от вас охотно любое замечание и отдаю свою волю в ваше распоряжение.

«Да она изрядно сентиментальна!» – подумал лорд Кромвель не без иронии, но ответил по-прежнему с глубокой почтительностью:

– Повторяю, миледи, что сделаю для вас все от меня зависящее.

Уступая порыву горячей благодарности, Джейн Сеймур схватила руки Кромвеля; две светлые слезинки скатились по ее прелестным щечкам.

– Не плачьте, леди Джейн! – сказал ей граф Эссекский. – Вам не о чем печалиться! Я надеюсь расстроить планы ваших врагов и приготовить вам такое благодатное и блестя-

щее будущее, о котором вы даже не могли мечтать. Но, чтобы достичь этого, вы должны поступать по моим указаниям и не скрывать от меня ваши намерения.

– Я буду сообщать обо всем, что собираюсь сделать и о чем буду думать, так же чистосердечно, как если бы говорила с моим милым отцом.

– Вы исполните обещание? – спросил резко Кромвель.

– Да, – отвечала кротко и искренне девушка.

– Благодарю, миледи! – воскликнул граф Эссекский. – И так как вы желаете поступать сообразно моим указаниям, то я вам продиктую письмо к его величеству. Вы еще не сказали ему ни слова благодарности за его внимание, за его подарок, и он вправе подумать, что вы не придаете этому никакого значения.

– Но ведь я не умею ни читать, ни писать, – произнесла чуть слышно сконфуженная Джейн. – Мой отец находил, что это совершенно не нужно для женщины; меня учили только рукоделию; мне стыдно за мое невежество, милорд, но я обещала быть откровенной с вами.

– Черт возьми! – перебил с досадой Кромвель. – Я никак не предвидел такое затруднение!

– Не сердитесь, милорд, я постараюсь научиться.

– Все это превосходно, но знания сразу не даются, леди Джейн, – сказал первый министр. – Я не всегда могу видеться с вами лично, но мог бы сообщать вам мои мысли и планы посредством переписки... Скажите откровенно, вы хоте-

ли бы выйти замуж?

– Да! – отвечала Джейн. – Я буду рада вступить в брак с человеком, равным мне по рождению. Хотя у меня нет средств, но я не решусь унижить доблестный род Сеймуров! Да к тому же, если продать это ожерелье...

– Забудьте об этом ожерелье, миледи! – перебил лорд Кромвель. – Речь идет не о нем. Если я вам представлю человека богатого и достойного вас, согласитесь ли вы выйти за него замуж?

– Я поступлю так, как вы посоветуете. Я буду даже рада иметь покровителя. У меня на свете нет никого, кроме Жемми, а она очень стара.

– Ну, так я, леди Джейн, помогу вам составить блистательную партию, но предупреждаю вас, что даже малейшее пятно на вашем добром имени может испортить дело. Вы должны отвечать гордым молчанием на льстивые слова, даже если их будет говорить Генрих Восьмой.

– Это предупреждение излишне, милорд, – сказала твердо девушка. – Я слишком дорожу моим достоинством и фамильной честью, чтобы позволить себе слушать вольные речи от кого бы то ни было.

– Теперь моя вторая просьба, – продолжал граф Эссекский, не обратив внимания на это замечание. – Вы не должны говорить королю о моем обещании составить для вас партию.

– Сохрани меня бог говорить с королем! – воскликнула

она с непритворным испугом. – Я даже не решусь просить его о моей отставке.

– Вы говорите так, потому что не знаете, как добр и милостив наш государь. Вам неизвестно одно важное обстоятельство... король принимает в вас живейшее участие, он желает вас видеть... вы должны ему выразить признательность за его щедрый дар, заверить его в вашей глубокой преданности и сказать, между прочим, что у вас лишь одно желание – найти себе супруга. Не забывайте об этом, леди Джейн.

– Милорд, я не осмелюсь говорить с королем.

– Вы должны пересилить эту детскую робость, – возразил граф Эссекский. – Когда его величество станет спрашивать вас о ваших желаниях, то вы должны ответить, как я уже сказал. Помните, леди Джейн, что малейшее отклонение от моих советов испортит дело.

– Милорд, я буду выполнять все в точности.

– Так я могу рассчитывать на это?!

– Клянусь честью!

– В таком случае я уверен в успехе; прощайте же, миледи, до скорого свидания, – сказал граф с дружелюбной улыбкой.

Когда шаги министра затихли, Джейн хотела было приняться за работу, но присела и задумалась.

– Что он хотел сказать? – произнесла она с явным недоумением. – Я не могу понять, зачем мне, например, объяснить королю, что главная цель моей жизни – составить себе партию? Я, конечно, хочу поскорее выйти замуж... У ме-

ня будут крошечные хорошенькие детки, я окружу заботой мою старую Жемми и, что всего важнее, уеду отсюда. Сердце бьется от радости при мысли об этом.

Глава XVII

Козни Кромвеля

Король сидел и пел гимн любви и весне; он был в великолепном настроении, когда дверь отворилась и к нему вошел паж.

– Испанский посланник просит позволения увидеть ваше величество, – доложил робко юноша.

– Разве он вернулся? – воскликнул с удивлением король.

– Он здесь, ваше величество... у него креп на шляпе!

– Креп? – повторил король. – Попросите ко мне испанского посланника.

Паж раздвинул портьеры, и Шапюис вошел в комнату; он был суров и бледен.

– Королева скончалась! – объявил он торжественно. – Вот ее завещание и письмо к вам! – Он положил то и другое на стол, не поднимая глаз. – Письмо пропитано ее слезами! – добавил он угрюмо после короткой паузы.

– Так она умерла? – спросил Генрих VIII, и сердце его сжалось от незнакомой до сих пор тяжелой тоски.

– Да, умерла! – ответил отрывисто Шапюис, с трудом сдерживая негодование.

– Шапюис! Это была честная женщина! – проговорил король.

– То есть, вернее сказать, это был Божий ангел в человеческом облике, – сказал тихо Шапюис.

– Вы совершенно правы, и я очень жалею, что не смог проститься с ней.

– Но вы, ваше величество, уже давно знали, в каком она состоянии; я столько раз просил облегчить ее участь, но голос мой был подобен гласу вопиющего в пустыне, хотя просьбы мои были умеренны. Но, как бы то ни было, она умерла, не увидевшись с дочерью, и это отравило ее последние минуты.

– Так она умерла, проклиная меня? – спросил отрывисто встревоженный король.

– Нет, она призывала благословение Божье на вас и ваше царствование.

Посланник произнес с усилием эту фразу; его душил гнев. Король не отвечал.

– Она сказала мне, что слова молитвы о вас будут последними в ее жизни, – продолжал он, по-прежнему не поднимая глаз.

Генрих VIII молчал.

Посланник отступил на несколько шагов.

– Я надеюсь по крайней мере, – сказал он резким тоном, – что вы, ваше величество, соблаговолите вспомнить, что умершая королева была родной теткой моего императора! Подле ее тела осталась только девушка, разделявшая с ней тяготы изгнания, да граф Нортумберлендский.

– Как? Лорд Перси? – воскликнул с изумлением король. – Что могло побудить его приехать к Екатерине?

– Это мне неизвестно, но я видел его, – сказал сухо посланник.

У короля мелькнула мысль о заговоре против него; он встревожился, но не подал виду.

– Я понимаю вас, – отвечал он посланнику с заметной торопливостью, – Екатерина будет погребена с королевской пышностью. Вы можете идти!..

– Мне остается передать вам последнее желание покойной королевы. Она просила, чтобы вы позаботились о ее старых слугах! Они теперь нуждаются в самом необходимом, и мысль о них тревожила умирающую.

– Все будет сделано, – сказал сердито король. – Испании и Австрии нет надобности вмешиваться в подобное дело.

– Итак, тело ее будет погребено со всеми почестями...

– Да, – перебил король, – я и все мои подданные будут носить по ней шестинедельный траур! Можете говорить во всеуслышание, что это моя воля! Уйдите же теперь, мне хочется побыть одному! Я позову вас после!

Посланник поклонился с церемонной вежливостью и вышел твердым шагом из королевской комнаты.

– Этот испанский гранд не выбирает выражений! – проговорил король, посмотрев ему вслед. – После свидания с Екатериной он настроен еще более враждебно ко мне. Итак, ее уже нет! Я никак не могу привыкнуть к этой мысли!

Он придвинулся к столу, на котором лежали письмо и завещание, и взглянул нерешительно на бумаги, в которых заключались последние слова и последняя воля его жены и друга.

– Что в этом письме? – произнес он задумчиво. – Ну, конечно, упреки! Завещание касается, разумеется, дочери! Мне жаль, что обстоятельства сложились таким образом!.. Екатерина была благородная женщина, и, что всего важнее, она меня любила!.. Она надоедала мне иногда наставлениями, но была моим лучшим и единственным другом. Всегда добрая, всегда кроткая, она вела себя безукоризненно! Время летит так быстро... Казалось, только вчера стоял с ней под венцом, а ее уже не стало! Умерла! Это слово звучит странно... И я тоже умру, и после моей смерти... но надо признаться, что жизнь не легче смерти, когда внутренний голос твердит ежеминутно: «Берегись, берегись!» Моя страсть к Анне Болейн давно сменилась глубоким отвращением; мне страшно надоело притворяться. Екатерина скончалась, и я теперь свободен; да, но сколько преград придется преодолеть, чтобы достичь цели! А упрямство мое растет с годами, препятствия лишь разжигают мои страсти: я не терплю противоречий от кого бы то ни было и ненавижу весь род человеческий! Эй, ратники и паж и все подданные моей верховной власти, кто из вас может дать мне желанный покой?

– Вы изволили звать? – сказал молодой паж, вбежав в кабинет.

– Разве я звал? – спросил с недоумением Генрих.

– Вы громко говорили, и я, ваше величество, услышав ваш голос...

– Что же я говорил?

– Я не расслышал слов.

– Есть кто-нибудь в приемной?

– Милорд Кромвель.

– Пусть он войдет!

Граф Эссекский вошел; он был в глубоком трауре; король посмотрел на него испытующе.

– Екатерина скончалась, и весть эта вызвала у меня непритворную скорбь, – произнес он отрывисто. – Ее жизнь, однако, давала повод к смутам! Известно ли вам, что граф Нортумберлендский имел дерзость приехать к ней перед ее кончиной? О чем думают и что творят северные бароны? Есть ли что-нибудь новое в донесениях ваших шпионов и клеветов?

– Значит, испанский посланник виделся с лордом Перси? – спросил первый министр, оставив без ответа вопрос короля.

– Конечно! – отвечал запальчиво король. – Ненависть Перси ко мне не имеет пределов, и я не удивлюсь, если этот надменный и отважный вассал вступит в тайное соглашение с испанским императором.

– Я как раз хотел доложить вам, что шпион, посланный в Линкольншир, напал на след весьма важного заговора: он

сообщает мне о тайных сборищах лордов Люамби, Невилла, Дарси и Лотимера, и вы, ваше величество, можете быть уверены, что во всех пяти графствах северной части Англии скоро вспыхнет мятеж!

– Да, нечего сказать, хороши ваши новости! – проговорил сердито король. – Надменность этих лордов переходит все границы...

– Верьте, ваше величество, их нельзя судить строго. Их как будто стараются оскорбить и унижить и, несмотря на это, требуют, чтобы они служили государству.

– Что вы хотите этим сказать, Кромвель?

– Да то, ваше величество, что все щедроты и почести достаются одним и тем же... и число недовольных растет с каждой минутой... Вам хорошо известна ненасытная алчность семейства королевы!

– Да, должен признаться, что и мне надоели бесконечные требования графа Уилшира, надменность Рочфорда и жадность их приверженцев. Но я был убежден до нынешнего дня, что вы принадлежите к партии королевы! – произнес не без удивления король, внимательно посмотрев на министра.

– Да, я принадлежал к партии королевы или, вернее, родных ее, – отвечал граф Эссекский, – до той роковой минуты, когда я убедился, что их преданность к вам – пустые слова, что все они желают регентства и сама королева, вступив на путь измены...

– Так мои подозрения подтвердились! – воскликнул Ген-

рих VIII с невыразимым бешенством. – Она мне изменяет! Что она замышляет? Говорите скорее!

– Мое усердие к вам заставило меня забыть о собственной голове, – отвечал очень холодно и спокойно Кромвель. – Закон карает смертью того, кто плохо говорит о королеве!

– Я его отменяю!

– Притом же королева только слабая женщина.

– Говорите!

– Делайте со мной что хотите, ваше величество, но я не в состоянии исполнить ваше требование.

– Вы обязаны его исполнить, раз я вам приказываю.

– В таком случае прикажите арестовать немедленно дворян ее величества: тюрьма развяжет им, без сомнения, язык.

– На что вы намекаете? Неужели она не только замышляет гнусные заговоры против меня, но и дерзнула опозорить наше брачное ложе?

– Об этом говорят, но я не признаю эти слухи как истину...

– И как давно дошли эти слухи до вас?

– О, будьте снисходительны, ваше величество! Меня страшил ваш гнев, и я делал все, чтобы отвести его от тяжело виновных! Я был верным и преданным слугой королеве, вы это сами знаете! Но когда я заметил, что ее поведение дает повод к сплетням, я счел своим долгом сказать об этом ее брату и указать ему на тяжелые последствия такого нарушения общественных законов. Граф Рочфорд, к сожалению,

кинулся на меня со шпагой. Тогда, ваше величество, признаюсь откровенно, я вышел из себя и сказал ему, что его самого обвиняют в преступных сношениях с королевой и утверждают, что старый граф Уилшир заявлял уже не раз, что род Болейнов даст Англии короля и без ненавистного ему рода Тюдоров!

Король сидел безмолвный и бледный как мертвец: каждое слово Кромвеля вонзалось острым жалом в его сердце, задевая его болезненное самолюбие и возбуждая бешеную ревность; его взор был прикован к губам графа Эссекского; на угрюмом лице пятнами вспыхивал лихорадочный румянец; его душила злоба, но он не мог произнести ни слова.

Кромвель счел за лучшее не обращать внимания на предвещавшее бурю молчание своего грозного повелителя и продолжал все тем же невозмутимым тоном:

– Непомерное самолюбие графа Рочфорда помешало ему принять благой совет испытанного друга, и он поклялся мне отомстить! Я узнал через моих клеветов, что он не медлит, и граф Уилшир явился к вам сегодня утром, чтобы обвинить меня перед вашим величеством в ограблении женского монастыря в Дургеме.

– Но какое мне дело до слов графа Уилшира и до ваших монахинь! – воскликнул Генрих VIII.

– Вот опись ценностей, доставшихся казне вследствие упразднения означенной обители, – проговорил все с тем же хладнокровием министр.

Он вынул из кармана и подал королю объемный реестр.

– В него включено все до малейшей безделицы, – пояснил он спокойно. – Упразднение совершалось в присутствии властей, при содействии комиссаров, один из которых был незадолго до этого рекомендован мне самим графом Уилширом; вот, наконец, письмо, в котором настоятельница признает правильность описи и перехода собственности вверенной ей обители в наше распоряжение.

– Замолчите, граф Эссекский, вы мне надоели! – крикнул гневно король. – Незачем докладывать мне о ваших грабежах, я знаю вашу алчность и испорченность всех моих приближенных.

– Враги мои успели выставить мои дела в невыгодном свете, и я прошу ваше величество позволить мне объясниться.

– Еще раз, граф Эссекский, прошу вас попридержать язык! Мне теперь не до дел, – проговорил король, задыхаясь от страшного волнения. – Я разбит, уничтожен, я почти уверен, что земля уходит у меня из-под ног! Куда бы я ни взглянул, я везде вижу порочность и предательство! Этот пышный дворец превратился в ад!

Кромвель хранил почтительное глубокое молчание.

– Я давно догадывался об измене этой женщины, – проговорил король после короткой паузы, – но вы были обязаны доложить мне о ее поведении!..

Его голос осекся, и он закрыл лицо дрожащими руками.

– Я должен был сначала получить улики, – заметил граф

Эссекский.

– Улики? Проклятье! Да и кто же поверит в подобное предательство? – сказал пылко король.

– Да, – отвечал Кромвель, – подобные поступки чересчур возмутительны, и им не верят сразу, но графиня Рочфорд, чьи любовь и самолюбие попораны, открыто выражает свое негодование, и вашему величеству следовало бы порасспросить ее.

– Я заставлю графиню объяснить мне все! – сказал Генрих VIII.

Он поспешно встал с места, тяжело дыша.

– Говори мне немедленно все, что знаешь, Кромвель! – воскликнул он, дрожа от горя и бешенства. – Неужели о беславии моем известно всему свету?

– Я не решусь передавать вам слухи, справедливость которых не могу подтвердить непреложными фактами! – возразил граф Эссекский.

– Дайте мне лист бумаги! – сказал резко король.

Граф Эссекский поспешно исполнил приказание и стал терпеливо ждать, что за этим последует.

Король схватил перо, но сильное волнение мешало ему писать.

– Пишите за меня! – сказал он повелительно, обратившись к Кромвелю.

– Что я должен писать? – спросил первый министр.

– Приказ о немедленном аресте Рочфорда и дворян коро-

левы – Вастона, Бартона и Марка.

«Дело идет на лад!» – подумал граф Эссекский.

– Пошлите в то же время гонцов к Нортумберленду с приказом явиться и объяснить, что побудило его отправиться в Кимблтон, а если он окажет хоть малейшее сопротивление, то пусть отправят под конвоем в Виндзор!

– Будет исполнено, – отвечал граф Эссекский, придвигаясь к столу.

Король облокотился на спинку его кресла.

– Распорядитесь во дворце, чтобы их арестовали после полуночи, когда во дворце все стихнет, – сказал король. – Пусть их отвезут в Ле-Тур, а там подвергнут одиночному заключению и строгому надзору.

– Это необходимо! – поспешно вставил граф Эссекский, продолжая писать приказ короля.

Лорд Кромвель не успел договорить, когда в соседней комнате послышались шаги. Паж раздвинул портьеры, и вошла королева Анна, очаровательная, как райское видение.

Ее платье из палевого, блестящего атласа являло как бы молчаливый протест против распоряжения о трауре, о котором весь двор знал еще накануне.

Наряд молодой женщины отличался роскошью и изысканностью: чудесное ожерелье из восточного жемчуга обвивало ее лебединую шейку; ее прекрасные, ослепительной белизны плечи были видны сквозь кружево изящной шемизетки, перехваченной в талии широким кушаком с бриллиантовой

пращкой; ее великолепные золотистые волосы придерживал легкий, кокетливый берет со страусовым пером, унизанным сверкающими драгоценными камнями.

Войдя в кабинет мужа, королева кивнула грациозно ему и Кромвелю и, подойдя к окну, небрежно села в кресло.

Беленькая левретка, дремавшая в углу на бархатной подушке, подняла кверху узенькую, хорошенькую мордочку, зевнула, потянулась и, подойдя к своей прекрасной повелительнице, начала лизать розовым и нежным язычком ее белые ручки. Она одна обрадовалась приходу королевы.

Король и граф спешили скорее закончить дела.

Кромвель зажег свечу, и Генрих с озлоблением приложил печать к роковому приказу об аресте Рочфорда.

– Ступайте и исполните мои распоряжения! – произнес он отрывисто, обратившись к министру.

Граф Эссекский ушел.

Когда его шаги затихли в отдалении, король взглянул на жену.

В этом взгляде светился тот зловещий огонь, который загорается в глазах хищного тигра, подкрадывающегося к своей жертве.

Анна Болейн играла золотым ошейником собачки, и прыжки миниатюрного, грациозного животного вызывали у королевы улыбку.

– Ваше платье прелестно, но, судя по цвету, вы не знаете о моем приказании, – сказал Генрих VIII.

– О каком приказании? – спросила робко Анна, смущенная суровостью короля.

– О трауре во всем государстве по случаю кончины королевы, жены моей! – отвечал он ей резко.

– Вашей жены? – промолвила с недоумением Анна, устремив чудесные голубые глаза на мрачное лицо своего повелителя.

Но Генрих встретил холодно этот обворожительный красноречивый взгляд.

– Ну да, моей достойной, благородной жены! – воскликнул он запальчиво. – Завещание ее лежит на этом столике, куда вы положили ваш носовой платок.

Уступая суеверному страху, Анна Болейн торопливо схватила платок, обшитый дорогим, великолепным кружевом.

– Вы испугались, кажется? – заметил король с язвительной иронией.

– Мне нечего пугаться! – возразила она.

Смущение ее росло с каждой минутой: ей еще никогда не приходилось видеть такое выражение на лице своего державного супруга и слышать от него такие суровые слова. Она не понимала, чем вызвана такая перемена в нем.

– И вы на самом деле не знали о кончине жены моей? – спросил внезапно Генрих.

– Нет, я слышала о кончине бывшей принцессы Галльской, но вы, ваше величество, говорили не раз, что придворные не должны считать ее вашей женой, – отвечала она с

негодованием.

– Если даже и так, то вы обязаны были почтить память вашей бывшей законной повелительницы! – сказал резко король, взглянув с презрением на молодую женщину и на ее богатое блестящее платье. – Я помню, – продолжал он после короткой паузы все с той же суровостью, – как Екатерина, постоянно заботившаяся о благе своих ближних, говорила о вас: «Анна Болейн – красавица, но ведет себя чрезвычайно вольно, и придворная жизнь способна погубить ее бесповоротно».

– Вы меня оскорбляете! – перебила его внезапно королева.

– Я оскорбляю вас? Полноте, леди Анна! Вы относились прежде гораздо благодушнее к таким невинным шуткам!

– Шутки такого рода имеют часто роковые последствия!

– Ну, пока еще нет, – процедил сквозь зубы Генрих. – Но нельзя отрицать, что комедия может закончиться трагедией!

Анна Болейн не слышала этих последних слов, ее щеки пылали, и сердце бешено колотилось.

– Я пришла к вам не вовремя?! – произнесла она изменившимся голосом.

– Почему же? Напротив! – отвечал он спокойно. – Да притом я уверен, что вы пришли ко мне с какой-нибудь просьбой...

– Даже с двумя, – отвечала она в явном замешательстве. – Но... повторяю вам... я явилась не вовремя: вы сегодня в

дурном расположении духа!

– Нет, уверяю вас, – возразил он все с той же язвительной иронией. – Я спокоен, весел и, что важнее всего, невыразимо счастлив!..

Анна Болейн взглянула с тревогой в его глубокие глаза. тайный голос твердил ей, что в чувствах короля внезапно произошла перемена.

– Я пришла, чтобы сказать несколько слов о завтрашнем турнире, – произнесла она нерешительно.

– А, так завтра турнир? – отвечал ей король. – Я совсем забыл об этом! При дворе столько празднеств, что их трудно запомнить!

– Да, но тот турнир был задуман по вашему желанию, к нему уже давно готовятся в Гринвиче, множество лордов прибыло из самых дальних областей королевства, чтобы принять в нем участие; все это потребовало громадных затрат, и отменить турнир теперь уже невозможно.

– Невозможно! – воскликнул с озлоблением король. – Для меня нет решительно ничего невозможного.

– Я знаю, что вы вправе делать все, что хотите! – сказала кротко Анна, дрожавшая при мысли об отмене турнира. – Я только говорю о неудовольствии, которое вызовет у всех сословий общества отмена торжества, так давно ожидаемого.

– Вы совершенно правы, – согласился король. – Я и сам понимаю, что это невозможно!

– Да! – воскликнула Анна, и прелестное ее личико оза-

рила веселая улыбка. – И так как я желаю, чтобы свита моя явилась на турнир в надлежащем виде, то позволю себе просить вас дать Норрису одну из ваших лошадей: его лошадь хромает, а у него нет денег, чтобы купить другую.

– Как? Норрису?! – воскликнул запальчиво король, в котором это имя сразу вызвало ревность.

– Да, Норрису, – ответила спокойно королева, несколько озадаченная вопросом и волнением своего повелителя. – Чему вы удивляетесь? Вам ничего не стоит подарить ему лошадь. Да притом же Норрис всегда пользовался вашей благосклонностью.

– Но еще больше вашим вниманием, леди Анна, насколько мне известно, – сказал король.

– Да, я люблю Норриса, – подтвердила она тем же спокойным тоном.

– Ну хорошо, – сказал насмешливо король. – Я пошлю ему лошадь! Выбирайте любую: вы так хорошо знаете Норриса, что это не составит для вас никакого труда.

– О нет, ваше величество, – отвечала она с веселой улыбкой, – я люблю лошадей, но не знаю, какая из них годится для турнира.

– А турнир будет завтра? – спросил опять король.

– Разумеется, завтра, и все мои дворяне, за исключением Марка, уже отправились в Лондон. Брат устроит для них великолепный ужин и будет ночевать вместе с ними в Гринвиче. Сон вернет им силы.

– Это распоряжение чрезвычайно разумно, – проговорил король.

– Не правда ли? – сказала Анна, устремив на него свои великолепные ясные глаза.

Но мысли короля перенеслись из Винздора к графу Рочфорду и его беззаботным молодым товарищам.

«Разница только в том, – думал он, – что их арест отсрочится на сутки. Кромвелю удастся арестовать сегодня только Марка».

Глава XVIII

Артур Уотстон и его мать

Население Лондона готовилось к турниру, и в городе кипела работа. Дородные мещанки рылись в огромных сундуках, окованных железом, вынимая из них самые дорогие и красивые платья и самые массивные золотые цепочки. Они знали, что им ни за что не пробраться в Гринвич, так как в нем не могло поместиться столько людей, но они улыбались приятной перспективе постоять на дороге, что вела туда, и ослеплять едущих на турнир блеском своих нарядов.

Пользуясь суетой старших, дети сновали повсюду, сбивая с ног прохожих; они сходились группами на бой в подражание рыцарям, которые должны были выступать на турнире; за неимением доспехов и мечей они вооружались разными кухонными принадлежностями и убирали головы петушиными перьями. Вообразив себя героями турнира, они не слушали никаких увещаний и продолжали рыскать, пока ночь и усталость не охладили их воинственный пыл.

В мастерских портные, оружейники, ювелиры и прочие с ног валились от усталости; лишь ростовщики заперлись в своих домах и считали барыши, полученные благодаря турниру.

В конце улицы, примыкавшей к церкви Святого Павла,

тянулась невысокая каменная ограда; ворота уже давно заколотили наглухо, а калитка, обитая железными листами, была обыкновенно заперта изнутри; маленькое окошко в ней позволяло привратнику рассмотреть каждого проходящего.

За оградой находился большой мощный двор, весь заросший травой, в глубине его стояло длинное мрачное строение; из всех окон лицевого фасада только одно было ярко освещено, хотя на больших часах церковной колокольни пробило только девять. У парадного входа в это мрачное здание стояла чистокровная лошадь арабской породы; она била копытами о плиты мостовой и оглашала воздух нетерпеливым ржанием.

Через некоторое время на ступенях высокого и крутого крыльца появился слуга: он подошел к коню, пригладил его гриву и стал кормить виноградной лозой, покрывавшей стены почти до самых окон.

Вскоре после этого в калитку вошел стройный высокий молодой человек; он был в полукафтанье белого цвета, с длинным мечом у пояса и держал в руке шарф из мягкой тонкой ткани ослепительной белизны; прекрасное лицо его дышало благородством, а ярко-синие серьезные глаза придавали ему еще больше прелести.

Он легко поднялся на крутое крыльцо, быстро пересек прихожую и тихо постучался в створчатую, покрытую старинной резьбой с позолотой дверь.

К нему немедленно вышла немолодая женщина с чрезвы-

чайно добрым лицом.

– Могу ли я войти? – спросил ее вполголоса молодой человек.

– Ваша матушка ждет вас с нетерпением, рыцарь, – отвечала служанка, любуясь и гордясь одеянием своего господина.

– Ты пока не должна называть меня рыцарем— заметил с улыбкой молодой человек. – Я, добрая Елена, еще не имею ни малейшего права на этот славный титул.

– Да, но вы получите его завтра, а это все равно, – возразила она, глядя с беспредельной преданностью на стройную фигуру молодого Уотстона. – Стоит взглянуть на вас, как поймешь, что вы потомок знаменитого рода и завоюете славу на завтрашнем турнире.

– А ты, Елена, будешь молить об этом Бога?

– Да, я не лягу спать в ночь бдения, которую вы проведете в церкви.

Пройдя вслед за служанкой через несколько темных залов, молодой человек вошел в спальню своей матери.

Это была большая высокая комната с одним громадным так называемым итальянским окном. На старинной кровати сидела, опираясь на мягкие подушки, дама преклонных лет; взглянув на ее белое, как будто изваянное из мрамора лицо, всякий подумал бы, что она была в молодости красавицей; но, хотя время оставило на лице ее неизгладимый след, дама сохранила то гордое выражение прекрасных глаз, изящество

манер и врожденную грацию, которые отличают людей высшего сословия.

На кровати было бархатное покрывало, подбитое горностаем; на всех углах его был вышит герб Уотстонов: могила, озаренная светом нескольких звезд, и девиз: «Свет померк в глазах моих!»

Напротив кровати находился буфет, на полированных полках которого стояли массивные серебряные вазы и дорогой фарфор.

Комната освещалась ярким пламенем свечей в двух высоких старинных канделябрах, стены были обиты шелковой материей, а пол закрывал мягкий и пушистый ковер.

Уотстон подошел к матери и положил к ногам ее свой шарф и меч.

Леди взглянула на него с невыразимой нежностью.

– Мой Артур! Мой возлюбленный и единственный сын, – прошептала она.

Она замолчала: воспоминания о скорбном и печальном прошлом нахлынули на нее.

Прошлое леди Уотстон было в самом деле непрерывной цепью потерь и испытаний: еще в молодости смерть отняла у нее любимого мужа; у нее было три сына, но два из них уже лежали в могиле. Остался один только Артур.

Молодой человек понимал, что происходит в душе матери, и смотрел на нее с состраданием.

Прошло несколько минут, и на бледном лице леди Уот-

стон показался румянец, она подняла голову, и ее выразительные и кроткие глаза устремились на сына.

– О, если бы отец твой мог увидеть тебя сейчас! – произнесла она с воодушевлением.

Она непроизвольно перевела взгляд с прекрасного лица молодого Уотстона на герб и девиз, избранный ею самой, и две крупные слезы скатились по худым щекам.

– Я должна смириться с испытаниями! – произнесла она, сложив набожно руки. – Свет не померк в глазах моих, так как Бог сохранил мне тебя, мой Артур! Ты похож на отца и начинаешь жить самостоятельно...

– Да, – перебил Уотстон, тронутый этими задушевными словами, – и я пришел к вам с просьбой опоясать меня шарфом и прикоснуться к моему мечу, чтобы благословить его! Вы знаете, у меня нет на свете никого, кроме моей любимой, уважаемой матери, и я не знаю ни одной женщины, которую мог бы сравнить с вами!

– И я тоже, Артур, могу сказать, что ты был до сих пор достойным представителем нашего знаменитого древнего рода, гордостью моей старости и единственной радостью моей печальной жизни! – отвечала спокойно и торжественно леди. – Ты понимал без моих внушений, что честь превыше всего! Ты был так молод, когда вступил в ряды защитников отечества и сражался во Франции, и мои дни и ночи проходили в слезах; но Пречистая Дева вняла моим молитвам, ты вернулся ко мне со славой. Теперь ты вступаешь в почетный

орден рыцарей и должен выполнять все данные тобой суровые обеты, не обращая внимания на то, что другие считают их только формальностью; ты должен всегда помнить, что рукоять твоего рыцарского меча изображает крест, символ любви и мира, и ты имеешь право обнажать его только для того, чтобы защищать невинных и несчастных. Наш союзник и родственник, граф Ворчестер, назначенный твоим наставником, храбрый рыцарь, но я желала бы, чтобы ты брал за образец не столько его жизнь, сколько жизнь двух смелых и благородных рыцарей. Они не англичане, но великие люди принадлежат всем нациям. Эти два человека – Баярд и Бертран Дюгесклен. Поступай, как они, и я буду счастливейшей из матерей на свете!

– Так и будет, клянусь честью! – воскликнул молодой человек. – Мысль о вас даст мне силы сдержать обет.

– Я верю тебе, сын мой, и твое слово для меня дороже всякой клятвы! – сказала леди Уотстон с нежностью.

Молодой человек подал ей белый шарф, и она опоясала стройный стан сына и завязала концы у него на груди.

– Пусть вера в Провидение поддерживает твою душу так же крепко, как этот шарф, – проговорила леди. – Пусть Бог благословит твой меч, Артур, и пошлет ему успех, когда ты обнажишь его ради правого дела! Ну а теперь, дитя мое, сядь сюда, поговори со мной. У меня сегодня весело и светло на душе.

Молодой человек исполнил просьбу и сел около нее.

– Слушай, Артур, дитя мое, – сказала леди Уотстон, – ты занимаешь блестящее положение в обществе, и судьба милостива к тебе: она дала тебе и почести и славу. Сегодня исполнился год с тех пор, как ты вступил в должность при королеве. Я покорила этому без всякого протеста, чтобы улучшить твоё положение в свете; но я, дитя мое, становлюсь с каждым днем все старше и слабее, мне давно хочется навсегда уехать из этого печального и угрюмого дома; мы можем поселиться в том из наших поместий, которое придется тебе больше по вкусу, и ты найдешь со временем в кругу наших родных или наших друзей особу, достойную быть твоей женой.

– Но зачем нам, скажите мне, уезжать от двора? – спросил поспешно молодой человек, и на его прекрасном благородном лице вспыхнул яркий румянец.

– А затем, милый мой, что ты пробыл при нем дольше, чем следовало бы; я считала излишним до нынешнего дня упоминать об этом, но ты теперь достиг предела своих мечтаний, и я скажу тебе откровенно, Артур, что не знала ни минуты покоя с тех пор, как эта женщина заняла место нашей законной королевы, и особенно с тех пор, как Томас Мор погиб на эшафоте!.. Генрих восьмой становится все мрачнее и подозрительнее, и его раздражительность переходит в жестокость. Тебя закружил вихрь пиров и празднеств, и у тебя нет времени, чтобы заглянуть за кулисы и подумать о том, что же в действительности происходит! А интриги становят-

ся все страшнее, беспорядок усиливается, и на севере Англии готовится восстание. Я не хочу, чтобы сын мой был замешан в интриги или стал их жертвой. Но, кроме всего прочего, в обществе ходят слухи, донельзя оскорбительные для этой королевы... Ты чужд всяких дурных и порочных стремлений, но ты еще так молод, а дурной пример заразителен!.. Я не Бланка Кастильская, но, когда я сидела над твоей колыбелью, я нередко думала: «Как ни дорог мне сын, но пусть лучше он умрет, чем станет низким и дурным человеком».

– Мать, моя уважаемая, возлюбленная мать! – отвечал с удивлением молодой человек. – Я явился сюда после таинства исповеди, на которое призывают всех, кто готовится к посвящению в рыцари, и объявляю вам, что я не изменял ни разу в жизни святому долгу чести; я не дерзну запятнать даже лживым словом это белое одеяние, служащее символом нравственной чистоты! Моя совесть чиста, и я готов исполнить вашу волю и уехать отсюда хоть на край Вселенной. Если я и не согласился тотчас же, то только потому, что мне жаль расставаться с друзьями и этой беззаботной, разнообразной жизнью. Что касается оскорбительных слухов о молодой королеве, то я по крайней мере считаю их слишком преувеличенными! Королева – кокетка, манеры ее вольны, но она в высшей степени сострадательна к бедным и даже сама шьет им белье и платье.

– Дай бог, чтобы слова твои были правдой! – сказала леди Уотстон. – Сострадание к ближнему смягчает гнев Господ-

ний, а на совести Анны Болейн немало кровавых преступлений!.. Она всеми силами домогается популярности, но во всем королевстве не найдется семейства, я говорю о людях, в которых не угасло святое чувство долга, где бы имя ее не вызывало отвращение! Ее клянут повсюду! Нет, уедем, мой милый, мой возлюбленный сын, уедем поскорее: внутренний голос твердит мне, что на тебя обрушится великое несчастье! Я не буду спокойна, пока не увезу тебя, мое сокровище, от всех этих людей, их интриг и происков! И когда я увижу тебя женатым и счастливым, в кругу родной семьи, я смирюсь с прошлым и скажу с убеждением: «Я достигла всего, чего хотела, и могу умереть!»

– Нет! – возразил пылко молодой человек. – Вы даже и тогда не вправе умирать! Люди с такими чувствами, с такими воззрениями всегда нужны на свете! Вы должны жить и жить!

Две слезинки скатились по щекам леди Уотстон, но не успела она произнести и слова, как услышала скрип ворот. Она невольно вздрогнула.

– Что это, боже мой! – воскликнула она. – Ворота были забиты наглухо, и их не открывали со дня смерти твоего дорогого отца!

– Не беспокойтесь, матушка! – сказал нежно Уотстон. – Граф Рочфорд и товарищи мои приехали за мной, и так как наши люди ошалели от радости, то они приняли их с особой торжественностью.

– Да, это, верно, так... Я благодарна людям за их усердие и преданность, – отвечала она изменившимся голосом. – Но тот скрип я запомнила навсегда, Артур!.. Они скрипели так же, когда его несли из дома на кладбище!.. Артур... мой ненаглядный! У меня не осталось в Божьем мире никого, никого, кроме тебя!

Ее голос осекся, и из груди вырвались глухие рыдания.

– Не поддавайтесь горечи воспоминаний, – убеждал ее ласково молодой человек. – Я не уйду отсюда, пока вы в таком грустном и мрачном настроении, а если я замешкаюсь, то мое посвящение...

Он замолчал и стал прислушиваться к топоту копыт о камнях мостовой.

– Была ли я когда-нибудь малодушна, Артур? – произнесла печально и кротко леди Уотстон. – Считаешь ли ты слабостью мою чрезмерную привязанность к тебе?

– Нет, но я не одобряю вашу грусть и тревогу в этот радостный день, которого мы оба ждали так долго и с таким нетерпением!

– Ты совершенно прав, но в душе человека творятся иной раз непонятные вещи: я еще не испытывала ни разу в жизни такого безотчетного и глубокого страха! Тебя ждут, иди с Богом, но если ты действительно любишь меня, то приезжай ко мне тотчас же после турнира.

– Почему вы отказались присутствовать на нем?

– А потому, что эти блистательные празднества мне уже

не по летам. Правда, и в молодости я ненавидела эти опасные забавы и считала их варварством; я, естественно, никогда не выказывала этого, так как общество считает иначе. Но иди же, Артур, и возьми с собой мое благословение! Ступай же, тебя ждут!

Леди Уотстон говорила отрывисто, ее голос дрожал; можно было заметить, что она напрягает все силы, чтобы скрыть волнение, и что, отталкивая нежно молодого Уотстона, она старается бессознательно притянуть его к себе.

Он заметил с тревогой слезы в ее глазах и, наклонившись, прижал ее к груди.

– Прощайте! – сказал он. – Завтра вечером в это время я преклоню колени перед вашей постелью. Итак, до завтра, матушка!

– Да, до завтра, дитя мое, – прошептала она.

Уотстон вышел из комнаты.

Почти следом за этим послышались гул голосов и ржание лошадей, а минуту спустя старинные ворота закрылись со скрипом за удалыми всадниками.

Глава XIX

В Кимблтоне

Этот день, проведенный жителями Лондона в приготовлениях к пышному и блестящему празднеству, прошел совсем иначе у мирных горожан далекого Кимблтона. Каждый из них хотел отдать последний долг королеве и, преклонив колени у смертного одра, помолиться усердно за упокой ее души.

Екатерина казалась не умершей, а спящей крепким и сладким сном; ее бледные руки как будто прижимали распятие, лежавшее у нее на груди; ее черные волосы подчеркивали мраморную белизну ее щек. Можно было подумать, что, пробудившись ото сна, королева улыбнется снова своей приветливой и ясной улыбкой, что длинные ресницы ее поднимутся опять и черные глаза с любовью глянут на коленопреклоненную безмолвную толпу, прекрасное, печальное лицо Нортумберленда и плачущую Элиа.

Большинство горожанок приносили букеты в знак уважения к памяти усопшей королевы, и комната была заполнена цветами; множество свечей горело перед большим распятием, а у его подножия был поставлен сосуд со святой водой.

Время близилось к полудню: толпа стала редеть, и вскоре около ложа усопшей остались только Перси и бледная, раз-

битая усталостью и волнением Элиа.

В Кимблтон пришел приказ перевезти в Питерборо останки королевы.

– Элиа! – сказал мягко граф. – Послушайте меня и уйдите отсюда. Вы не вынесете этих потрясений!.. Предоставьте мне положить тело в гроб.

– Пойдите! Подождите! – воскликнула отрывисто и торопливо девушка. – Не трогайте ее! Оставьте ее мне на несколько минут!

– Элиа! – повторил с мольбой Нортумберленд. – Пожалейте себя и уйдите отсюда!

Он тоже был разбит физически и нравственно всем, что пережил у ложа этой мужественной и благородной женщины, смерть которой была на совести Анны Болейн; его сердце сжималось и обливалось кровью, когда до его слуха долетали слова, исполненные сострадания к усопшей и полного презрения к молодой королеве, и когда он представлял, что должна была испытать Екатерина во время своего печального изгнания. Когда мысли эти острым кинжалом пронзали его больную душу, глаза его невольно обращались к умершей королеве и как будто молили ее повторить еще раз, что она от души прощает Анне Болейн ее бессердечие и все свои страдания.

Увидев, что Элиа не трогается с места, лорд Перси подошел к кровати, приложился губами к бледному лбу усопшей и поднял осторожно безжизненное тело, чтобы отнести его

в гроб.

Но в это же мгновение в него вцепились сзади две сильные руки.

Граф быстро обернулся: за ним стояла Элиа, глаза ее сверкали, как у хищного зверя.

– Нет, стойте!.. Погодите! – произнесла она хрипло.

– Элиа! – сказал граф повелительным тоном. – Пропустите меня и покоритесь воле всемогущего Бога.

Он понес тело к гробу.

Девушка с глухим стоном упала на колени и поползла за ним, как верная собака за своим господином.

– Я прощаю вас! Она была мне матерью... а вы не знали этого! – говорила она прерывающимся голосом. – Да, милорд, я подкидыш... без рода и без племени... и вы вправе отнять ее: она не моя собственность... она не моя мать!.. Я жила при ней и любила ее, но была ей чужой!.. У вас были, конечно, мать, отец и родные... вы не можете понять мое положение! Но зачем судьба послала мне Екатерину, если она отняла ее у меня?.. Зачем же в таком случае мне сохранена жизнь?.. Кому она нужна и что мне с ней делать?

Элиа быстро встала и заглянула в гроб: Екатерина лежала как живая, словно уснув глубоким сном; смерть, казалось, не посмела исказить это ясное, спокойное лицо.

Перси выбрал из груды принесенных цветов венок из самых свежих и ароматных роз и положил на тело королевы; он постоял с минуту, погруженный в раздумье, потом молча

взял крышку и плотно закрыл гроб.

Элиа продолжала стоять около него в полнейшей неподвижности; в ее глазах не было ни слезинки; Нортумберленд не выдержал ее дикого пристального взгляда.

– Все кончено, – сказала она неестественно спокойно и отчетливо. – Я ее не увижу... я одна и свободна, и начну бродить вокруг ее могилы, выпрашивая милостыню. Меня сочтут помешанной, но я не рассержусь: люди не могут знать, что судьба отняла у меня все, что привязывало меня к этой печальной жизни.

Нортумберленд сел в кресло: он чувствовал, что силы изменяют ему.

– Я надеюсь, – сказал он, – что вы еще одумаетесь и откажетесь сами от этого намерения. Вы вспомните безропотную покорность королевы и ее мужество в самые тяжелые минуты; вы вспомните ее последнее желание и отправитесь, разумеется, к принцессе, ее дочери, чтобы лично вручить ей обручальное кольцо ее покойной матери.

Элиа не промолвила ни слова, голова ее низко опустилась на грудь, и на бледных щеках загорелся румянец смущения и волнения.

– Элиа! – продолжал с той же кротостью Перси. – Святой апостол Павел вменяет нам в обязанность не плакать об умерших, так как мы разлучаемся с ними только на время; вы, вероятно, слышали не раз эти слова на похоронах?

– Нет! Мне не приходилось никого хоронить! – отвечала

она отрывисто и резко.

– Верю вам, – сказал Перси. – Но вы слышали просьбу той, которую считали своей матерью?

– Извините, милорд, но я еще не знаю, как распорядюсь своим будущим.

– Принцесса, вероятно, предложит вам остаться у нее?

– Я откажусь от этого предложения, милорд, – возразила она с такой поспешностью, что Перси посмотрел на нее с изумлением.

– Что же вы будете делать? – произнес он задумчиво.

– То же, что и все безродные, неприютные люди, брошенные на произвол судьбы. Никто не скажет вам, кто они и откуда. Для них не существует ни крова, ни семьи, ни родных, ни отечества!

– Несчастное дитя! – сказал Нортумберленд. – Волнение и горе затмили ваш разум.

– Нет, милорд! К несчастью, я совершенно в здравом уме и понимаю всю безысходность своего положения. О, если бы королева могла слышать меня! Милорд, будьте добры и дайте мне обнять ее в последний раз.

– Нет, решительно нет, моя бедная Элиа! Мы не имеем права тревожить усопших!

– Усопших! – повторила Элиа. – Да, душа ее теперь у престола Всевышнего!

На крыльце между тем послышались шаги нескольких человек. Элиа задрожала и обратила к Перси умоляющий

взгляд.

– Они пришли за ней! – воскликнула она с невыразимым ужасом.

– Не тревожьтесь, дитя: смерть – наш общий удел! – сказал Нортумберленд, стараясь успокоить девушку, хотя душа его разрывалась на части и сердце замирало от предчувствия великого несчастья.

Дверь тихо открылась, и в комнату вошли, но не носильщицы, которых ожидала с таким трепетом Элиа, а один из дворян свиты его величества и несколько вооруженных йоменов.

Дворянин подошел прямо к графу.

– Я имею, конечно, честь видеть лорда Перси, графа Нортумберленда, – произнес он почтительно.

– Да, вы не ошибаетесь.

– В таком случае, милорд, позвольте вам сказать, что повелитель мой просит ваше сиятельство ехать к нему немедленно.

– Как? Король! – произнес с изумлением Перси.

– Да, – сказал дворянин.

– Я, конечно, исполню волю его величества, но хочу сперва проводить в Питерборо останки королевы.

– Мне очень жаль, милорд, но в приказе не сказано ни слова об отсрочке.

– Вам, значит, поручили арестовать меня?

– О нет, ваше сиятельство, так как вы, разумеется, не от-

кажетесь выполнить желание короля!

– Зачем я понадобился королю? – спросил Нортумберленд, и лицо его вспыхнуло от гнева. – Стража, сопровождающая вас, доказывает, что король не приглашает меня, а приказывает явиться.

– Мне неизвестны мысли моего повелителя, – отвечал дворянин, – но говорю искренне, что мне было бы больно противоречить вам.

– Я последую за вами, – сказал спокойно Перси. – Велите страже уйти из этой комнаты.

Посланный короля почтительно поклонился и вышел с йоменами.

Нортумберленд прошелся несколько раз по комнате – он был сильно взволнован.

«Зачем он меня требует? – думал он. – Кто мог ему сказать, что я в Кимблтоне? Шпионов, вероятно, у него немало! К чему, впрочем, доискиваться до причин? Мне нечего бояться, я равнодушен к жизни! Я исполнил свое заветное желание: королева скончалась, простив Анну Болейн! Я взгляну теперь смело в глаза всякой опасности и даже самой смерти, если Генрих восьмой вздумает казнить меня за поездку в Кимблтон без его разрешения».

Но не прошло и минуты, как лицо лорда Перси приняло выражение глубокого спокойствия: покорность воле Божьей охраняла его от житейских бурь. Он выпрямился и подошел к Элиа, молившейся у гроба.

– Мне жаль оставлять вас в таком положении, – сказал он дружелюбно, – но знаете, Элиа, что есть много людей, сердца которых были разбиты в самом расцвете молодости. Помните, что я всегда буду относиться к вам сочувственно. Что бы ни случилось, обращайтесь ко мне: я сделаю для вас все от меня зависящее.

– Благодарю, милорд, – отвечала ему с признательностью девушка. – Желаю, чтобы Господь услышал эти слова и наградил вас за вашу доброту. Я буду призывать на вас Его благословение именно потому, что вы сопереживаете ближнему. Да, я благодарна вам от души, милорд, но я хочу вести бродячую жизнь и умру, как собака, в каком-нибудь углу. Исполняйте же ваше предназначение, а я исполню свое.

Граф протянул ей руку.

Громадная пропасть, разделявшая знатного вельможу и несчастную, подкинутую, беспомощную девушку, не существовала в подобные минуты.

– Мой дом открыт для вас, и я всегда приму вас, как друга и сестру, – сказал Нортумберленд.

– Как сестру? – повторила тихо Элиа. – Меня еще никто не называл сестрой.

Голубые глаза ее с горячей благодарностью глядели на прекрасное лицо графа.

– Будьте благословенны! – продолжала она. – Вы не знаете, как важно приветливое слово для существа, у которого нет ни прошлого, ни будущего, ни семьи, ни друзей! Мои

воспоминания о вас и королеве скрасят мое одиночество. Прощайте, будьте счастливы! Я желаю вам этого искренне.

– Прощайте! – сказал Перси. – Уповайте на Бога: надежда на Него – единственная из всех наших надежд! Я уже давно пришел к этому убеждению.

Граф подошел к дверям, но, уступив чувству сострадания к девушке, вернулся снова.

Она не видела его и горько рыдала, закрыв руками лицо.

– Элиа! – сказал лорд. – Мне тяжело оставлять вас в подобном положении. Обещайте мне не поддаваться отчаянию! У вас нет никого в этом мире, но вы всегда найдете поддержку и пристанище под кровом моих предков! Дайте мне слово, Элиа, обратиться ко мне и верить, что я искренне желаю помочь вам!..

– Не продолжайте, граф! – перебила его с воодушевлением девушка. – Я отдала все – и привязанность, и преданность – королеве, и она унесла мои чувства в могилу. Теперь мое сердце закрыто... даже для благодарности.

– Но мы еще увидимся когда-нибудь? – спросил растроганный Перси.

– Не думаю, милорд, – отвечала она.

Дверь тихо открылась, и в комнату вошел посланный короля.

– Не гневайтесь, милорд, – произнес он почтительно. – Но мы должны исполнить без всяких отлагательств волю его величества.

– Я готов, – отвечал спокойно Перси.

Оба вышли из комнаты, и Элиа осталась одна у гроба Екатерины.

Глава XX

Свидание короля с леди Сеймур

В то время как Перси выходил из опустевшего домика усопшей королевы в сопровождении стражи, в летней резиденции короля царила глубочайшая тишина.

Только в одной из башен, возвышавшихся высоко над дворцом, светился огонек, и рыбаки, скользя в своих маленьких лодках по темным волнам Темзы, обращали сонный и равнодушный взгляд на этот свет, мерцающий среди ночного мрака.

Этот свет горел в комнате прелестной Джейн Сеймур.

Фрейлина королевы прилежно изучала букварь, лежавший у нее на коленях. Свет лампы придавал золотистый оттенок ее светло-русым прекрасным волосам; около нее на столике лежала маленькая надушенная записка, которой Кромвель предупредал ее о своем визите.

Тишина этой ночи была в полной гармонии с безмятежным спокойствием молодой фрейлины – доверчивого, честного и любящего существа, не ведавшего зла.

Вскоре на ступенях крутой лесенки башни послышались шаги, но молодая девушка не изменила позы; дверь тихо открылась, и Кромвель вошел в комнату.

Джейн приветливо кивнула ему и указала на кресло, ко-

торое заранее придвинула к столу в ожидании почетного и желанного гостя.

Но на ее хорошеньком личике мелькнуло выражение легкого удивления, когда первый министр, вместо того чтобы сесть на указанное кресло, поставил на него ивовую корзину, обитую изнутри мягким белым атласом.

– Что у вас там такое? – спросила она весело. – Вы похожи на поставщика нарядов, которого я видела не раз у королевы.

– Да, я, в сущности, и явился к вам именно в этой роли, – отвечал граф Эссекский, открывая корзину.

Он вынул из нее ослепительно-белое дорогое платье из блестящего газа на атласном чехле; весь корсаж был унизан сверкающими бриллиантами, а в дополнение к этому роскошному наряду был прислан из Италии букет великолепных искусственных цветов.

– Это платье прелестно! – сказала Джейн, любуясь им с наивным простодушием ребенка. – Кому же вы несете этот наряд, милорд?

– Вам, леди Джейн, – отвечал граф Эссекский. – Это дар короля, и он желает видеть его на вас на турнире в Гринвиче.

– На мне? – произнесла с удивлением девушка.

– Да, леди Джейн, и полюбуйте этой дивной отделкой, – сказал первый министр, разворачивая платье с ловкостью и проворством опытного приказчика, предлагающего свой товар покупателю.

А впрочем, почему знать? Быть может, Кромвель вспом-

нил в это время тот убогий прилавок, за которым прошла его молодость.

– Все это восхитительно, – сказала Джейн, – но цветы эти нравятся мне гораздо больше платья: я его не надену ни за какие блага!

– Как же так не наденете, когда его величество желает непременно видеть его на вас?

– Он этого желает, но я-то не желаю... У каждого свой вкус, – возразила она простодушно.

– Вы говорите как избалованный, капризный ребенок, – сказал строго Кромвель. – Вы, леди Джейн, не только надеваете это дивное платье, но пойдете со мной к королю, чтобы выразить ему вашу признательность! Он желает вас видеть.

– Что же мне ему сказать?

– Ничего, кроме слов глубокой благодарности! Говорите смелее: я ведь буду присутствовать при этом разговоре и даже отвечать вместо вас королю, если вы не сумеете ответить ему сами.

– Ну хорошо, – сказала нехотя Джейн. – Это немного скучно. И потом, мне досадно, что вы до сих пор не выхлопотали мне отставку и молчите о партии, которую подыскали для меня... – Она умолкла и заметно смутилась, но оправилась скоро от своего смущения и продолжала весело: – Вы так заманчиво описали мне будущее, что я уже не раз воображала себя владелицей древнего и роскошного замка.

– Ваше происхождение дает вам все права на более высо-

кое положение в жизни, – отвечал граф Эссекский. – Позвольте же мне устроить ваше будущее, и мы скоро увидим, останетесь ли вы недовольны смелыми планами Кромвеля.

– До сих пор я могла только любить и уважать его! – перебила Джейн Сеймур с той чарующей грацией, которая вместе с ее обворожительной и редкой красотой и изящными манерами покорила сердце повелителя Англии.

Лорд Кромвель загадочно улыбнулся.

– А что, его величество у себя в кабинете? – спросила быстро девушка после короткой паузы.

– Да, – сказал граф Эссекский.

– Ну так отправимся к нему!

Они вышли из комнаты и начали спускаться по неровным ступеням тесных башенных лестниц; но, по мере того как они приближались к королевским комнатам, веселость Джейн исчезала. Пройдя еще немного, девушка почувствовала, что сердце ее бешено колотится; она остановилась и сказала неожиданно, заглянув вопросительно в глаза графу Эссекскому:

– Интересно, почему, когда я собралась покинуть Виндзор, мне посылают дорогие подарки, да еще заставляют идти благодарить за них его величество!

– Я объясню вам это через несколько дней, – отвечал лорд Кромвель, поблуднев при мысли, что она передумает и не пойдет, пожалуй, в кабинет короля.

Он знал, что Джейн при всей своей застенчивости сумеет

постоять за себя.

– Что же мы не идем? – продолжал граф Эссекский. – Я не могу понять, почему вас пугает свидание с королем. Вы видите его почти ежедневно, вы знаете отлично, что он не скажет вам ничего неприятного, перестаньте же ребячиться и идите со мной! Ведь вы дали мне слово слушаться меня во всем!

Он схватил ее за руку и быстро и решительно повел по длинным галереям.

Не прошло и двух минут, как они очутились в освещенной приемной; паж раздвинул тяжелые бархатные портьеры, и Джейн Сеймур вошла, едва дыша от волнения и робости, в кабинет короля.

Она поклонилась чрезвычайно неловко своему повелителю, но не могла промолвить ни слова.

– Садитесь сюда, леди, – сказал Генрих VIII, указав ей на почетное место.

Он был одет изысканно и донельзя надушен дорогими эссенциями.

– Ну, леди Джейн, скажите откровенно, понравился ли вам мой маленький подарок? – обратился он к ней с приветливой улыбкой. – Если этот наряд пришелся вам по вкусу, то потому, что он сделан во Франции: только там есть искусные модистки.

– Поверьте, ваше величество, я благодарна вам от всего сердца, – сказала Джейн, опустив длинные пушистые ресни-

цы.

– А вы не обратили внимание на обувь? Она великолепна! Английские башмачники не сумели бы придать ей подобного изящества!

– О да, ваше величество, – прошептала она все с той же застенчивостью.

– Вы, леди Джейн, любите, вероятно, красивые наряды? Это естественно для такой юной леди! – произнес Генрих VIII.

– Нет, напротив, я не придаю им никакого значения.

– Вы совершенно правы! – согласился король. – Вам не нужно наряжаться, ибо вы и без того самая милая, умная и восхитительная из всех женщин на свете.

Услышав неожиданно столь лестные слова о себе, Джейн Сеймур забыла свою робость и рассмеялась звонким и простодушным смехом.

– Вы шутите, конечно! – воскликнула она. – Я умна? Спросите у милорда Кромвеля! Он постоянно журит меня за несообразительность и упрямство. Кстати, ваше величество, так как случай доставил мне честь и счастье видеть вас, то вы, верно, позволите мне обратиться к вам с просьбой...

– Не слушайте ее! – вмешался граф Эссекский. – В ней развита склонность к сумасбродным фантазиям, и вашему величеству следует побороть ее за это.

– Но я должен сначала узнать, что это за фантазии, – сказал Генрих VIII. – Итак, леди Джейн, скажите откровенно,

как мне доказать свою готовность доставить вам удовольствие?

– Я прошу вас позволить мне уехать из Виндзора, – отвечала спокойно и решительно девушка.

– Зачем вам уезжать, и вдобавок в то время, когда я решил устроить вам прекрасное и блестящее будущее?

– Мысль об отъезде вызвана в ней желанием выйти замуж во что бы то ни стало, – пояснил лорд Кромвель.

– И вы на самом деле хотите уехать исключительно из желания вступить скорее в брак? – спросил ее король.

– Нет, – сказала отрывисто Джейн Сеймур, обратив свои синие прекрасные глаза, сверкавшие от гнева, на первого министра, – и граф не имел права отвечать за меня! Я ему говорила, что хочу выйти замуж, но только в том случае, если это замужество обеспечит мне почетное положение в обществе.

– А вы уже нашли человека, которого предпочитаете всем остальным? – спросил ее король.

– Нет, – сказала она с глубоким простодушием, – мне все равно, за кого выйти.

– Но если вы сами никого не любили, то были, вероятно, любимы кем-нибудь?

– О нет, ваше величество, судьба не баловала меня; все, наоборот, чуждаются сироты – поэтому я и мечтаю вернуться в наше поместье.

– Уехать? Нет, ни за что! Этому не бывать! – вскричал Генрих VIII. – Вы сказали, что вас никто не любит, но это

не так; судьба послала вам владычество над сердцем вашего повелителя; я ваш раб и слуга и люблю вас глубокой, безраздельной любовью! Ничто не в состоянии разлучить меня с вами.

– Но вы, ваше величество, слышали, вероятно, от милорда Кромвеля... – отвечала с усилием смущенная девушка.

Прекрасные глаза ее обратились на первого министра, моля о поддержке, но лорд Кромвель стоял неподвижный, как статуя, в амбразуре окна и созерцал темноту, скрывавшую роскошные виндзорские сады.

– Да, я слышал от графа, что вы ставите честь свою выше всего на свете! – сказал пылко король. – И даю вам слово, что буду охранять ее так же зорко, как счастье, которого жду! Я прошу вас только ответить взаимностью на мое искреннее чувство.

Он торопливо вынул из золотой коробочки, стоявшей на столе, кольцо чудной работы и подал его девушке.

– Пусть этот перстень станет залогом исполнения всех моих обещаний и моей беспредельной и пламенной любви! – проговорил он тихо и взволнованно.

Джейн Сеймур машинально надела золотое кольцо на один из своих нежных и тонких пальчиков.

Все это было так неожиданно, что ее изумление не имело границ; она не могла не только возражать, но даже говорить. Ее сборы к отъезду, обещания Кромвеля, признание короля и вообще все события последних дней беспорядочно тесни-

лись у нее в голове. Она многое бы дала, чтобы разогнать туман, который окутал ее, но в мыслях девушки царил невыразимый хаос.

– Скажите, Джейн, будете ли вы любить меня? – спросил ее король.

– Ведь вы, ваше величество, хорошо знаете, что вы любимы всеми, – отвечала она, стараясь не сказать ничего неприятного.

Граф Эссекский нашел, что ответ Джейн несколько сух и холоден, и счел нужным вмешаться.

– Блистательное будущее, которое ваши слова неожиданно открыли перед леди Сеймур, поразило ее, – сказал он королю. – Она слишком взволнована и не в силах выразить вам ни свой восторг, ни свою благодарность.

– Да я и не желаю никакой благодарности! – сказал пылко король. – Я буду добиваться только ее привязанности!

– Вы, право, слишком милостивы ко мне, ваше величество, – проговорила девушка в замешательстве.

– Если вы так думаете, – отвечал ей король, – то дайте мне пожать вашу нежную ручку, прежде чем Кромвель уведет вас отсюда в вашу темную башню. Для вас будет готово через несколько дней другое помещение – более приличное и более удобное.

Граф Эссекский по знаку своего повелителя дал понять Джейн, что им пора уходить; но, пропустив девушку в приемную, он сделал шаг назад и посмотрел на Генриха. Этот

взгляд как бы говорил: «Ну что, ваше величество, довольны ли вы мной и довольны ли ею?»»

– Ах, Кромвель, – проговорил вполголоса король, – она окончательно вскружила мне голову. Ей стоит захотеть... и я не посмотрю ни на кого на свете и возведу ее на английский престол!

Глава XXI

Посвящение в рыцари

По приезде в Гринвич товарищи Уотстона проводили его немедленно в собор.

Ночь уже наступила; церковь была пуста, и только одна лампа освещала ее потемневшие своды.

Уотстон встал на колени на подушку, заранее для него приготовленную посередине храма.

Затем его спутники удалились в глубочайшем молчании, и он остался один, для того чтобы обдумать все важные обязанности, которые возлагало на него посвящение в рыцари.

Эта ночь, проведенная в уединении храма, называлась в ту эпоху ночью бдения.

Уотстон молился долго, горячо и усердно; потом мало-помалу его мысли приняли другое направление; он вспомнил свою мать и ее советы и решил исполнить все, что она хотела.

Время прошло незаметно, ночной мрак стал редеть, и вскоре первый луч восходящего солнца проник через ярко расписанные окна в собор. Убранство его было великолепно.

Рыцарские знамена, стоявшие в два ряда, образовывали блестящее полотно разноцветных полос из дорогого бархата, расшитого серебром, золотом и шелками.

Эти эмблемы мужества стояли в Божьем храме, дожи-

даясь, когда их опять понесут на поле битвы; лучи солнца скользили по мечам, тяжелым серебряным и золотым кистям, по ярким шарфам, перевязям, шлемам и другим принадлежностям одеяния рыцарей, хранившимся в соборе для торжественных случаев посвящения новых и испытанных членов.

Учреждение рыцарского звания было вызвано искренним религиозным чувством и желанием принести пользу человечеству, и на рыцарей смотрели почти с благоговением.

Обряд посвящения совершался всегда с особенной торжественностью. Так же как при крещении, новичку назначался достойный наставник.

Новичка стригли в кружок, как стриглись духовники, и просвещенный приобретал права, равные с правами святых отцов.

Его вели в баню, чтобы очистить тело его, а исповедь снимала с души все грехи его юности. Он принимал причастие и проводил все время, оставшееся до начала обряда, в полном уединении, за усердной молитвой.

Нужно добавить, что к посвящению в рыцари допускались только те, кто успел доказать свое мужество в кровопролитных битвах и чье имя не было запятнано.

Когда солнечный свет озарил своды церкви, на прекрасном лице молодого Уотстона появилась улыбка беспредельного счастья.

Почти следом за тем двери храма открылись, окрестности

огласились колокольным звоном, и рыцари медленно вошли в церковь.

Впереди шли наставники Уотстона, а за ними его товарищи: Рочфорд нес его меч, а остальные – доспехи на бархатных подушках с золотыми кистями.

Сердце Уотстона билось: он имел все, что судьба дает своим избранникам: состояние, молодость и блестящее положение в обществе; будущее представало перед его мысленным взором рядом блаженных дней, и ничто не омрачало ясности этой благословенной, торжественной минуты.

Раздались звуки труб, собор заполнили разряженные леди и надменные лорды; вошли и духовники в роскошном облачении; из золотых курильниц поднимались под высокие своды храма волны благоухающего золотистого дыма, везде сверкали латы и шлемы с развевающимися белоснежными перьями. На улицах, примыкающих к старинному собору, раздавался громкий бой барабанов и слышался веселый непрерывный говор народа, окружившего церковь задолго до рассвета.

Когда шум и суета заметно поутихли и прибывшая публика заняла отведенные места, Уотстон медленно подошел к алтарю и преклонил колени около герцога Норфолка, который принял меч, принесенный Рочфордом, и совершил ритуальное лобзание.

Оживление Уотстона сменилось каким-то безотчетным волнением; глаза его невольно обратились туда, где разме-

стились гордые и нарядные леди, но он не нашел того, что искал: в этой массе блестящих и дорогих нарядов не было черного платья, в которое его возлюбленная мать облеклась на всю жизнь после смерти мужа.

Молодой человек побледнел и вздохнул.

«Моя мать подобна душистому цветку в пустыне, – подумал он невольно. – Его никто не видит и не может оценить; она не захотела присутствовать на нынешнем торжестве, чтобы не быть предметом всеобщего внимания, но мне все-таки больно не видеть ее здесь».

Раздумье его было непродолжительным.

– Встаньте! – сказал ему торжественно Норфолк, подняв внезапно великолепный меч, перевязанный шарфом.

Уотстон повиновался.

– Возьмите этот меч! – продолжал старый герцог. – Постарайтесь найти в нем надежного и верного товарища! Если вы обнажите его для того, чтобы отомстить за свою оскорбленную честь и защитить правое дело, то разите им смело, пока не одержите победу над врагами.

Норфолк опустил меч, и Уотстон приложился губами к лезвию, а потом к рукояти.

– Помните, – сказал герцог, – что его рукоять изображает крест. Христос умер на нем, чтобы одержать победу над смертью и грехом, и вы должны бороться, не щадя своей жизни, против зла и порока! Вы, Артур Уотстон, достойны того звания, которое получаете, и я вполне уверен, что вы

не замедлите доказать нам на деле, что понимаете значение благородства и еще более укрепитесь в решимости проливать свою кровь за веру и за родину!

– Да, милорд, слова ваши сбудутся именно потому, что я твердо решил брать с вас во всем пример, – отвечал с увлечением молодой человек.

Старый герцог Норфолк надел на него перевязь и прикрепил к ней меч.

Затем к Уотстону подошел рыцарь и надел на него панцирь чудесной работы.

– Этот панцирь, – сказал он, – вменяет вам в обязанность слушаться во всем голоса совести и рассудка и стараться прославить свое имя ратными подвигами и безупречной жизнью.

Второй рыцарь надел на него блестящие латы и произнес торжественно:

– Помните, что под этими латами должно биться отважное, благородное сердце, которому чужды мелкие или корыстные чувства.

Третий рыцарь приблизился и прикрепил к ногам его железные поножи.

– Знайте, – сказал он, стягивая ремни, – что вы обязаны являться, не теряя ни минуты, на помощь к угнетенным, гонимым и несчастным, не требуя за это похвалы и наград, и поступать всегда справедливо и честно.

Вошел четвертый рыцарь, он держал в руке шпоры из

червонного золота, носить которые разрешалось в то время только рыцарям; оруженосцам предоставлялось право носить серебряные шпоры.

Церемония прикрепления этих золотых шпор к сапогам посвящаемого в почетный орден рыцарства выполнялась нередко девушкой или дамой.

– Вы, может быть, желали бы, – сказал четвертый рыцарь, намекая Уотстону на это обстоятельство, – чтобы особа, близкая и дорогая вам, надела эти шпоры, но я во всяком случае рад сделать это сам. Позвольте же напомнить вам, что с этой минуты вы обязаны, подчинять каждый свой поступок указаниям чести, разума и любви к ближнему.

Когда церемониал одевания Уотстона в рыцарские доспехи был уже совсем окончен, оглушительный звон, раздавшийся с древней соборной колокольни, возвестил всем присутствующим о начале обедни.

Почти следом за тем в храме раздались торжественные звуки церковного органа, которые слились с хором стройных, молодых голосов. Толпа с благоговением преклонила колени и начала молиться.

Но как только священник, совершив литургию, благословил присутствующих, на улицах снова раздался бой барабанов.

Тогда герцог Норфолк выступил из круга рыцарей, и Артур Уотстон упал перед ним на колени.

Старый воин был тронут: у него тоже были взрослые сы-

новья; он посмотрел почти с отеческой нежностью на этого красивого, благородного юношу, на его светло-русые волосы и, наклоняясь к нему, тихонько ударил три раза по плечу своим острым мечом.

– Во имя всемогущего, всевидящего Бога, святого Михаила и святого Георгия возвожу тебя в рыцари, – произнес Норфолк тихо, но отчетливо.

Когда Артур Уотстон по приказанию герцога приподнялся с колен, последний поцеловал его и с чувством сжал в объятиях.

Невозможно изобразить тот энтузиазм, который овладел в эту минуту публикой: старинный собор огласили восторженные крики, все взоры обратились на стройную фигуру молодого Уотстона и на седые волосы почтенного герцога; все старались протиснуться вперед, для того чтобы сказать им слово поздравления.

Но не прошло и минуты, как волнение стихло будто по волшебству; движение прекратилось, толпа остановилась, словно приросла к месту, и ее воодушевление моментально сменилось благоговейным трепетом.

Уотстон в сопровождении своего наставника приближался к аналою, окруженному духовенством, чтобы подтвердить данные им в то утро обеты присягой на Евангелии.

– Клянетесь ли вы, рыцарь, – спросил его священник, – отдать всего себя на служение Господу, исполнять Его заповеди, защищать всеми силами христианскую веру и умереть,

но не отречься от нее?

– Клянусь служить Господу до конца моей жизни, – ответил Уотстон и затем произнес требуемую при таких обстоятельствах клятву. Она была очень серьезна и торжественна:

– «Я клянусь защищать права вдов и сирот и отстаивать их с оружием в руках.

Я клянусь в вечной верности моему государю и буду проливать свою кровь за него и за родину.

Я клянусь не повредить никогда моим ближним ни словом, ни делом, никогда не присваивать чужого достояния и защищать его от тех, кто решился бы посягнуть на него.

Я клянусь отрешиться от себялюбия и желания наживы и никогда не следовать внушениям корысти, а поступать так, как велят долг и совесть.

Я клянусь обнажать этот меч только за правое дело или для пользы общества.

Я клянусь, что буду слепо повиноваться моему вождю и исполнять то, что он прикажет мне.

Я клянусь дорожить честью моих товарищей, как своей собственной, и не стараться возвыситься над ними или претендовать на их право к возвышению.

Я клянусь, что не нападу на противника, когда он будет один, а я с сопровождающим, и не стану устраивать засаду моему врагу.

Я клянусь не носить потайное оружие и выходить на бой только с мечом.

Я клянусь, что когда буду на турнире или ином состязании, то мой меч не коснется никого острием».

Уотстон умолк на минуту, чтобы перевести дыхание, и потом продолжал все так же твердо и спокойно:

– «Я клянусь, в случае если буду побежден на турнире, выполнить все условия поединка без всяких послаблений и вручить победителю и лошадь и оружие, если он пожелает, и, кроме того, не осмелюсь вступать ни в какое сражение без его разрешения.

Я клянусь, что буду почитать и любить тех, с кем буду делить заботы и опасности, помогать им и поддерживать их, а также никогда не вступлю в состязание на турнире, прежде чем не узнаю, с кем я вступаю в бой.

Произнеся обет или дав обещание отправиться в дорогу, я ни на минуту не расстанусь с оружием, за исключением времени сна.

Пустившись в странствование, я обязуюсь ехать напрямик, какой бы неровной и опасной ни была дорога; я не сверну с нее, дабы избежать встречи с могущественными рыцарями или хищными зверями, и не остановлюсь ни перед каким препятствием, преодолеть которое под силу человеку.

Я не позволю себе принять от чужестранного монарха или принца ни награды, ни титула, чтобы не оскорбить этим свое отечество.

Если мне поручат командовать отрядом вооруженных людей, то я обязуюсь строго соблюдать дисциплину, не допус-

кать насилия и преследовать зло с неутомимым рвением.

Если мне придется сопровождать замужнюю женщину или девушку, то клянусь ограждать их от всяких оскорблений и от всяких опасностей, хотя бы мне пришлось поплатиться за это жизнью.

Если в числе людей, попавших в плен, окажутся женщины, я обязуюсь взять их под мое покровительство и не дерзну сказать им ни единого резкого или вольного слова.

Если мне поручат или я предприму по доброй воле какое-нибудь важное и полезное дело, то я буду следить с неусыпным вниманием за его исполнением и достигну желаемого результата, если только не буду отозван для защиты отечества.

Если я дам обет совершить трудный и блестящий подвиг, то клянусь, что меня не устрашат ни трудности, ни борьба, ни опасности.

Я клянусь держать данное мною слово; если меня возьмут в плен, а потом разрешат вернуться на родину с условием заплатить выкуп, я обязуюсь выполнить договор; если я не сделаю этого, то вернусь в неволю, а если я не сделаю того, что обещал, то признаю за всяким право назвать меня лжецом, недостойным благородного звания рыцаря.

Окончив странствия по чужбине, я клянусь вернуться к моему государю и дать ему подробнейший отчет о путешествии, если даже какие-то события выставляют меня в неприглядном свете. Если же я прибегну к обману и скрывает

ничеству, то буду недостоин звания дворянина и рыцаря».

После этих слов к Уотстону подошел пожилой рыцарь и вручил ему щит, на котором был выгравирован его фамильный герб.

– Даю вам этот щит, – произнес он торжественно, – для того, чтобы он ограждал вашу грудь от вражеских ударов, так как ваша особа дорога королю, нашему повелителю, и вашему отечеству! На щите этом выгравирован герб Уотстонов, для того чтобы вы вспоминали почаще о заслугах и подвигах ваших дорогих предков; старайтесь быть достойным потомком этих мужественных и великих людей и увеличить, если возможно, славу, приобретенную ими на поле брани. Докажите, что род ваш подобен тем водам, которые идут от истока, разрастаясь все более, и образуют быстрый и шумный поток.

После этого другой рыцарь подал Уотстону шлем. Молодой человек надел его немедленно, как бы желая показать, что для рыцаря шлем дороже короны.

Церемониал закончился, духовенство пропело хвалебный гимн Создателю, и толпа начала выходить из собора.

Уотстона ожидал невдалеке от паперти лихой чудесный конь. Он был покрыт богатым пунцовым чепраком с подкладкой из белого блестящего атласа, чепрак был заткан фамильными гербами благородного рода, от которого происходил Уотстон, и гербы эти, расшитые золотом и шелками, ослепительно блестели под ярким солнцем. Лошадь ржала и

била копытами о землю, но осанистый рыцарь, поседевший в сражениях, держал ее за поводья и заставлял подчиняться своей изумительной силе.

Рыцари тем временем вышли уже на паперть. Впереди всех шли старый герцог Норфолк и молодой Уотстон.

Когда они медленно спустились по ступеням широкого крыльца, старый рыцарь, державший прекрасного коня, подвел его к Уотстону; молодой человек, несмотря на всю тяжесть своего вооружения, не прикоснулся к стремям и вскочил в седло с удивительной ловкостью. Все глядели на молодого, стройного и красивого всадника и его длинногривого и гордого коня. В воздухе раздались восторженные крики:

– Бог да благословит путь ваш, рыцарь! – гремели тысячи голосов.

– Да ниспошлет Он вам силу одолеть врагов нашей отчизны!

– Да сохранит Он вас посреди жарких сражений!

Артур Уотстон был тронут до глубины души: слезы сверкнули в его синих глазах.

Все рыцари проворно вскочили на коней, толпа заволновалась, и все двинулись к площади, где должен был вскоре начаться ожидаемый с нетерпением турнир.

Глава XXII

Турнир

Время близилось к полудню; солнце ярко светило; на прекрасной обширной Гринвичской равнине пестрели тысячи изящных павильонов: одни изображали походные палатки, другие – причудливые китайские беседки с легкими колокольчиками, звеневшими при каждом дуновении ветра, и с дорогими вазами, наполненными свежими и яркими цветами.

Между ними виднелись искусственные гроты, обложенные мхом; фонтаны самых разных конструкций распространяли в воздухе свежесть и аромат душистых вод.

Из тени деревьев, увешанных плодами, выглядывали хорошенькие сельские домики, далее возвышались языческие храмы с золочеными кровлями, виднелись редкие тропические кустарники, крытые аллеи вели в громадный зал, уставленный столами, где должен был начаться после окончания турнира пышный и шумный пир.

Кроме иллюминации и прекрасного фейерверка для пирующих были приготовлены разные сюрпризы и забавы.

Так, после первых блюд в зал пиршества должны были явиться три чудовища, из которых одно, длиной в сто футов, было снизу доверху покрыто чешуей из серебра изящ-

ной и дорогой работы; на чешуе были искусно сделаны глаза из чудесных блестящих изумрудов. Этот морской гигант нес на своей спине обломок скалы, покрытый кораллами; на обломке сидели нимфы, одетые в золотую парчу, обшитую жемчугом и убранныю кораллами; одна из этих нимф, сидевшая на троне из цветов, изображала Англию. На костюме ее цвета небесной лазури были вышиты серебром волны, что символизировало владычество королевства над бурной стихией; ее голые ножки опирались на щит, изображавший английский национальный герб. Безобразное тело морского чудовища было обвито толстыми золотыми цепями, но каждая из них была прикреплена обоими концами к коралловому поясу, который обвивал стан грациозной нимфы; в руках у нее была красивая корзина, наполненная чудесными плодами и цветами.

На корзине было написано, что Анна Болейн превосходит своей красотой всех земных королей.

После этой группы появлялся сам Нептун на четырех рыбах огромного размера, из-под жабер которых летели брызги чистой, прозрачной и душистой воды.

Вслед за Нептуном на гигантском ките всплывала гордая морская царица. Платье из серебристого газа не скрывало ее маленькие нежные ножки, на голове ее блестела диадема из бриллиантовых звезд, и она прижимала к сердцу солнце, сделанное из золота; на солнце красовались вензеля короля и королевы Англии и было написано, что блеск царствования

Генриха затмевает блеск солнца.

Вторая часть программы должна была начаться появлением двенадцати крылатых лошадей, на которых сидели грациозные амуры в розовом одеянии; за ними торжественно следовали лесные божества в виде больших гобоев, украшенных венками; шествие замыкали крылатые зефиры в белоснежных туниках из блестящего газа, они несли корзины, наполненные яркими душистыми цветами, а за ними бежали козы, вепри и лани.

В третьей части программы перед пирующим обществом шествовали девять статных рыцарей в роскошном одеянии. Они изображали великих деятелей древнего мира: Иосию, Давида, Иуду Маккавея, Гектора, Александра Великого, Юлия Цезаря, Карломана, Готфрида Бульонского и Артура, короля бриттов.

Артур должен был нести громадного павлина; шею гордой птицы украшало чудесное баснословно дорогое ожерелье, и королева Англии была обязана вручить его тому, кто победит на турнире, в то время как герольды будут бросать народу золотые монеты и возвестят о подвиге.

За королем Артуром должны были идти знаменитые рыцари Круглого стола: Ланцелот дю Лак, Гектор Демарн, доблестный Лионель, Тристан де Леонуа, Гро, сенешаль Артура, и его коннетабль Бодуае, рыцарь Сегурадас, храбрый рыцарь Сакрмор и король Фарамонд с лазоревым щитом, на котором были видны три лилии, а под ним девиз: «Эти цветы дадут

много чудесных бутонов!»

Одевание рыцарей, как мы уже сказали, отличалось изяществом и роскошью; многие из них должны были приветствовать королеву стихами, в которых воспевалась ее дивная красота.

Анна Болейн была еще предметом поклонения английского двора, но любовь к ней надменного повелителя Англии угасла и сменилась непримиримой ненавистью.

В центре сада, разбитого на Гринвичской равнине, находилось ристалище, обнесенное легким золоченым барьером, по углам которого стояли красивые и высокие башни. Вокруг ристалища тянулся большой вал с широкими воротами, расписанными гербами королевской фамилии. Участники турнира должны были коснуться этих ярких гербов, перед тем как вступали в единоборство.

Стены вала были сделаны наподобие римских цирков – тройной ряд лож, скамьи, спускавшиеся постепенно к ристалищу. На правой стороне, в самом центре, находилась большая королевская ложа под легким балдахином превосходной работы.

По боковым лестницам, устланным пушистыми восточными коврами, можно было спускаться на арену. В галерее, устроенной над королевской ложей, находились маршал и судьи турнира; в других же галереях, тянувшихся от нее, размещались представители дворянства; в первом ряду сидели руководители местной администрации и почетные гражда-

не, и народу, толпившемуся за оградой далеко от арены, удавалось увидеть, конечно, очень немногое, но это не мешало толпе расти и расти и заполнять обширную Гринвичскую равнину.

Все с нетерпением ждали приезда короля и королевы Анны, и стража с трудом оттесняла людей от лондонской дороги, по которой они должны были проехать со своей блестящей свитой. Волнение в толпе росло с каждой минутой.

Через некоторое время вдали показалось облако пыли.

– Вот они! Вот они! – загалдели все при виде йоменов, скакавших перед коляской королевы.

Народ был недоволен тем, что происходило в стране. Упразднение многих древних монастырей увеличило число бездомных и нуждающихся; недовольство Анной Болейн разрасталось все шире и шире, но и об этом забыли в такой радостный день: погода была чудесная, вино лилось рекой, и каждый имел право на прекрасное даровое угощение.

Экипаж королевы между тем все приближался; народ встретил его приветственными криками; все, кто готовился участвовать в состязании, вскочили на коней.

Оруженосцы бегали и толкали друг друга; суэта увеличилась, и герольды, стоявшие по углам еще пустой арены, торжественно возвестили о начале турнира.

Почти в ту же минуту Анна Болейн вошла в королевскую ложу.

При ее появлении мужчины сняли шляпы, а дамы встали

с мест.

Королева окинула спокойным, ясным взглядом блестящее собрание и слегка поклонилась направо и налево с непри-
нужденной грацией; на щеках ее вспыхнул живой, яркий
румянец, прекрасные глаза ее, голубые как небо, засияли
еще сильнее; ее русые шелковистые кудри спускались из-
под сверкающей бриллиантовой короны на белое как снег,
убранное золотом и яхонтами платье.

Анна Болейн была прекрасна в этом воздушном платье,
в сверкающей короне и в длинной алой мантии, подбитой
горностаем.

Восторженные крики огласили прекрасную Гринвичскую
равнину.

В числе придворных дам, сопровождавших королеву, на-
ходились и мать ее, графиня Уилширская, и жена ее брата,
некрасивая и надменная леди Рочфорд.

Среди фрейлин, вошедших в королевскую ложу, была
очаровательная Джейн Сеймур.

Она не надела то роскошное платье, которое принес ей на-
кануне Кромвель, а предпочла ему белое тарлатановое и бу-
кет бледно-розовых душистых жасминов. Желая тем не ме-
нее угодить королю, Джейн надела чудесное ожерелье – пер-
вый подарок Генриха – и украсила грудь бриллиантами, по-
лученными ею вместе с бальным платьем.

Фрейлины не успели рассестись по местам, когда Генрих
VIII медленно вошел в ложу.

Присутствующие обратили внимание сначала на тучность короля, на изысканность и великолепии его наряда, но потом все пришли к убеждению, что повелителя Англии угнетает какое-то тревожное чувство и что время оставило на лице его неизгладимый след: оно сделалось строже и суровее прежнего.

Поклонившись блестящему собранию, король сел в кресло, тут же раздались звуки труб и литавр, судьи вскочили с мест, и на арену выехала толпа вооруженных, статных и ловких всадников.

Толпа встретила их восторженными криками, любуясь их богатым, блестящим одеянием, превосходным оружием и чудесными конями под чепраками, шитыми серебром или золотом и украшенными гербами и девизами.

Впереди всадников шел отряд трубачей в красных бархатных куртках с широкими золотыми поясами, а вслед за ними двигались оруженосцы со знаменами в руках.

На знамени Рочфорда, открывавшего турнир, был изображен золотой орел на лазурном поле, а под ним коротенький девиз: «Ничто не в состоянии смутить меня!» На знамени нападающего, сэра Генри Норриса, было вышито золотом сердце на красном поле и с обеих сторон красовался девиз: «Мужество и любовь – в сердце!»

Граф Рочфорд был одет с царской роскошью; он ехал рядом с Норрисом на своем кровном дорогом скакуне. Полукафтаны Норриса из пунцового бархата были расшиты жем-

чугом, и злые языки утверждали, что все эти зигзаги изображали букву А, первую в имени королевы, любившей молодого и прекрасного юношу так же нежно и пламенно, как он любил ее.

За этими двумя молодыми вельможами следовала толпа герцогов и баронов в роскошных одеяниях, украшенных разноцветными драгоценными камнями.

Среди сиятельных вельмож ехал герцог Саффолк на арабском коне, покрытом белоснежным бархатным чепраком; пажи его явились в платье из дорогого бархата того же цвета, расшитого серебром; сбруя их лошадей была сделана из серебра, и головы животных убраны, точно так же как береты пажей, разноцветными перьями.

Невдалеке от герцога ехал Артур Уотстон. На знамени его под фамильным гербом был вышит, по желанию его достойной матери, девиз: «Честен и в битве, и в любви!»

Вслед за Уотстоном ехали лорд Клиффорд Голанд, Беркли, Мармион, граф Бетфордский Руссел, лорд Парр, рыцарь Паулет, оба лорда Уэнтворта, Маннерс, граф Рэтлендский. Поместья последних граничили с поместьями графа Нортумберленда в Нортумберлендском графстве, а также в Йоркшире.

Кавалькада объехала трижды громадное ристалище, каждый раз останавливаясь перед королевской ложей, чтобы отдать честь своим повелителям.

Затем все разделились на группы; всадники разместились

по разные стороны арены в установленном законами турнира порядке.

Герольды возвестили о начале игр, которые всегда предшествовали единоборству, и внимание публики переключилось на конную кадриль, которую уже начали танцевать на ристалище.

Воспользовавшись этим, граф Эссекский вошел в королевскую ложу.

– Ну что? – спросил его вполголоса король.

– Он сознался во всем, – отвечал лорд Кромвель.

– Сознался? – произнес с изумлением король.

– Да, только просил пощадить его жизнь.

– Ну да, как бы не так! – сказал Генрих VIII. – Презренная, бесчестная, падшая женщина! – процедил он сквозь зубы.

Он бросил взгляд, исполненный ненависти, на королеву.

– Итак, вы утверждаете, что Марк во всем сознался?

– Во всем, ваше величество, – ответил граф Эссекский.

– А невестка ее? Ей тоже все известно? – проговорил король, указав глазами на графиню Рочфорд, которая сидела между своей свекровью, графиней Уилширской, и королевой Анной.

– Да, и она, конечно, подтвердит все показания Марка.

– Подтвердит? – произнес машинально король, устремив внимательный взгляд на лицо леди Рочфорд, поблекшее лицо со впалыми глазами, на котором честолюбие, зависть и враждебность оставили неизгладимый след.

Но графиня смотрела в это время на игры, и Генриху VIII не удалось прочесть ничего в ее злых и фальшивых глазах.

Он посмотрел на ложу, в которой находились самые именитые лорды королевства.

– Вот люди, на которых я возложу обязанность судить Анну Болейн, – сказал он, наклонившись к графу Эссекскому. – Мне даже не придется утруждать себя выбором. Кромвель, я решил отомстить за себя!

– Вы вправе это сделать... Вы слишком оскорблены... Кстати, ваше величество, лорд Перси привезен пять минут назад под стражей в Гринвич...

– Как – в Гринвич? – произнес с удивлением король.

– Да, – подтвердил Кромвель, – дворянин, на которого вы возложили обязанность привезти его к вам, не застав вас в Виндзоре, нашел нужным исполнить приказание буквально.

– Ну так что же? Тем лучше. Нортумберленд увидит наш блестящий турнир! – сказал Генрих VIII, сдержав готовое вырваться наружу желание мести.

Кромвель говорил правду: дворянин и йомены, посланные за Перси, доставили его в Гринвич и ввели в ложу, что была как раз напротив королевской ложи, выразив сожаление, что не могут провести его в галерею для сиятельных лордов, так как там не было места.

Перси не отвечал на все эти любезности; он был ошеломлен, как узник, просидевший несколько лет в глубоком и темном подземелье и вышедший внезапно на равнину, зали-

тую ярким солнечным светом.

Он окинул взглядом ложи и арену и понял, что случайность вернула его неожиданно к той пышной и вечно праздничной жизни, с которой он расстался, чтобы перебраться в глушь родового поместья.

«Она должна быть здесь!» – подумал он невольно.

Эта мысль примирила его с неприятной действительностью; он поднял голову, и по телу его пробежал легкий трепет, когда он увидел Анну Болейн во всем блеске ее волшебной красоты, во всем великолепии королевского сана.

В душе Нортумберленда не померкли ощущения, пережитые у гроба Екатерины; он сравнил ушедшую из жизни королеву с ее цветущей соперницей, и мысли его невольно перенеслись к давно минувшим дням.

«Это ли, – думал Перси, глядя на восхитительное, оживленное лицо молодой королевы, – та кроткая, застенчивая, непорочная девушка, которая сияла, подобно лучезарной звезде, над моей так быстро промелькнувшей молодостью? Нет, нет, это не ты, моя прежняя нежная, возлюбленная Анна!»

Лорд опустился в кресло у борта своей ложи, обитой алым бархатом, затканном английскими гербами; прекрасное лицо графа Нортумберленда страшно побледнело, и сердце его сжалось от безотчетной мучительной тоски; но никто не заметил ни волнения Перси, ни его бледности. Внимание громадного блестящего собрания было всецело обращено на

арену или, вернее сказать, на то, что там происходило.

Прошло около часа, а лорд Перси все еще сидел совершенно неподвижно.

Громкие крики ужаса вывели его из оцепенения.

Игры были окончены, и граф Рочфорд вступил в единоборство с Норрисом. Оба горели желанием отличиться перед нарядной, блестящей публикой.

Они три раза возобновляли нападение; яркие чепраки были покрыты пылью и забрызганы кровью, так как грудь лошади Рочфорда пронзил осколок копья, но победа, по-видимому, еще не сделала свой выбор, так как оба противника одинаково владели искусством наносить и отражать удары и были одинаково ловки, сильны и храбры.

Но когда под громкие звуки труб граф Рочфорд в четвертый раз напал на сэра Генри Норриса, то нанес ему такой страшный удар, что и всадник и конь упали на арену. Когда облако пыли рассеялось, публика увидела на песке разбитый шлем Норриса и его окровавленную голову.

Раздались восклицания испуга и сочувствия; все женщины вскочили с мест; прекрасное лицо молодой королевы стало бледнее мрамора; она кинулась к борту своей роскошной ложи, и лорд Перси увидел, что она или бросила, или, быть может, уронила свои вышитый платок с кружевной отделкой превосходной работы.

Одним из обычаев той эпохи был обычай, согласно которому женщина, желающая выказать расположение или со-

чувствие одному из сражающихся на ристалище, имела право бросить ему какую-нибудь вещь: браслет, бантик, кольцо, другую безделицу; тот, кто получал этот дар, прикреплял его к шлему или полукафтанию; считалось вообще делом чести отнять эту награду у противника и положить к ногам любимой женщины.

Вспомнила ли этот обычай Анна Болейн или, дрожа от волнения, уронила платок нечаянно, но он покружился в воздухе и упал на арену около Генри Норриса. Молодой человек поднял его поспешно и поднес с благоговением к своим бледным губам; из всех лож послышались приветственные крики: красивый, благородный и отважный Норрис был всеобщим любимцем. Его падение и страх за его жизнь взволновали всех, и присутствующие были признательны молодой королеве за ее деликатное внимание к побежденному: лица всех просияли, но радость сменилась восторгом, когда Норрис вскочил на прекрасного коня, которого подвел ему оруженосец, и надел новый шлем с белоснежными перьями; рукоплесканья, шумные пожелания счастья и радостные крики огласили Гринвичскую равнину.

Но повелитель Англии отнесся далеко не сочувственно к разыгравшейся сцене; он считал унижительными для своего достоинства эти восторженные овации Норрису; им овладело беспредельное бешенство: внезапно он встал с места.

– Кончить эту комедию! – произнес он отрывисто, указав Кромвелю глазами на ристалище, и отправился из своей ло-

жи в отдельную, смежную с ней комнату.

– Куда ушел король? Не заболел ли он? – стали шептаться в ложах и на галереях.

Анна Болейн, все время смотревшая на арену, случайно оглянулась и, заметив отсутствие своего повелителя, тоже вышла из ложи; но не успела она подойти к смежной комнате, как ловкий граф Эссекский запер ее на ключ.

– Король, мой повелитель, просит вас сейчас же вернуться во дворец! – объявил он спокойно и отчетливо.

– Вернуться во дворец... и одной... без него?.. – проговорила Анна с глубоким удивлением.

– Да, – подтвердил Кромвель.

– Разве я не могу войти к его величеству?

– Нет, король объявил, что желает остаться на некоторое время в полном уединении.

– Граф Эссекский! – воскликнула с тревогой королева, устремив на него свои ясные глаза. – Скажите откровенно, что стоит за этой странной выходкой: болезнь короля или просто каприз?

– Вы просите меня быть откровенным, – отвечал граф Эссекский с улыбкой, исполненной глубокого злорадства, – и я скажу вам правду: потрудитесь взглянуть на прелестную девушку, которая стоит и ждет вас около ложи! Полюбуйтесь ее жемчужным ожерельем и ее обольстительной, роскошной красотой!.. Не пройдет и двух-трех месяцев, как на этой прекрасной и грациозной головке будет сиять английская коро-

на!

Глава XXIII

Падение с высоты

Ночь окутала землю непроходимым мраком; по темным водам Темзы медленно плыла барка.

Гринвич давно исчез из виду; одинокий фонарь на самом верху барки светил, как маяк, в полной темноте; небольшой белый парус помогал усилиям шестнадцати богато и причудливо одетых гребцов; на его плотной ткани красовались гербы королевской фамилии. Убранство барки показывало ясно, что владелец ее любит комфорт и роскошь.

На барке была прелестная небольшая каюта, озаренная светом великолепной люстры из горного хрусталя: она была задрапирована голубой материей, на которой сияли звезды из белого шелка; на низенькой кушетке, стоявшей в углублении, сидела Анна Болейн, погруженная, очевидно, в печальное раздумье.

Она была в том же роскошном платье и в той же ослепительной бриллиантовой короне, только накинула в этот влажный и прохладный вечер черную газовую вуаль на свои шелковистые золотистые кудри и заменила королевскую мантию другой, более легкой и более удобной. Личико молодой королевы выражало покорность судьбе и глубокую грусть, что придавало ее нежным чертам чарующую пре-

лесть. Выходка короля и разговор с Кромвелем заставили ее в первый раз, может быть, задуматься о будущем и заглянуть в прошлое; но в последнем она нашла только длинный ряд легкомысленных и безрассудных поступков; ей вспомнились невольно эшафот среди площади и на нем обезглавленные трупы Рочестера и Мора.

Напротив Анны Болейн сидела восхитительная Джейн Сеймур с безмятежной улыбкой на розовых устах. Справа от нее утопал в глубоком кресле надменный граф Рочфорд, а слева устроилась его жена. Графа мучила, видимо, неотвязная и мучительная мысль: боясь гнева отца и зная, что сестра не в состоянии дать ему разумный совет, он скрыл от них свою ссору с Кромвелем, и это обстоятельство не давало ему покоя.

Если Рочфорд и боялся мести графа Эссекского, то боялся, конечно, не за себя, а за свое семейство; внутренний голос твердил ему, что к ним приближается великое несчастье.

Корысть и честолюбие графа Уилширского заставили его после долгой борьбы вступить в брак с нелюбимой, антипатичной ему женщиной. Не находя в семейной жизни ни покоя, ни счастья, он искал утешения в дружбе сестры и в тех блестящих почестях, которые ему оказывали после брака ее с королем. Под гордой и красивой наружностью Рочфорда таилась благородная и пылкая душа, чуждая низких и порочных стремлений; заносчивость, в которой его обвиняли, и честолюбие отражали лишь общий настрой окружавшей его

распущенной придворной молодежи. -

Четыре путешественника уже давно находились в прелестной каюте, но мысли их витали далеко; они сидели молча, обмениваясь изредка пустыми фразами.

– Тебе жарко, сестра, – проговорил Рочфорд, чтобы сказать что-нибудь.

– Не подать ли вам книгу? – предложила наивная Джейн Сеймур молодой королеве.

– Да, вы ужасно бледны и заметно расстроены, – процедила графиня, злобно сверкнув глазами на мужа и невестку.

А Темза катила свои глубокие и спокойные воды в беспредельное море; глубокое безмолвие, царившее над ее берегами, нарушалось по-прежнему только шумом весел шестнадцати гребцов.

Прошло некоторое время, и наверху, на палубе, началось движение; барка остановилась, но только на секунду. Джордж Рочфорд привстал с места и посмотрел в окно: перед ним промелькнул фонарь парусной лодки, прошедшей мимо барки и умчавшейся вдаль с быстротой стрелы.

Почти в ту же минуту дверь каюты открылась, и старый герцог Норфолк вошел в сопровождении лорда-канцлера Одли и первого министра.

Граф Рочфорд вздрогнул при виде своего смертельного врага, а лицо королевы покрылось страшной бледностью при таком неожиданном появлении дяди; прекрасные глаза ее устремились невольно на прелестное личико Джейн Сеймур.

– Леди Анна! – сказал без всяких предисловий старый герцог Норфолк. – Вы опозорили королевское ложе, и я явился сюда, чтобы арестовать вас и заключить в Тауэр. Вы опозорили мои седины, но я не пощажу ничего... ничего... даже вашу жизнь, чтобы отомстить за свою запятнанную честь!..

Старый герцог Норфолк задыхался от бешенства. Анна встала, холодная и бледная как мрамор: ее словно парализовало; язык отказался повиноваться ей.

– Милорд! – произнесла она с мольбой. – Вы же сами не верите в то, что сказали... Я не виновата в том, в чем меня обвиняют!.. Презренная Сеймур! Это вы меня предали!.. Бог видит, я не в силах хранить дальше тайну!.. Вы даже не постыдились прибегнуть к клевете для достижения своих неблагоприятных целей... Я должна умереть, чтобы вы удовлетворили свое гнусное честолюбие...

– Не вините других! – перебил герцог повелительным тоном. – Вините во всем только себя, свою неблагодарность святому провидению, свое неуважение к обязанностям матери, жены и королевы. Помните, леди Анна, что если закон присудит вас к пожизненному заключению, то это наказание было бы слишком мягким для вас. Что же касается вас, – продолжал непреклонный и суровый Норфолк, обращаясь к Рочфорду, – то честный человек не позволит себе произнести ваше имя...

– Милорд! Ни слова более! – воскликнул граф Рочфорд, схватившись за рукоять шпаги и обратив на Кромвеля пре-

красные глаза с гордым и гневным презрением. – Мне бросают в лицо обвинение в бесчестии именно потому, что я не потерпел даже тени сомнения в моей честности; против меня сплетена самая возмутительная и низкая интрига по внешнему личному, хорошо мне известной, я стал жертвой этого человека, а вы, герцог Норфолк, – его слепым орудием. Но есть Бог, и Его неподкупный и справедливый суд разоблачит все происки низкого интригана, который имел дерзость явиться сюда с вами и лордом Одли; я вверяю себя Его святой защите!

– Милорд, ваша запальчивость не изменит положения дел, – проговорил спокойно и холодно Кромвель. – Я исполняю волю моего государя и покорнейше прошу вас вручить мне вашу шпагу.

– Да, отдайте ее! – заревел старый герцог. – Граф Эссекский обязан исполнить приказание своего короля. Отдайте же ему шпагу, и если вы действительно окажетесь виновным, то я молю Всевышнего, чтобы вас постигло наказание, которым закон карает всех предателей.

– Вот она, моя шпага, но я не допущу, чтобы вы загрязнили ее своим прикосновением! – воскликнул Джордж Рочфорд, отводя от нее руку графа Эссекского.

Клинок сверкнул как молния и, вонзившись в паркет, разлетелся на части.

– Возьмите! – произнес молодой человек, подавая Норфолку рукоять изуродованного дорогого оружия. – Но горе

тем, кто сгубил мою молодость и покрыл позором мое доброе имя!

Эти слова вызвали в душе леди Рочфорд до сих пор незнакомое ей чувство горького и жгучего страдания. Трепет ужаса пробежал по всему ее телу, и лицо ее стало блее полотна. Прошлое внезапно предстало перед ней, и графиня поняла, что ее подозрительный и ревнивый характер помог графу Эссекскому достичь своей цели и обесславить Рочфорда и все его семейство. Эта гордая и своевольная женщина смиренно и печально опустила голову на грудь; убитая сознанием своей вины, графиня не решалась обратиться ни к мужу, ни к своей молодой и ни в чем не повинной невестке.

Волнение королевы росло с каждой минутой.

– Лорд Кромвель!.. Граф Эссекский! – воскликнула она, судорожно рыдая. – Почему же вы, наш верный и давний союзник, не отвергли такую клевету и не оправдали меня в глазах его величества?.. Ведь вы отлично знаете, что я невиновна в том, в чем меня обвиняют!.. Я была легкомысленна, любила удовольствия... но я не позволила себе ни одного поступка, за который могла бы краснеть перед людьми и собственной совестью... Вы же сами сказали мне сегодня на турнире, что король решил вступить в брачный союз с этой молодой девушкой, – добавила она, указав на свою миловидную фрейлину.

– В брачный союз со мной? – произнесла с испугом Джейн Сеймур, и без того взволнованная и сильно опечаленная сле-

зами королевы.

– Ну да, конечно, с вами! Не притворяйтесь, что вы не знали этого! – сказала Анна Болейн, окинув ее гордым и презрительным взглядом.

– Уверю вас, что не знала, – отвечала спокойно и твердо Джейн.

Но молодая девушка не успела договорить, как вспомнила о подарках короля и обещаниях хитрого интригана Кромвеля; сознание того, что она участвовала в заговоре против Анны Болейн, хоть и не ведая об этом, смутило ее, и бледное лицо Джейн покрылось лихорадочным, пылающим румянцем.

– Джейн Сеймур! – сказала королева после минутной паузы. – Джейн Сеймур, – повторила она, и в голосе ее слышалась угроза, – несчастье, на которое вы обрекли меня, падет на вашу голову. Вспомните, ведь я всегда искренне желала вам добра; я пожалела вас и поспешила вызвать из уединенного и дальнего поместья ко двору; я обеспечила вам почетное положение в обществе и относилась к вам с искренней заботой. Что же могло побудить вас отплатить мне за это предательством?..

– Нет, я вас не предавала, – отвечала печально кроткая Джейн. – Я даже не произносила вашего имени во время свидания с королем.

– Довольно и того, что вы позволили себе явиться на свидание, но я не требую от вас никаких объяснений... Я не

унижу себя даже словом упрека.

Негодование, мрачные предчувствия истощили физические и нравственные силы несчастной королевы; колени ее подкосились.

– Джордж, дорогой мой брат... единственный друг, подойди ко мне! – воскликнула она с мольбой. – Один ты не обманешь и не предашь меня; все, кого ты видишь, мои непримиримые, смертельные враги!..

– Может быть, – отвечал хладнокровно Рочфорд. – Но, так или иначе, а я главный виновник и своего бесславия, и твоего несчастья...

Глава XXIV

Роковое известие

Ночь окутала непроглядной тьмой улицы и переулки Лондона, и стрелки на часах церкви Святого Павла указывали ровно половину двенадцатого.

В мрачном длинном строении, в глубине обширного двора, в комнате, освещаемой светом канделябров, сидела у окна женщина благородной наружности и прислушивалась к каждому звуку, каждому шороху, раздававшимся изредка на опустевших улицах. Но звуки доносились и замирали в воздухе, и нравственные муки этой бледной, встревоженной и утомленной женщины становились все сильнее и сильнее.

— Ему уже давно пора ко мне приехать, а его еще нет! — повторяла она, всматриваясь в густую, непроглядную тьму. — Я даже не могу утешить себя мыслью, что Артур забыл о своем обещании. Если его здесь нет, здесь, на этом самом месте, где он вчера сидел, так это потому, что с ним случилось что-нибудь чрезвычайно серьезное... Мой сын, мое дитя! Мое сердце предчувствовало, что к нему приближается великое несчастье. Где же ты, мой Артур! Что с тобой, ненаглядный?

Она вдруг встрепенулась и стала чутко прислушиваться, но прошло полминуты, и бледное лицо ее стало еще бледнее. Это не был желанный, ожидаемый гость; нет, какой-то

прохожий брел по пустынной улице, напевая веселую песню. Один Бог только знал, какую жгучую боль вызвала эта песня в душе леди Уотстон.

– Не он! – произнесла почти угасшим голосом огорченная мать.

В нижнем этаже дома, как раз под той комнатой, где леди ожидала запоздавшего сына, пожилая служанка, с чрезвычайно добрым и приятным лицом, сидела за легкой прялкой; однообразный шум, производимый быстрым движением колеса, заставлял леди Уотстон уже несколько раз в продолжение вечера вставать с места с сильно бьющимся сердцем, но луч надежды гас очень быстро и сменялся томительной тревогой и тоской.

Часы пробили полночь.

– Теперь ждать нечего: он уже не придет, – сказала леди Уотстон, закрыв лицо руками.

За длинным мрачным домом, молчаливым свидетелем ее бывшего счастья и пережитых ею тяжелых испытаний, находился большой, тоже старинный, сад, выходящий на большую и пустынную улицу, тоже прилегавшую к церкви Святого Павла. Как-то раз на этой улице произошла кража, и Уотстон с этих пор обзавелся двумя прекрасными собаками, чтобы оградить дом от подобных случайностей.

Эти верные, преданные и умные животные любили своего молодого хозяина. Его служба при свите молодой королевы заставляла его жить отдельно от матери, ему даже не удава-

лось бывать у нее каждый день; но в те редкие дни, когда эта возможность появлялась, обе собаки знали уже за несколько часов о его посещении: их никак не могли отогнать от ворот; они рвались на улицу с громким радостным лаем или вбегали в дом, в комнаты леди Уотстон, терлись о ее ноги и лизали ей руки, как будто говоря: «Он сегодня придет, мы тебя не обманываем!»

В вечер после турнира, когда мать ждала своего сына, лай бдительных животных раздавался не раз посреди тишины и вызывал у бедной леди Уотстон радостное волнение; но оказывалось, что лай этот не извещал о приезде Артура; раза два ей показалось даже, что она слышит глухое завывание – предвестник несчастья.

Леди Уотстон считала подобную примету бессмысленной, и если бы ее сын находился сейчас дома, она не придавала бы никакого значения завыванию собак; но страх за него, вызванный его непонятным отсутствием, сделал и ее суеверной: ей казалось, что тополи в саду, на берегах пруда, шумят как-то странно и таинственно и что даже во мраке и безмолвии ночи кроется что-то грозное и зловещее.

Внезапный стук в ворота отвлек леди Уотстон от этих мрачных мыслей; забыв о своих летах и своей усталости, она взяла массивный серебряный подсвечник с горящей свечой и, спустившись по высокой и неудобной лестнице, выбежала стремительно к парадному подъезду.

Почти в ту же минуту во двор въехал отряд вооруженных

всадников, составлявших свиту Уотстона на турнире, но его самого среди них не было.

Из груди леди Уотстон вырвался дикий крик.

– Где мой сын, мой Артур? – воскликнула она. – Ранен он или умер?

– Успокойтесь, миледи: он жив и здоров, – ответили ей разом несколько человек.

– Так почему же он не приехал ко мне?

На вопрос не последовало никакого ответа.

– Говорите, Гектор! – сказала леди Уотстон, обратившись повелительно к начальнику отряда, смуглому человеку солидной и приятной наружности.

Но старый воин не решался, по-видимому, исполнить приказание.

– Не томите меня... скажите мне скорее, почему мой Артур не приехал с вами? – повторила с мольбой и отчаянием леди.

– Молодой господин мой арестован сегодня и заключен в Тауэр! – ответил старый воин, закрыв лицо руками. – Признаться, я не ждал подобного удара!..

– Вы говорите – в Тауэр?! Что же сделал Артур?

– Его арестовали и отвезли туда вместе с сэром Генри Норрисом и еще джентльменом, фамилию которого я позабыл. Все толкуют о заговоре, и королева Анна... ну да что говорить! Я ничего не знаю! – добавил он отрывисто.

Последние слова леди Уотстон уже не слышала. Весть об

аресте сына сломила ее. Она упала в обморок, и ее отнесли на руках в спальню.

– Живее, Джордж и Джеймс, расседлайте коней! – скомандовал Гектор.

И как ни грустно было у него на душе, он не тронулся с места, пока не убедился, что конюхи исполнили его распоряжение.

Глава XXV

Королевский приказ

Трудно передать словами, какое волнение охватило все население Лондона при вести об аресте молодой королевы, графа Джорджа Рочфорда и четырех дворян, занимавших высокое положение в свете.

Страсти разгорались. Раздраженные казнью Мора и муками других не менее известных и благородных жертв, католики считали арест королевы наказанием Божиим за пролитую кровь; но приверженцы Лютера были сильно встревожены падением ее власти, так как в лице Анны Болейн они теряли чрезвычайно могущественного и верного союзника.

Та и другая партии поспешили созвать своих приверженцев, чтобы лучше противодействовать друг другу.

События развивались с такой быстротой, что сначала партии лавировали меж двух берегов, не зная, у какого им лучше бросить якорь; но вскоре все увидели, что королева Анна погибла безвозвратно, что король любит пламенно Джейн Сеймур, а Кромвель, граф Эссекский, всемогущ при дворе.

Правильно рассчитав, что королева будет осуждена на смерть, так как Генрих VIII не мог при ее жизни вступить в законный брак с Джейн Сеймур, протестанты отправили депутацию к Кромвелю, прося его принять их под свое покрови-

вительство. Католики примкнули к национальной партии, во главе которой стоял влиятельный герцог Норфолк.

Вскоре пронесся слух, что король повелел созвать совет судей для ведения процесса Анны Болейн и что в его состав войдут самые знатные и самые влиятельные из лордов королевства.

Заточение несчастной молодой королевы и все подробности ее жизни стали с этого времени главной темой разговоров. Но и людское любопытство, и столкновение мнений, и беспорядки, которые устраивались под шумок в этой неразберихе, были, в сущности, лишь обычным результатом событий, вносящих неожиданно перемены в общественную жизнь.

Однако тем не менее все происходящее усиливало пытку, от которой изнывала со дня ареста Анны душа Нортумберленда.

Когда Генрих VIII неожиданно приказал остановить турнир и гордые леди и лорды начали выходить из галерей и лож, Перси вздумал отправиться в Лондон, где он имел дом, как и все знатные и богатые люди той давней эпохи, считавшие унижительным для своего достоинства не иметь жилья в столице. Дворянин, на которого возложили обязанность охранять ложу графа, без дальнейших инструкций не посмел возражать против его намерений, тем более что король уже уехал в Уайтхолл.

По приезде в свой дом лорд Перси решил, что ему придет-

ся нанести визиты, но он был так разбит физически и нравственно, что отложил на время свое свидание со знатными и влиятельными людьми, на поддержку которых мог рассчитывать.

Он прожил двое суток один со своими думами в многолюдном, огромном городе; он ждал ежеминутно гонца от короля, но гонец не являлся; он считал невозможным явиться ко двору, не узнав предварительно о намерениях своего повелителя; его тянуло прочь от этих шумных улиц и прокопченных зданий, но мысль оставить Лондон, где в Тауэре была заключена его единственная любовь, была для него тяжелее смерти.

Это неопределенное странное положение лишало Перси энергии и выводило из терпения.

Наступил третий день. Граф сидел в кабинете, когда к нему вошел тот самый дворянин, который охранял его ложу в Гринвиче; молодой человек подал ему пакет, запечатанный выпуклой королевской печатью.

Нортумберленд осторожно вскрыл конверт; рука его дрожала от сильного волнения.

Он прочел дважды содержание указа, и его выразительное прекрасное лицо страшно побледнело: король Генрих VIII предписывал ему состоять в числе лордов, созванных для суда над Анной Болейн.

– Он судит по себе, – прошептал пораженный граф, с трудом сдерживая негодование. – Он, верно, воображает, что

ревность, вызванная во мне благоволением к сэру Генри Норису, выказанным перед целым собранием, заставит меня действовать против нее, погибшей. Нет, король ошибается!.. Я действительно пережил нестерпимые муки, когда она, забыв данные мне обеты, стала женой другого. Но теперь королевский венец снят с ее головы... Она брошена всеми, ненавидима всеми, и будь она еще более виновна, чем считают все, я стал бы защищать ее перед целым светом!.. Анна... О, если все, что я слышал, не клевета... если в тебе действительно умерло чувство долга, то пусть Господь будет тебе судьей... а я сделаю все, что от меня зависит, чтобы скрыть твой позор от земного суда.

– Да, позор! – повторил с содроганием Перси. – Творец земли и неба, зачем Ты допустил, чтобы она была отмечена роковым клеймом? Зачем Ты приковал мою жизнь к ее жизни и позволил ей отравить мою светлую молодость? Чем я заслужил такое испытание? – Он задумался и продолжал с пламенным увлечением: – О, мой Отец небесный, прости мне этот грешный и безрассудный ропот, возьми, отдай ей все – мою честь, мою будущность, и да будет над нами Твоя святая воля!

Бумага и конверт давно соскользнули с колен Нортумберленда на пушистый ковер, но мысли его витали далеко; он провел целый день, не выходя из комнаты, не зная, на что ему решиться. Но с наступлением вечера к нему вернулись энергия и сила.

– Решено, я поеду на заседание суда! – воскликнул он, вставая из глубокого кресла. – Я сделаю все возможное и невозможное, чтобы спасти ее, и принесу ей в жертву, если это понадобится, не совесть, но жизнь. Я дам ей незапятнанное, знаменитое имя моих доблестных предков!.. Запомни эту клятву, старый отцовский дом! Ты давно опустел, но я люблю тебя как безмолвного свидетеля моего невозвратного и блаженного детства; в расцвете молодости я лелеял в твоих потемневших стенах золотые мечты... потом настали бури... Я давно схоронил все надежды на счастье... у меня ничего не осталось на земле... Но эти испытания не сделали меня холодным эгоистом, и если мне удастся стереть хоть одну из ее горьких слез, то я благословлю Создателя Вселенной за свою одинокую и бесцельную жизнь.

Глава XXVI

Тауэр

Мрачное здание Тауэра и ближайшие к нему улицы выглядели как крепость, готовившаяся выдержать осаду или штурм: повсюду были войска; к узким окнам тюрьмы за ночь приделали железные решетки и дубовые ставни, которые мешали толпе увидеть, что делалось под ее массивными сводами. Можно было подумать, что Англии грозит великая опасность, но на самом деле весь этот арсенал сверкающего на солнце оружия был собран у Тауэра для борьбы с одинокой и беззащитной женщиной, бывшей еще вчера английской королевой, а на другой день отверженной и покинутой всеми.

Везде слышались толки об убийствах, отравлениях, раскрытом заговоре; казалось, что вся злоба, свойственная роду человеческому, была направлена на этот небольшой уголок столицы Англии и что Анна Болейн одна совершила более преступлений, чем легион злоумышленников, рассеянных по свету.

Рассказывали, что королева Анна по прибытии в Тауэр упала на колени и воскликнула с мольбой: «Помилуй меня, Господи!», что ее отвели в то отделение замка, где она провела, по древнему обычаю, весь канун того дня, в который совершилось ее коронавание; говорили еще, что она не рас-

считывает на пощадку и предается глубокому отчаянию.

Эти вести жадно слушали и передавали дальше. Утверждали еще, что тюремные власти, согласно инструкциям, очень зорко стерегли камеры графа Рочфорда и молодых людей, арестованных Кромвелем, – к ним не пускали даже родных, им даже не разрешали уведомить близких о своем заключении.

Однако, несмотря на бдительность стражи, несмотря на опасность, которая грозила нарушавшим приказ, с наступлением вечера в одинокую камеру, где томился Уотстон, тихо вошла женщина под плотной черной газовой вуалью.

Ее босые ноги скользили по сырым и холодным плитам, ее руки дрожали как будто в лихорадке, и, когда провожавший ее старший тюремщик открыл перед ней дверь, она остановилась, чтобы перевести дыхание.

Волнение тюремщика ясно показывало, какую страшную цену он заплатит за свое своеволие, если оно откроется.

– Войдите скорее! – сказал он, обращаясь к трепещущей женщине. – Я вернусь за вами через пять-шесть минут.

Она боязливо переступила порог и оказалась в непроницаемом мраке.

– Где ты, Уотстон? – произнесла она почти беззвучно.

– Боже мой! Это вы! – воскликнул радостно узник, заметавшись на койке.

Леди Уотстон с трудом сдержала рыдание; она ясно слышала бряцание цепей.

– Ты, кажется, в оковах, – прошептала она с невольным содроганием. – Но отвечай, где ты?

– Здесь, здесь... идите прямо, – ответил торопливо молодой человек.

Она пошла вперед, и колени ее коснулись вскоре края полусгнившей койки, служившей ложем узнику; ее бледные руки обвились со страстной нежностью вокруг шеи Уотстона, и горячие слезы покатались из глаз ее на его шелковистые светло-русые кудри.

– Артур, дитя мое, как ты попал сюда? В чем тебя обвиняют? – шептала она тихим срывающимся голосом. – Мой сын, мое сокровище!.. Душа моя разбита, я не в силах выразить мою скорбь... Неужели ты мог так внезапно отречься от своих убеждений и изменить вере и чести? Неужели мне придется краснеть за тебя, мою гордость и радость? Скажи мне, Артур!.. Неизвестность мучительнее смерти!

– Нет, моя дорогая, благородная мать, – пылко воскликнул узник, – ваш сын не изменил святому долгу чести! Я объясню вам все без малейшей утайки; но, умоляю, скажите мне, что вы не оскорбили ни себя, ни меня даже тенью сомнения во мне и моей честности!

– Артур, дитя мое! – отвечала она. – Эти слова примиряют меня с печальной действительностью; я не могла подумать, что меня ожидает радость в стенах твоей тюрьмы. Скажи мне еще раз, что ты не заслужил этого унижения!

– О нет, клянусь честью, но вы должны узнать все подроб-

ности мрачной и таинственной сцены, разыгравшейся ночью под этими безмолвными и угрюмыми сводами. Да, вчера, ровно в полночь, дверь тихо открылась и в камеру вошел человек в черной маске и широком плаще; он подошел ко мне, присел на мою койку и сказал отрывисто: «Сознайтесь мне во всем, и жизнь вам будет сохранена! Удостоверьте письменно, что королева Анна виновата во всем том, в чем ее обвиняют, и вы будете тотчас же освобождены и оправданы!» Когда я ответил на это предложение решительным отказом, он позвал сторожей, и меня заковали; я остался один в непроходимом мраке и подумал невольно, что свидание с вами накануне турнира было нашим последним свиданием на земле...

– Но скажи, Бога ради, – перебила его с живостью леди Уотстон, – кто задумал все это? Почему он желает сделать тебя соучастником подобного предательства? На каком основании тебя арестовали и заключили в Тауэр? Если бы королева была на самом деле виновата в нарушении своих прямых обязанностей, то я и в этом случае сказала бы тебе: «Не обвиняй ее! Пусть милосердный Бог будет ей судьей!» Но так как ты считаешь ее безусловно невиновной, то ты, естественно, не должен покоряться такому возмутительному и бесчестному требованию.

– Ну так знайте же, матушка, что жизнь и оправдание зависят исключительно от моего согласия подчиниться без всяких оговорок.

– Уотстон! Ты говоришь невероятные вещи!

– Я говорю вам правду! Если бы я считал вас обыкновенной женщиной, то не открыл бы эту ужасную тайну... Теперь по крайней мере, если мне суждено сложить голову на эшафоте, у вас останется отрадное сознание, что Уотстон не забыл ваших уроков!..

– Нет, они не решатся отнять у тебя жизнь! – воскликнула с волнением благородная леди. – Секира палача не отрубит голову единственного сына! Я стану на колени посередине площади и буду взывать к сочувствию всех матерей: они помогут мне смягчить судьбу и испросить тебе полнейшее помилование.

Молодой человек улыбнулся спокойной, но грустной улыбкой.

– Не надейтесь, матушка, на чужое участие, – отвечал он кротко и задушевно. – Вы не знаете свет и его эгоизм; вы проводили время в молитве и заботах о больных и нуждающихся и жили почти что среди ангелов, а я... я жил с людьми...

– Да, я чуждалась общества, – сказала леди Уотстон, – но я вполне уверена, что люди отнесутся искренне и сочувственно к положению матери, у которой судьба хочет отнять единственную и последнюю надежду.

– Вы сильно ошибаетесь, – отвечал с убеждением молодой человек. – Они вас не поймут, и это осложнит и без того запутанное положение дел. Позвольте же мне самому защищать свою жизнь! Честное слово, я ею очень дорожу. Вы

должны быть спокойны! Но я слышу шаги... это идет тюремщик! Вы, вероятно, подкупили его?

– Да, ценой двух третей моего состояния. Он обещал избавить тебя от неудобств.

– Вам не следует в таком случае торопиться с уплатой всей условленной суммы, – проговорил задумчиво молодой человек.

– Артур, дитя мое! – воскликнула она с невыразимым ужасом. – Так ты подозреваешь, что тебя предательски убьют?..

– Да, – сказал мрачно узник. – В этих страшных стенах разыгралось немало возмутительных сцен.

Силы оставили леди Уотстон от этого последнего удара, и в непроглядном мраке камеры послышались глухие, горькие рыдания.

Почти в ту же минуту дверь тихо отворилась.

– Миледи, образумьтесь! Вас могут услышать! – проговорил испуганный тюремщик. – Боже мой, что я сделал? Я погублю себя и все мое семейство! Уходите немедленно! Допрос еще не кончен... сюда могут войти... идите же, идите!

– О, дайте мне побыть с ним еще одну минуту! – сказала леди Уотстон умоляющим голосом. – Вспомните, что это мой единственный сын.

– Мать, моя дорогая, благородная мать! Призовите на помощь ваше мужество и подчинитесь требованию этого человека! – проговорил Уотстон изменившимся голосом.

– Мой сын, мое дитя, я не в силах уйти! – воскликнула несчастная, склонив голову на его скованные трепещущие руки. – Внутренний голос твердит моему сердцу, что я прощаюсь с тобой навсегда. Дай же мне умереть в стенах твоей тюрьмы!

– Нет, это невозможно... этого не позволят... идите же, идите за этим человеком, и да хранит вас Бог!

– Да, идите, миледи! – проговорил тюремщик. – Моя судьба висит на волоске.

Леди Уотстон привстала и прижала к груди своего обожаемого, ненаглядного сына.

– До свидания в вечности! – прошептала она.

Узник рванулся с койки: он отдал бы полжизни, чтобы прижать еще раз руку любимой матери, услышать еще раз звуки родного голоса, но оковы его были тяжелы и прочны, и его чуткий слух уловил только шелест торопливых шагов.

Раздался резкий скрип ржавых петель; следом за этим послышался шум быстро отворившейся и закрывшейся двери; и как бы в ответ из непроглядной тьмы камеры глухо и зловеще звякнули цепи.

Артур Уотстон остался по-прежнему один в глубоком подземелье неприступного Тауэра.

Глава XXVII

Лорд Перси и Кромвель

Время приближалось к полудню. Красивый, представительный мужчина, одетый роскошно и чрезвычайно изысканно, вошел в сопровождении многочисленной свиты в обширную приемную дома графа Эссекского.

– Потрудитесь вручить эту записку лорду! – сказал он повелительно подошедшему пажу.

– Но сейчас слишком рано, – заметил робко молодой человек. – Милорд принимает...

– Я знаю! – перебил надменно посетитель. – Но скажите ему, что граф Нортумберленд желает его видеть.

Когда паж удалился, граф сделал знак одному из слуг своей блестящей свиты, и тот почтительно подал ему маленькую шкатулку в чехле из пунцового бархата с вышитыми на нем золотом и жемчугом гербами.

Тот, кто увидел бы Перси в приемной Кромвеля, а до этого встречал его на пути в Кимблтон, отказался бы поверить, что этот молодой и надменный вельможа с повелительным взглядом, исполненными достоинства и грации манерами, рискнул ехать один по дороге, размытой осенними дождями, и ночевать в убогих деревенских трактирах, рискуя здоровьем или жизнью.

Лорд Перси обсудил положение дел с другими вельможами и пришел к убеждению, что влияние Кромвеля на короля огромно. Готовый отдать жизнь ради спасения несчастной молодой королевы, он решил немедленно отправиться к министру на основании права всех лордов королевства, вызванных ко двору.

Когда паж произнес имя Нортумберленда, граф Эссекский вскочил как ужаленный и, не прочитав записку, поторопился встретить его и провести в кабинет.

Свидание этих двух людей, абсолютно разных, имеющих противоположные взгляды на жизнь, было примечательным: каждый из них старался прочесть мысли другого, соблюдая при этом правила самой изысканной вежливости и выказывая самое глубокое уважение.

Но когда оба, обменявшись приветствиями, вошли в кабинет, в голосе и манерах графа Нортумберленда внезапно произошла перемена.

– Я не смогу выразить вам свою признательность за это посещение! – сказал первый министр с преувеличенной почтительностью.

– Граф! – отвечал невозмутимо Перси, усаживаясь в кресло. – Послушайте меня! Мне предстоит сказать вам очень и очень многое. Мы оба знаем свет; вам хорошо известно, что самые старинные фамилии королевства постоянно в союзе, а вы для них, конечно, просто чужой человек...

Граф Эссекский нахмурил черные брови и опустил глаза.

– Когда я называю вас чужим, хоть и знаю, что вы родились в Лондоне, – прибавил Генри Перси так спокойно и холодно, что всегда невозмутимый и наглый Кромвель смутился, – то имею в виду, что вы чужой нашим древним фамилиям, а так как вы вообще им очень не по вкусу, то может настать день, когда они вас свергнут с высоты, на которую вам удалось подняться.

– Милорд! – воскликнул Кромвель, и лицо его вспыхнуло.

– Но вы, – продолжал Перси с той же невозмутимостью, – слишком умны и ловки и слишком осторожны, чтобы не приготовить себе на черный день и друзей и убежище.

– Но, милорд, – прошептал сконфуженный Кромвель, затрепетав при мысли, что его ожидает опала и изгнание, – скажите, Бога ради, к чему это предисловие?

– Все то, что я сказал, не должно вызывать у вас удивление, – ответил Перси. – Я говорю всегда только то, что думаю и считаю истиной, если даже слова мои и не нравятся тому, к кому я обращаюсь.

Граф Эссекский недоверчиво взглянул на него.

– Я так привык! – продолжал Перси с тем же ледяным равнодушием. – Я слишком хорошо изучил человечество, чтобы не знать, для чего все мы разыгрываем в свете эту комедию.

Последние слова графа Нортумберленда отчасти усыпили подозрительность Кромвеля: он начал подумывать, что встретил человека столь же испорченного, но ему и в голову не пришло, что судьба послала ему строгого судью, знавшего

все его темные цели.

– Я вполне разделяю ваше мнение, – произнес он спокойно.

– Рад слышать это, граф! – сказал с живостью Перси. – Мы, люди просвещенные, должны знать, что за всеми пышными фразами и громкими словами об общественном благе, о славе, бескорыстии и возвышенных чувствах стоит желание создать себе хорошее материальное положение.

– О да! – сказал Кромвель, все еще не решаясь быть вполне откровенным.

– Поглядишь иной раз, – продолжал Перси, – люди мечутся, рыщут, упрекают друг друга в невнимании к человеческим бедам, а на деле оказывается, что все великие и ревностные деятели трудились исключительно ради собственного блага.

– Это так! – произнес благодушно Кромвель, сознававший в душе, что он входит в число такого рода деятелей.

– Земная слава – дым, – сказал Нортумберленд, – а тюрьма и секира – реальность, и многим, очень многим из баловней судьбы пришлось столкнуться с ними и потерпеть крах.

Неприметная дрожь пробежала по телу Кромвеля.

– Итак, теперь мы превосходно поняли друг друга! – сказал внезапно Перси, гордо и смело взглянув в глаза графу Эссекскому.

– Я думаю, что да, – отвечал лорд Кромвель.

– Вы богаты, как Крез, – сказал Нортумберленд, – но у вас

нет поддержки. Вы человек практичный и предпочтете найти во мне надежного союзника, а не нового опасного врага. Говорите же смело и вполне откровенно, могу ли я рассчитывать на содействие ваше в весьма серьезном деле?

– Я понимаю вас, – отвечал граф Эссекский, вступавший уже не раз в такие соглашения. – Объясните же мне, в чем дело, и скажите прямо, как будут оценены мои труды.

– Вот так! – сказал граф, указав на шкатулку, стоящую на столике. – Что касается дела, то оно не требует пространственных объяснений: я прошу вас принять сторону королевы и помочь мне спасти и оправдать ее.

Дикое, почти звериное бешенство исказило внезапно лицо графа Эссекского, он стиснул кулаки и подскочил, как тигр, к графу Нортумберленду.

– Мне принять ее сторону?! – воскликнул он с безумным, истерическим смехом. – Вы не просили бы об этом, если бы могли заглянуть в мою душу. Так знайте же, что если бы я мог купить ее погибель ценой всего того, что скопил тяжелым и кровавым трудом, то я бы не задумался ни на минуту.

Лорд Перси побледнел при виде этой страшной ненависти.

– И сделали бы, в сущности, ужаснейшую глупость, – произнес он спокойно.

– Может быть, – отвечал хладнокровно Кромвель, – но я бы сделал то, что сказал.

– Почему? – спросил Перси.

– Потому что я вынес за мою жизнь немало оскорблений, но одно из них, только одно, милорд, проникло в мое сердце подобно раскаленному железу! О нет, я не могу, не хочу и даже не в силах простить Анну Болейн.

– Что же она вам сделала?

– Милорд! – воскликнул Кромвель. – Я не отвечу на последний вопрос. Мне больно отвечать вам решительным отказом, но ничто в целом мире не заставит меня спасти Анну Болейн и дерзкого Рочфорда от казни, на которую они обречены!

– Как знать? Вы, может быть, проиграете партию, и вам тогда, конечно, придется пожалеть о том, что чувство мести лишило вас поддержки графа Нортумберленда и многих из его влиятельных друзей.

– Тем хуже для меня! – отвечал граф Эссекский. – Я сознаю вполне, что действую в ущерб моим собственным интересам, но я не в состоянии изменить себя и простить Анну Болейн.

Суровая решимость, которая звучала в этом дерзком ответе, разбила все надежды графа Нортумберленда: им овладело чувство беспредельного горя; страх за Анну Болейн сломил его; разговор с Кромвелем лишил его последней надежды спасти ее от смерти.

Он перестал быть знатным и надменным вельможей, графом Нортумберлендом, и превратился в прежнего задумчивого, кроткого и любящего Перси.

– Послушайте! – сказал он, обратившись к Кромвелю. – Ведь вы, вероятно, любили кого-нибудь? В память об этом чувстве дайте мне увидеть королеву! Бриллианты моей матери будут платой за эту великую услугу.

Он снял яркий чехол с блестящими гербами и открыл шкатулку, обитую изнутри мягким белым атласом.

В ней лежал фермуар в форме яркой звезды, а от него тянулись четыре ряда крупных, шлифованных бриллиантов самой чистой воды. Цена этих чудесных женских украшений – серег, колец и прочих драгоценных вещей, хранившихся в шкатулке, – превышала два или три миллиона.

Сердце Перси заныло, когда он вспомнил, что это ожерелье сверкало на шее его матери и было предназначено в дар его дорогой и прелестной невесте.

Глаза графа Эссекского не могли оторваться от этих ослепительных, сверкающих бриллиантов.

– Что за чудесные камни! – произнес он отрывисто.

– Предоставьте мне возможность увидеть Анну Болейн, и эти драгоценности будут вашими! – сказал Нортумберленд.

– Я не властен исполнить то, что вы желаете, – отвечал граф Эссекский.

– Я этому не верю.

– А я вам повторяю, что это невозможно!

– Полноте! – сказал Перси. – Окажите мне эту великую услугу, и вы сами увидите, что я сделаю все, что от меня зависит, чтобы отблагодарить вас за это снисхождение. Или вы

считаете эти бриллианты слишком ничтожной платой за такую услугу? Так скажите мне об этом без ложного стыда и, если в вас осталась хоть капля жалости к человеческой скорби, дайте мне утешить и ободрить ее.

– Это лишний труд! Она должна умереть! – сказал злобно Кромвель.

– Зачем вы повторяете сто раз одно и то же? – спросил с упреком Перси. – Разве вам так приятно рвать мне сердце на части?.. И если в самом деле нельзя ее спасти от смерти, то я, естественно, постараюсь увидеть ее во что бы то ни стало! Пусть хоть один родной голос проникнет к ней сквозь тюремные решетки! Пусть хоть одно слово сочувствия выделится из хора тех ужасных проклятий, которые доносятся до нее со всех сторон!.. Еще раз, граф Эссекский, заклинаю вас именем тех, кого вы любили, и тех, кто вас любил, – дайте мне увидеть Анну Болейн!

– Я никогда никого не любил, да и не был любим! – ответил граф Эссекский.

– Верю вам, – сказал Перси. – Но если вы не знаете ни любви, ни страданий, то вы, наоборот, превосходно знаете, в чем ваши выгоды: потрудитесь сказать мне, угодно ли вам будет принять эти бриллианты?

И Перси протянул руки к шкатулке.

Этот жест графа мгновенно изменил положение дел; глаза лорда Кромвеля засветились, подобно глазам хищного тигра; ненасытная алчность, лежавшая в основе всех его дей-

ствий и побуждений, заговорила в нем с небывалой силой.

– Позвольте мне еще раз взглянуть на эти вещи! – произнес он отрывисто.

– Глядите, – сказал Перси, – но заявляю вам, что не стану более продолжать этот торг!

– Ну пусть будет по-вашему! – воскликнул граф Эссекский. – Я дам вам возможность увидеть Анну Болейн, а вы дадите мне, кроме этих вещей, право на получение половины дохода со всех ваших земель.

– Хоть весь доход! – проговорил небрежно и презрительно Перси.

Но Кромвель не расслышал этих слов; ему даже послышалось, что граф проговорил: «Я не дам ничего!»

– Не гневайтесь, милорд! – произнес он заметно изменившимся голосом. – Я к вам расположен более, чем вы думаете.

– Закончим поскорее! Мне нельзя тратить время на пустые разговоры! – заметил сухо Перси.

– Но я же вам сказал, что вы ее увидите!

– Да, вы это сказали, но вы не представили никаких гарантий того, что сделаете это!

– Гарантией будет мое честное слово, – ответил граф Эссекский.

– Согласен и на это! – сказал Нортумберленд. – Но имейте в виду, что если вы не сдержите своего обещания, то и я откажусь уплатить вам условленную добавочную сумму.

– Это ясно как день! – воскликнул граф Эссекский, запи-

рая шкатулку. – Теперь дело улажено, и я хочу попросить вас объяснить мне одно чрезвычайно туманное для меня обстоятельство или, вернее сказать, чрезвычайно загадочное и странное явление в природе человека: разъясните мне, что это за чувство, под влиянием которого люди забывают о своих личных выгодах и жертвуют достоянием, честью и даже жизнью?

– А, вы хотите знать, что такое любовь! – сказал Нортумберленд. – В ней по ошибке объединены в единое целое два чувства, резко отличающиеся друг от друга; не назову вам первого, вы его не поймете – оно слишком возвышенно, но не назову вам вместе с тем и второго – оно слишком нечисто, а я враг всякой грязи.

Глава XXVIII

Камера королевы

Вокруг массивных стен неприступного Тауэра, на площадях и улицах, примыкавших к нему, горели во мраке громадные костры; они казались издали яркими метеорами, но вблизи их колеблющееся и высокое пламя освещало бесстрастные, загорелые лица караульных. Одни из них лежали, вспоминая, быть может, свои родные села, зеленые равнины и тенистые рощи, а другие прохаживались, наблюдая за горами всевозможного оружия и бросая сухие сучковатые ветки в угасающий огонь. Эти медленно движущиеся, высокие фигуры, освещенные дымным, развевающимся пламенем, были, скорее, похожи на полуночных призраков, чем на живых людей.

В группе старых служак, сидевших около самого громадного костра, шел живой разговор о событиях, волновавших сейчас Англию; каждый из собеседников высказывал свои мысли без всякого стеснения.

– Ба, мы еще не кончили! Нам придется еще дежурить долго! – говорили бывалые, поседевшие воины.

– Что же нам еще делать? – спрашивали несведущие.

– Клянусь святым Иаковом и пресвятым Георгием, – отвечал рослый воин, – народ кипит, словно вода в котле; его

набралось сегодня у Уайт-холла, пожалуй, больше, чем рыбы в половодье; орут во всю пасть: «Да здравствует принцесса Мария!» Даже старые бабы выползли из щелей, в домах не осталось ни единого чепчика и ни единой юбки! А ты стой и дежурь для их удовольствия... только из-за того, что им всем захотелось поболтаться без дела.

– Что же с этим поделаешь? – сказал старый ворчун. – Ведь женщины, известно, самый пустой народ.

– А как они бежали! Как каждая старалась прийти первой! Можно было подумать, что они улепетывают от неприятеля.

– Что же сказал им король?

– Что же им говорить? Он подошел к окну и сказал очень ласково: «Благодарю, друзья мои, за такую преданность мне и моей дочери!»

– Он назвал ее дочерью?

– Да, конечно, дочерью, ведь она родилась от законного брака!

– Ну и что потом?

– А затем он сказал, что принцесса приедет через день или два, что им лучше всего разойтись по домам... Экий дьявольский ветер! Так и пронизывает насквозь! Дай Бог, чтобы принцесса приехала поскорее и чтобы нам велели вернуться в казармы.

– Да, что и говорить! Нас ждут большие перемены, так как эта сидит за крепкими затворами, – сказал седой усач, закуривая трубку.

– Да, – заметил сидевший около него солдат, – и ей небось там несладко! Поглядите-ка, братцы, на эти перекладыны между большими башнями. На них ведь так легко повесить человека! Да и мистер Кингстон не из тех, кто сочувствует слезам и причитаниям женщины. Ему скажут: «Повесь!», и он свернет ей шею, как цыпленку.

– Ну а ты думаешь, что она виновата?

– А Господь ее знает!

– Нет, – вмешался один из сидевших поодаль, – все говорят, что она очень злая: из-за нее погибло много добрых людей; да вот, помнишь ли, Джек, сегодня ровно год, как нас вывели так же, как теперь, из казарм и расставили цепью около эшафота, на котором казнили лорда Томаса Мора. Мне не забыть лица этого человека до гробовой доски... Моя бедная Мэдж заболела от горя и жалости к нему, а у меня душа разрывалась на части, у меня слезы появились на глазах, когда дочь его, Маргарита, прорвалась, точно львица, сквозь сплошную толпу и обвилась руками вокруг шеи отца. Боже мой! Я никогда не видел такой муки, с какой лорд Мор смотрел на дочь!.. И что это была за чудесная красавица! Черные волосы до колен, лицо белее алебаstra. С ней был ее жених, но она совершенно забыла о нем. Не прошло и двух минут, как все было кончено. На площади стояла такая тишина, что я даже слышал, как голова тихонько скатилась на помост... Нас отправили в тот же вечер в караул во дворец: комнаты королевы были освещены, и в них играла музыка, так что

мне стало тяжело на душе. Я тогда подумал: «Бог накажет ее!» Так и вышло!

– Да, над этими звездами и над этой луной есть праведный Судья! – проговорил задумчиво один из собеседников. – Вот я простой солдат, но лучше продрогнуть здесь на ветру, чем сидеть в этой башне.

– Вот бы узнать, как им спится в этих черных стенах? – сказал седой усач. – Они видят, наверное, нехорошие сны.

– Поглядите-ка, братцы, – перебил молодой и красивый солдат, – никак там наверху промелькнул огонек?

– Нет, какой огонек? Тебе померещилось.

– Померещилось?! Я видел, как он блеснул и скрылся.

Часовой говорил правду. Свет, замеченный им на верхнем этаже Тауэра, был светом фонаря, освещавшего путь графу Нортумберленду, который шел к камере молодой королевы.

Перси шел за своим безмолвным провожатым: он то взбирался вверх, то спускался вниз по крутым темным лестницам; прошел несколько длинных и мрачных коридоров, соединенных тесными потайными проходами, сворачивал не раз налево и направо, но лабиринт тянулся все дальше и дальше.

Граф видел много низких дверей с тяжелыми железными засовами, углубления, покрытые зеленоватой плесенью, груды разного лома и полуразвалившиеся дубовые скамейки; большие, безобразные, черные пауки сновали по стенам. Сколько мук и слез видели эти мрачные массивные стены!

Сколько людей погибло в полном расцвете сил в этой страшной могиле! Сердце Нортумберленда разрывалось на части.

«Боже мой! – думал он, следуя машинально за своим провожатым. – Упасть с высоты трона в подземелье – какое поразительное и страшное падение! Тяжело согрешила она перед Тобой, но помилуй ее, милосердный Отец, в Своей неистощимой и беспредельной благодати!»

Скрежет отодвинутого железного засова вывел лорда Перси из раздумья.

– Пожалуйста сюда! – сказал ему отрывисто угрюмый проводник. – Вы можете побыть у нее ровно час; тотчас после полуночи сюда придут судьи, и начнется допрос.

Перси с содроганием переступил порог и вошел в большой зал, мрачный, как и все прочие помещения Тауэра.

– Но ведь нужно сходить и узнать, желает ли она меня видеть, – сказал он нерешительно.

– Что? Хочет ли она? – хмыкнул проводник, не знавший ни фамилии, ни высокого звания ночного посетителя. – Да разве у нее станут спрашивать? Вы, как видно, не знаете тюремных порядков! У жильцов наших нет слуг; начальство приказало мне провести вас сюда, и я это исполнил. Чего же еще надобно?

– Хорошо, – сказал Перси, – вы можете уйти! Впрочем, нет... подождите... скажите мне, пожалуйста, как узница переносит свое заточение?

– Не знаю, – отвечал спокойно проводник.

– Как, вы даже не знаете, печальна ли она или в полнейшем отчаянии?

– Ну, понятно, печальна: они все невеселый народ. Насколько я припоминаю, сторож говорил, что у нее бывает бред; но это пройдет; любой из них вначале мечется, словно бешеный, покуда не привыкнет; на первых-то порах они смотрят на нас хуже чем на собак и даже отворачиваются, чтобы не видеть нас; спустя же некоторое время начинают заговаривать с нами, потом дело доходит даже до лести. Однако прощайте; помните, что вам можно пробывать здесь только час.

Проводник удалился, и шум его шагов скоро затих во мраке тюремных коридоров.

Сердце Нортумберленда билось со страшной силой; он прошел в конец зала, тихо открыл дверь, обитую железом, и увидел большую, чрезвычайно ярко освещенную комнату; вся ее меблировка состояла из высокой старомодной кровати, нескольких больших кресел и раздвижного стола; стены были обиты золотисто-коричневой рубчатой материей.

Королева сидела на низком табурете, облокотясь о стол обеими руками; ее чудесные волосы были прикрыты белой кружевной косынкой, концы которой падали на бархатное платье ярко-синего цвета, спускавшееся пышными и широкими складками от стройного и воздушного стана к ногам державной узницы.

Перси боязливо переступил порог, но ему не хватило ни

физических сил, ни мужества, чтобы пройти далее; он отдал бы полжизни, лишь бы кто-то сказал молодой королеве, что он стоит позади нее; ужасное волнение сковало его, он стоял разбитый, уничтоженный.

– Анна Болейн! – слетело помимо воли с его дрожащих губ.

– Кто здесь? – спросила узница, обернувшись к дверям.

Прекрасное лицо ее было орошено обильными слезами, но это уже были не те легкие слезы, которые струились из ее ясных глаз под влиянием минутного огорчения или просто каприза и сменялись веселой, беззаботной улыбкой, но горькие, тяжелые слезы полного отчаяния.

Нортумберленд невольно сравнил эту бледную и измученную женщину с ослепительно прекрасной королевой, которую он видел незадолго до этого в золоченой ложе на Гринвичском турнире.

– Извините меня! – произнес он глухим, срывающимся голосом.

– Лорд Перси?! – прошептала с испугом королева. – Лорд Перси, мой судья и даже, может быть, мой первый обвинитель?! – добавила она, невольно бросив взгляд на лежащий перед ней длинный список лордов, назначенных ей в судьи.

– И вы, как и другие, подозреваете меня в несвойственных мне побуждениях и чувствах! – сказал Нортумберленд с горькой иронией.

Подозрение королевы вывело его как-то сразу из оцепене-

ния; спокойная уверенность, бывшая отличительной чертой его характера, вернулась к нему мгновенно от этого оскорбления.

– Анна! – произнес он печально и торжественно. – Вы знаете более, чем кто-либо, что граф Нортумберленд не способен на низость!

Королева вздрогнула; ей уже не нужны были дальнейшие уверения: она все поняла.

Первым ее побуждением было броситься к графу, но новая, мучительная мысль пронзила ее мозг, и она отступила на несколько шагов.

– Я недостойна вас, мой благородный Перси! – воскликнула она. – Ваше имя стоит в этом ужасном списке, но я верю и чувствую, что вы будете меня отстаивать один против целого света. Оставьте же меня, Перси! Я изменила клятвам, данным мной добровольно в давно прошедшие дни, я отравила вашу молодость... разбила вашу жизнь!.. Нет, уйдите... уйдите!.. Между вами и мной лежит огромная пропасть!

– Благодарю Тебя, Творец земли и неба! – перебил ее с пламенным воодушевлением граф. – Ее сердце открыто для спасительных чувств смирения и раскаяния! Отвори же ей двери Твоего милосердия и отведи грозу, которая разразилась над ее головой.

– Нет, Перси, не взывайте к милосердию Божьему! – сказала королева. – Моя жизнь была цепью тяжелых прегрешений... Я невиновна в том, в чем меня обвиняют, но проли-

тая кровь вопиет о возмездии. Когда меня вели по коридорам Тауэра, мне пришлось проходить мимо камеры Мора и камеры Рочестера... О, Перси, я не в состоянии выразить, что мне нашептывает день и ночь моя совесть!

Королева замолчала – и вдруг преобразилась: она скрестила руки; лицо ее покрылось пылающим румянцем, а восхитительные голубые глаза сверкнули почти дико из-под длинных ресниц; все это предвещало наступление бреда, и испуганный Перси подошел к ней стремительно и прижал к сердцу, как будто для того, чтобы защитить от наступающих на нее мучительных видений.

– Анна! Бедная Анна! – повторял он, глядя с беспредельной нежностью ее русые кудри.

Но она высвободилась из его дружеских объятий и, отойдя к окну, запела чисто и мелодично одну из тех протяжных и заунывных песен, которые часто пела в Кенте, под тенью лип, у старого замка своих доблестных предков.

Эта песня оживила воспоминания Перси о его богатом, безвозвратном прошлом, и он перенесся мысленно из-под мрачных сводов неприступного Тауэра на зеленые поля и в длинные аллеи, где он бродил в летние вечера вместе со своей прелестной, ненаглядной невестой.

– Анна! – воскликнул он. – Помнишь ли ты еще дерновую скамью, где мы часто сидели после заката солнца?

Пение прекратилось, и глаза королевы устремились на Перси.

– Кто со мной говорит? – произнесла она с испугом и волнением. – Это, кажется, ты... ведь я не ошибаюсь: это ты, Генри Перси?.. Но где отец и брат? Куда они ушли?.. Я забыла... скажи... где мы теперь находимся?

Она остановилась и приложила руку к пылающему лбу.

– К чему вспоминать о том, что миновало? – прошептала она. – Я уже не Анна Болейн... я королева Англии.

Она дважды прошла из конца в конец комнаты, и огненный румянец, покрывавший лицо ее, уступил место ровной, матовой бледности; ее движения сделались более медленными и правильными, и безумный взгляд прекрасных глаз сменился выражением безропотной, спокойной, но безысходной грусти.

Королева присела к столу и закрыла лицо руками.

– Со мной творятся непонятные вещи, – произнесла она печально и задумчиво. – Я думаю, что схожу с ума.

– Вы не должны так думать, – сказал Нортумберленд, – не должны поддаваться унынию и слабости! Малодушие – порок, непростительный для женщины, а тем более для английской королевы! Дайте мне руку, Анна, и верьте в мою преданность: она вам не изменит ни при каких обстоятельствах.

– Я это знаю, Перси... Я даже сознаю, что все произошло бы иначе, если бы вы не бросили меня на произвол судьбы.

– Я вас не бросал... вы сами устранили меня со своей дороги, Анна! Я это говорю, конечно, не в упрек, а в свое

оправдание.

– Вам и не в чем оправдываться... Одна я виновата... Я променяла вашу бескорыстную преданность на блеск и величие королевского сана; но я уже поняла всю несостоятельность своих надежд... Судьба мстит мне за вас!..

– Я не желал возмездия, – произнес тихо Перси.

– Я верю вам, – отвечала печально королева. – Но оно совершается помимо вашей воли: вы не в силах понять, что я пережила в этих мрачных стенах! Бесконечные дни чередуются со страшными, бессонными ночами; если я засыпаю, мне начинает грезиться, что я падаю в темную и бездонную пропасть. Как быстро пронеслась моя молодость, Генри! Моя жизнь не дошла до полного расцвета, а я уже стою на пороге могилы!..

– Да нет же, Анна, нет! – сказал с тревогой Перси. – Вам нужно относиться спокойнее и разумнее к положению дел. Вы должны обдумать средства к защите перед лицом судей и... Скажите мне, Анна, без всякого стеснения, без ложного стыда, как брату или другу, есть ли в вашем прошлом что-нибудь, что, быть может, облегчит им вынесение обвинительного приговора?

Нортумберленд умолк и ожидал ответа с мучительной тревогой.

– Я не виновата в том, в чем меня обвиняют, но на моей душе лежит много других, тяжелых прегрешений! – произнесла она сквозь с трудом сдерживаемые рыдания.

– Не продолжайте, Анна! – перебил ее Перси. – Суд над душой каждого человека совершается исключительно Господом Богом! Главное – лишить судей возможности подтвердить обвинение фактами.

– Да, но мне сообщили, что Марк и Норрис обвиняют меня, а я виновата лишь в том, что обращалась с ними свободнее, чем с другими; я в этом и созналась, когда меня допрашивали...

– Как вы могли позволить себе такую опрометчивость? – перебил ее Перси. – Вы должны были знать, что признание подсудимого равносильно улике! Анна! Бедная Анна! Я, значит, опоздал, хотя, Бог мне свидетель, я бы отдал охотно все, что имею, лишь бы прибыть к вам раньше.

– Какая-то вовсе не знакомая мне особа, кажется, леди Уингфилд, обвинила меня за минуту до смерти, – продолжала задумчиво и мрачно королева. – Жена моего брата приписывает мне небывалые чувства... все меня унижают... все меня ненавидят; хотя войска, расставленные для охраны Тауэра, сдерживают народ, но даже сквозь стены ко мне долетают угрозы и проклятия. Не прошло между тем еще и недели после пышного празднества, на котором тот же народ приветствовал меня восторженными криками. О, Перси! Благородный, великодушный Перси! Будь я вашей женой, мне бы, разумеется, не пришлось бы умереть от руки палача!

– Не станем говорить об этом, Анна! – сказал Нортумберленд голосом, прерывавшимся от сильного волнения. –

Я осушил до дна чашу этих убийственных бесплодных сожалений. Для вас остались тайной все надежды, которые я возложил когда-то на вашу молодую, прелестную головку... Вы не знали, конечно, что вся душа моя принадлежала вам и что в ней с той поры не осталось уже места ни для другого образа, ни для другой любви! Один Бог знает все, что я переживал и перестрадал!

– И я не оценила такой великой преданности, или, что еще хуже, я променяла ее на пустой обман, что и привело меня к бесславию и гибели! – сказала королева с горьким и жгучим раскаянием. – Но я хочу сказать вам в утешение, Перси, что перед смертью я стала иначе смотреть на людей и на жизнь! – продолжала она, пересилив волнение, овладевшее ею. – Может быть – почему знать? – если бы я услышала все, что вы мне сказали, до несчастья, которое обрушилось на мою голову, то я бы не придавала вашим словам ни малейшего значения... Я, может быть, ответила бы черной неблагодарностью на ваш добрый привет. Но теперь мое сердце открыто для раскаяния и для человеческих чувств... Кровь благородных мучеников, Рочестера и Мора, вопиет о возмездии!.. Я должна умереть! Но я умру без ропота и без позорной слабости; я буду повторять себе до последней минуты, что если Генри Перси простил меня за прошлое, то и Господь отпустит мне мои прегрешения.

Лицо Нортумберленда исказилось от непосильной муки.

– Анна! Моя возлюбленная, моя прежняя Анна! Зачем

упоминать о вечном расставании? – прошептал он, пытаясь сдержать непокорные слезы и осыпая нежными, жаркими поцелуями ее бледные руки.

– Нет! – сказала спокойно и твердо королева. – Я должна умереть!.. Но молись за меня, друг моей беззаботной, благословенной молодости! – продолжала она, подавая ему старинное распятие. – Взгляни на этот крест! На нем отмечен торжественный день моего причащения; один он был свидетелем моих слез и страданий! Ты должен сохранить его на память обо мне и отметить на нем день и час моей казни!

Глава XXIX

Генрих VIII

– Ну, так что же, прочти и избавь меня поскорее от этой дребедени! – сказал Генрих VIII.

Он был уже в постели; пуховая перина охватывала нежно его грузное тело, и король, очевидно, чувствовал себя умиротворенно, лежа под белой простыней и темно-фиолетовым атласным одеялом, вышитым серебром.

Граф Эссекский стоял около его кровати и держал кипу писем и деловых бумаг.

– И ты думаешь, что печаль ее будет непродолжительной? – спросил король.

– Без всякого сомнения! – отвечал лорд Кромвель. – Мы не могли предвидеть, что она будет их сопровождать.

– Так на нее сильно подействовали вопли Анны Болейн?

– Ни больше ни меньше, чем на другую женщину: все они слабонервны. Но я вполне уверен, что несколько прогулок вернут спокойствие леди Сеймур.

– Мне крайне неприятно, что ей пришлось присутствовать при этой гнусной сцене! – сказал с сердцем король. – И как могло случиться, что из числа всех фрейлин одна только она очутилась на барке?

– Я этого не знаю, – отвечал граф Эссекский. – Вспомни-

те, что меня не было в это время в Гринвиче и я не мог ни предвидеть, ни поправить случившееся.

– Все это тем не менее весьма досадно! – сказал Генрих VIII. – Сеймур может подумать, что у меня дурной и капризный характер; ей бы вовсе не следовало быть при этом скандале!

– Да, но она была! Теперь уже поздно предаваться отчаянию, – возразил лорд Кромвель с заметными нетерпением.

Ему страшно наскучили стенания короля, а вдобавок и Джейн Сеймур со дня сцены ареста не давала ему ни минуты покоя; она приставала к нему с просьбой ходатайствовать перед королем о ее увольнении.

– Я вижу, что Сеймур совсем меня не любит, – проговорил король после короткой паузы.

– Этого не может быть! – возразил граф Эссекский.

– Ты говоришь искренне?

– Без всякого сомнения! Вы увидите сами, что, как только вы сделаетесь человеком свободным, она, не задумываясь, изъявит согласие быть вашей женой.

– Ты в этом убежден?

– Да, так же твердо, как в том, что стою перед вами.

– Я хочу тебе верить, я должен тебе верить! – проговорил король.

– С чего же начать? – спросил первый министр. – С письма королевы...

– Не смей титуловать ее отныне королевой! – взревел Ген-

рих VIII. – Говори просто «Болейн», без всяких эпитетов...

– А вот письмо от вашего епископа, – доложил граф Эссекский.

– А! От лисицы Краммера! Ха-ха-ха! – отвечал с громким смехом король. – Я убежден заранее, что в нем взвешено каждое выражение. Прочти его скорее – оно меня позабавит! Он теперь страшно трусит, но его опасения совершенно напрасны: ему только придется сделать то, что я пожелаю. А я желаю открытого, формального развода! Я хочу, чтобы память о презренной Анне Болейн была обречена на такой же позор и на те же проклятия, которые народ шлет ей со всех сторон. Ее имя должно погибнуть вместе с ней!

Кромвель не отвечал; он сломал печать, которую епископ приложил, очевидно, нетвердой рукой.

Письмо Краммера было следующего содержания:

«Ваше Величество!

Имею честь уведомить, что я, повинуюсь приказанию Вашему, переданному мне письменно Вашим секретарем, прибыл уже в Ломбет...»

– Какая, в самом деле, великая услуга! Да разве он посмел бы не поехать туда? – заметил король.

«...где и буду ждать, пока Ваше Величество не соизволит выразить мне яснее свою волю».

– Да, мы сделаем это, когда настанет время, не сомневайтесь, почтенный Краммер! – сказал Генрих VIII.

«Так как это письмо вменяет мне в обязанность не являть-

ся к Вам лично, я не смею повергнуть к августейшим стопам Вашим выражение моей глубокой преданности и довольствуюсь искренними молитвами к Всевышнему. Я верую всем сердцем, что Его милосердие облегчит Вашу скорбь и укажет Вам, как положить ей конец...»

– Да, да, достойный Краммер, будет и конец, вы нам в этом поможете! – сказал король, закутываясь плотнее в одеяло.

«Что оно вам поможет переносить с покорностью испытания и даже принимать их с сердечной благодарностью!..»

– И даже с благодарностью! Фраза очень эффектная, не правда ли, Кромвель?

– Да, она недурна! – отвечал граф Эссекский с недовольной миной.

Он вообще недолюбливал замечания в адрес Краммера, так как в душе признавал их общность, но продолжал читать с той же невозмутимостью.

«Я вполне понимаю, что Вы, Ваше Величество, находитесь теперь в трудном положении, так как слухи, которые распространяются сейчас в обществе, задевают отчасти Ваше имя и честь».

– Дерзкий! – воскликнул Генрих, побагровев от гнева. – Как он рискнул коснуться подобного вопроса?

Но Кромвель счел за лучшее промолчать и продолжал читать с тем же бесстрастным видом:

«Чем бы ни вызывались эти разноречивые и обидные слухи, клеветой или истинными фактами, но эти затруднения

– первое испытание, ниспосланное в Ваше благодатное царствование».

– Откуда он это знает? – проворчал едва слышно и сурово король.

«Провидению угодно доставить Вам возможность доказать всему свету, что Вы принимаете, склоня смиренно голову перед Высшей волей, и дары и невзгоды, и если Ваше сердце преисполнится чувством христианской покорности, то подвиг тот будет блистательнее всех подвигов, снискавших Вам любовь английского народа, и тогда, без сомнения, Господь вознаградит Вас, как Он вознаградил терпеливого Иова».

– Почтенный Краммер льстит без зазрения совести! – сказал Генрих VIII. – Я знаю превосходно, что во мне нет и не было ни малейшего сходства с многострадальным Иовом! А скажи-ка, Кромвель, это все первый пункт?.. Оставь его в покое и перейди ко второму.

Граф Эссекский нахмурил брови и продолжал:

«Если бы люди здраво смотрели на вещи, то они, разумеется, пришли бы к убеждению, что обидные слухи, взволновавшие общество, способны навредить чести королевы, но никак не Вашей...»

Король заволновался и привскочил в постели.

– Не прекратить ли чтение? – спросил его Кромвель.

– Нет! Нужно же нам узнать, к чему он клонит, читай скорее!

Граф Эссекский вернулся опять к посланию Краммера, а король опустил с тяжелым вздохом голову на мягкие подушки и начал снова слушать.

«Все то, что я узнал, встревожило меня невыразимо, так как ни одна женщина не внушала мне столько любви и уважения, как королева Анна, и никто, кроме Вас, не имел таких прав на мою благодарность. Мое сердце отказывается верить в ее виновность!»

– Он, как видно, не знает, что она потеряла навсегда свою власть. Если бы он лучше знал положение дел, то не стал бы ей делать подобных комплиментов, – заметил вскользь король.

«Моя преданность ей заставляет меня просить Ваше Величество позволить мне молиться за нее, как и прежде. Сам Господь повелел нам любить наших ближних, а королева Анна была еще вдобавок моей благодетельницей».

– Какой пышный набор пустых и громких фраз! – сказал Генрих VIII с язвительной насмешкой. – Но продолжай, Кромвель!..

Граф Эссекский еще сильнее нахмурил брови, но продолжал читать с той же невозмутимостью:

«Все это тем не менее не помешает мне отнести к числу предателей всякого, кто дерзнет принимать ее сторону, если она виновна и нарушила долг, после того как Ваша державная рука перенесла ее с низших ступеней общества на английский престол...»

– Как? С низших ступеней? – вскричал Генрих VIII, задыхаясь от гнева. – Да разве я надел бы королевский венец на женщину другого сословия? Анна Болейн в родстве со всей английской знатью; ее мать – дочь могущественного и гордого Говарда!.. Я желал бы узнать, от кого происходит distinguished Краммер?.. Но кто не знает, что все эти безродные, сомнительные личности, эти выскочки, выползшие Бог знает как из тины, отличаются наглостью и нравственной испорченностью... Их никогда не следует вытаскивать из грязи! Возьмем хоть Краммера! Как он теперь относится к Анне Болейн, которой обязан всем тем, что имеет. Он не рискнул сказать в таком длинном письме ни единого слова, способного смягчить мой гнев и убедить меня пощадить виновную; он, напротив, называет предателем того, кто решится заступиться за нее!.. Возмутительно, низко... грязно до отвращения!.. Но от таких людей нельзя ждать иного! Бросьте это письмо! – добавил он надменно-повелительным тоном. – Если же вам жаль уничтожить его, то сохраните этот образец человеческой низости.

– Прикажете ли прочесть вам и второе письмо? – спросил Кромвель с ледяной холодностью.

– Да, пожалуй, – сказал король с недовольным выражением лица. – Оно подано мне два дня назад.

Кромвель приступил к чтению письма Анны Болейн, присланного из Тауэра².

² Письмо это найдено в бумагах Кромвеля, так же как письмо Краммера.

«Ваше Величество!

Ваш гнев на меня и мое заточение были так неожиданны, что я даже не знаю, с чего начать письмо и в чем оправдываться! Мое положение тем еще затруднительнее, что заклятый мой враг передал мне устно приказание Ваше сознаться во всем, без чего я не буду помилована. Прибытие в Тауэр этого человека доказывает, что Ваши чувства ко мне изменились. Повинуясь охотно Вашей державной воле, я готова сознаться с полным чистосердечием в том, в чем виновата, но прошу Вас не думать, что страх за свою жизнь может меня заставить сознаться в возмутительном и страшном преступлении, которого я не совершала. Говорю Вам по совести: на свете мало женщин, выполняющих долг свой так строго и так честно, как его исполняла всегда Анна Болейн. Я вовсе не желала покинуть ту среду, в которой жила, если бы Ваша воля не изменила мое положение!.. Я взошла на престол, но не забывала, что могу подвергнуться опале и немилости; я знала, что обязана королевским венцом минутному капризу и что Ваша любовь может очень легко обратиться на другую. Вы дали мне титул английской королевы и, еще того более, почетное звание вашей жены и друга; если я и другие думали про себя, что я не заслужила таких великих милостей, то Вы, Ваше Величество, считали меня достойной любви. Не дайте же наветам врагов моих изменить это доброе мнение и бросить тень на честь Вашей жены и матери Вашей дочери. Прикажите

судить меня с неумолимой строгостью, но исключите недругов из числа моих судей и моих обвинителей. Пусть допрос производится открыто, перед всеми! Я буду отвечать без всякого смущения, я не стану краснеть: мне нечего утаивать! Тогда одно из двух: Вы или убедитесь в моей полной невиновности и вернете мне Ваше расположение, или будете вправе поверить возведенным на меня обвинениям. В том и другом случае Вы узнаете истину, и тогда, как бы ни был строг приговор, он не ляжет на Вашу совесть. Мне хорошо известно, что Вы, Ваше Величество, желаете вступить в брачный союз с другой, и это объясняет причины моей опалы и перемены в Ваших чувствах. Если это желание превратилось в решение, то я буду, естественно, осуждена на смерть; но смерть еще не все: мое доброе имя должно быть обесславлено, чтобы открыть Вам путь к союзу с этой женщиной. Желая от души, чтобы Господь простил Вам и моим врагам этот тяжелый грех и не заставил Вас в судный день тяжело поплатиться за Ваше бессердечие.

Желаю также, чтобы Ваш гнев обрушился лишь на меня и не распространился на моих верных слуг, которые подверглись, как и я, заточению. Молю Ваше Величество пощадить их: это моя единственная и последняя просьба!.. Если Анна Болейн была когда-нибудь близка Вашему сердцу, то окажите мне это благодеяние, и я не стану тревожить Вас ни жалобами, ни даже пожеланиями, чтобы Господь охранил Вас от всякого несчастья и продлил Вашу жизнь.

Остаюсь и в печальных стенах страшного Тауэра
Вашей верной и преданной женой

Анна Болейн».

Кромвель сложил письмо, но продолжал стоять неподвижно, ожидая какого-нибудь замечания относительно прочитанного послания.

– Опустите мне занавес! – сказал Генрих VIII. – Меня клонит ко сну!.. Вы должны прибыть завтра в Тауэр раньше остальных.

Мягкий бархатный занавес скрыл роскошное ложе; свечи быстро погасли, и граф Эссекский вышел неслышно, приотворив осторожно дверь королевской спальни.

Спалось ли в эту ночь повелителю Англии – история умалчивает об этом обстоятельстве.

Глава XXX

Посещение

Старинный замок Уайтхолл, разрушенный пожаром в 1697 году, возвышался над берегом величественной Темзы.

Он был сооружен Робертом ди Гюрри, графом Кентским, во время царствования Генриха III. Этот граф уступил его впоследствии монахам, а они продали его потом Уолтеру Грейю, епископу Йоркскому, который и велел называть его Йоркским.

Последним из обитателей этого замка был знаменитый кардинал Уолси, отделавший его изящно и роскошно.

Когда кардинал Уолси впал внезапно в немилость, король Генрих VIII завладел этим замком и сделал его местом своего пребывания.

Но, несмотря на это, все убранство замка напоминало о кардинале Уолси: лепные украшения и редкие картины были с его вензелями; даже на самых мелких вещах был его фамильный герб или девиз; помещения сохраняли данные им названия: «комната кардинала», «библиотека кардинала» и прочее.

И чем дальше, тем больше упрочивались эти воспоминания; сторожа сделали из них средство наживы, обращая на эти знаки внимание посетителей и получая дань за свои ком-

ментарии.

Граф Эссекский прошел из спальни короля на большую галерею, где кардинал Уолси часто прогуливался в свободное время, любуясь богатой коллекцией находившихся в ней редких произведений. Стены этой прекрасной и большой галереи были увешаны художественно выполненными портретами всех епископов, предшественников Уолси; эти бледные, строгие, величественные лица глядели из золоченых рам; только одна из них, отличавшаяся от остальных изяществом отделки, была пуста, так как Генрих VIII приказал в пылу гнева вынуть и уничтожить превосходный портрет кардинала Уолси.

Проходя мимо этих неподвижных фигур, облаченных в роскошные кардинальские мантии, граф Эссекский взглянул почти непроизвольно на опозоренную, опустевшую раму.

Он подошел задумчиво к высокому камину и машинально поднес худые руки к углям, догоравшим на золотой решетке.

«Я часто здесь работал, – подумал лорд Кромвель. – Боже мой! Как я был встревожен и смущен, когда предстал в первый раз перед кардиналом. Он нередко приказывал переносить сюда письменный стол в летнюю пору. Вот еще человек, пользовавшийся доверием короля и сброшенный внезапно с громадной высоты своего положения. Но я не допущу ничего подобного! Я вдвое осторожнее кардинала Уолси и, что важнее, вдвое предусмотрительнее! Я решил принять поддержку, предлагаемую мне графом Нортумберлендом, а

этот своеобразный человек скорее умрет, чем поступит наперекор своей совести.

Боже, с каким презрением отзывался король о прошлой жизни Краммера!

Нет, я должен создать тысячи затруднений! Я не могу без этого рассчитывать на прочность моего положения: король, не задумываясь, сбросит меня в ту тину, из которой я, по его выражению, выполз, когда убедится, что я ему не нужен. Мне, может быть, и следовало бы поддержать Анну Болейн... но родные ее не замедлят сгубить меня. Что за пытка, Создатель, быть всегда настороже, постоянно бояться то того, то другого и исполнять каторжный труд, чтобы удержать добытое!»

Через час граф Эссекский уже стоял у дома Нортумберленда; с ним было двое слуг, вооруженных с головы до ног. На Кромвеле был плащ из темной грубой ткани.

Нортумберленд успел уже вернуться из Тауэра, его очень обрадовала и даже успокоила перемена, произошедшая в чувствах Анны Болейн, но участь, ожидавшая ее, приводила его в глубокое отчаяние.

Он был разбит усталостью и волнениями, но благотворный сон не шел к нему. Граф сидел в кабинете, погруженный в глубокое и грустное раздумье.

– Почему у меня отняли право оберегать этот нежный цветок? – прошептал он печально. – Анна была чиста и слаба, как голубка, в первый раз вылетевшая из родного гнезда.

да; я бы укрыл ее от бурь и непогоды и обеспечил бы ей спокойную, почетную и счастливую жизнь... Король любил ее... но что же его любовь дала ей в результате?.. Он надел на ее головку королевский венец, на котором была кровь благородной страдальницы, изнывавшей в Кимблтоне, и Анне предстоит смыть своей кровью эту чистую кровь... И он еще решился включить меня в число ее судей и обвинителей!.. А лорд Кромвель? Боже, какая низость, какая возмутительная нравственная испорченность!.. Хотелось бы знать, за что он ненавидит и преследует Анну? Я спрашивал у нее, но и она не знает причины его ненависти.

Шум шагов и говор у подъезда прервали размышления Перси; минуты через две граф Эссекский вошел к нему с привычным невозмутимым видом.

– Милорд! – произнес он с приветливой улыбкой. – Я явился узнать, довольны ли вы мной или, вернее сказать, тем, как я исполнил свое обещание?

– Да, и я, поверьте, исполню свое с такой же точностью, – сказал Нортумберленд, намекая на сумму, которую обещал заплатить сверх бриллиантов.

– Нет, для меня достаточно и того гонорара... Я явился сюда совсем с иной целью, – проговорил Кромвель.

– Я не привык пользоваться уступками, – сказал спокойно Перси, – вы получите то, что вам обещано!.. Но если вы решитесь спасти ее от смерти, то я отдам вам с радостью все мое состояние.

– Я вовсе не столь влиятелен, милорд, как вы полагаете! – возразил граф Эссекский. – Я только исполнитель воли его величества. Я сделаю все, что от меня зависит, и решил прийти в это позднее время, чтобы доставить вам удовольствие, а именно сказать вам, что право посещать королеву в тюрьме остается за вами до последней минуты ее жизни.

– Я не в состоянии выразить мою признательность за это одолжение! – сказал Нортгумберленд. – Но почему бы вам не попытаться сделать все, что можно, чтобы спасти ее?.. Подумайте, милорд! Ей только двадцать лет... Тяжело умирать в полном расцвете сил от руки палача!.. Притом вы знаете, что она невиновна в том, в чем ее обвиняют!

– Невиновна, милорд? – перебил граф Эссекский. – Это легко сказать! Судьи в Вестминстер-холле считают иначе.

– Но разве на одном заседании можно было выяснить все подробности дела? – спросил с ужасом Перси.

– Ну да, сегодня вечером, ровно в восемь часов, суд объявил виновными сэра Генри Норриса, Уотстона и Бартона.

– На чем же он основал свое постановление, на каких доказательствах и на каких уликах? – восклицал гневно Перси, схватив руку Кромвеля и сжимая ее с нечеловеческой силой. – Если они виновны, то и она, естественно... Нет, это невозможно!.. Она сказала мне, что невиновна... Я верю ей! Да говорите же, говорите, милорд! Не сжигайте мою душу на медленном огне! И с каким хладнокровием вы объявили мне об этой катастрофе, об этом вопиющем, возмутитель-

ном приговоре!.. Объясните немедленно, на каких доказательствах основано такое поспешное решение?

– На личном и правдивом признании подсудимых! – отвечал граф Эссекский.

– И они все сознались?

– Разумеется, все.

– И суд признал их всех виновными?

– Да, исключая Марка, так как он открыл истину раньше других.

– Ну а остальные?..

– Остальные?! – сказал хладнокровно Кромвель. – Да как вам сказать! Все эти господа любили королеву... Норрис даже рискнул сказать перед судом, что он скорее позволит вырвать свое сердце, чем унизит себя ложными показаниями.

– Но ведь он и не мог обвинять ее в том, чего она не совершала! Боже, какое варварство! Орудие защиты превращается тут же в орудие обвинения, и заявление Норриса, которого считают ее первым сообщником, еще быстрее толкает ее в пропасть.

– Суд не придавал значения свидетельству Норриса именно потому, что признает его ее главным сообщником! – возразил граф Эссекский.

– Зачем же в таком случае он признает свидетельство того, кто ее обвиняет?

– Это естественно! Обвиняя ее, Марк признает в то же время и свою вину!

– Ну а вы полагаете, что его не склонили на лжесвидетельство под страхом смертной казни? Лорд Кромвель, граф Эссекский! Ответьте мне по совести, уверены ли вы, что Марку заранее не обещано помилование? Нет, за всем этим кроется возмутительный заговор против Анны Болейн! Гнев Божий тяготеет над ней, и она, несомненно, искупит своей кровью ошибки молодости! Но пример ее казни послужит тем не менее спасительным уроком для каждого из тех, кто старался ускорить ее гибель, хотя и сознавал себя виновнее ее!

– Милорд! Вы упускаете из виду, что участь Анны Болейн зависит исключительно от воли короля, а я не думаю, что его величество дорожит ее жизнью. Он властен помиловать, даже если суд признает ее виновной!..

– Я знаю, – перебил с негодованием Перси, – и весь свет будет знать, что смерть Анны Болейн была давно задуманным и решенным делом и единственным средством возвести на английский престол другую женщину.

– Трудно спорить с подобной истиной! – отвечал граф Эссекский. – Вы поймете поэтому, что я не в состоянии защитить королеву и рискую подвергнуться опале и изгнанию, давая вам возможность навещать ее в Тауэре.

– Верю вашим словам, но прошу тем не менее не закрывать мне вход в ее тюрьму. В противном случае прикажите убить меня, не дожидаясь ее суда и казни! – воскликнул Нортумберленд с мольбой.

– Милорд! – сказал Кромвель. – Мне очень больно слы-

шать, что вы меня считаете участником событий, в которых я играю роль простого зрителя и слепого орудия чужой воли.

– Извините меня! – ответил ему Перси. – В этих словах не крылось никакой задней мысли; я расстроен теперь физически и нравственно, и это отражается на моих выражениях. Мои приемы были менее угловаты, когда я жил в столице; я одичал в лесах пустынного Альнвика. Нужно быть снисходительным к ошибкам тех людей, сердце которых разбито, как мое, на заре жизни! Но вы не охладели, не умерли, как я! Вы любите золото и почести, и я даю вам слово дать их вам и не заставить вас раскаяться в вашем добром желании оказать мне услугу. Я прошу об одном: дайте мне возможность видеть Анну Болейн до ее последней минуты.

Глава XXXI

Суд над Анной Болейн

На следующий день, с наступлением рассвета, в одном из залов Тауэра, известном под названием Королевского зала, поставили помост, обнесенный прочной деревянной решеткой и устланный мягкими, дорогими коврами.

Ровно в восемь часов в зал вошел президент в сопровождении двадцати шести лордов, избранных королем в судьи Анны Болейн.

Впереди лордов, надменных представителей знаменитых фамилий, шел великий викарий королевства лорд Кромвель, граф Эссекский. Затем появились маршал Англии, старый герцог Норфолк, Чарлз Брандон, герцог Саффолк, зять Генриха VIII; граф Оксфорд, носивший кроме этого титул графа Ирландского и маркиза Дублина; Генри, маркиз Экзетер; Джон, граф Эрондел, вице-адмирал Англии; графы Вестморленд из Суссекского графства; Чарлз Сомерсет, граф Ворчестер; Стоил, граф Дерби; Тома, лорд Одли, креатура Кромвеля; Томас Уэст, лорд Деллауэр; Эдуард Бегтон, лорд Монтегю, знаменитый юрист, брат которого ходатайствовал в бракоразводном процессе принцессы Арагонской и Генриха VIII. За ними следовали лорд Дакр, Морл, Малтраверс, Моутэнгл, Клинтон, Гоббам, Сандс, Виндзор, Бург, Морда-

унт, Уэнтворт и Грей, лорд Повиц.

Дверь, прикрытая слугами после окончания шествия, открылась еще раз, и граф Нортумберленд вошел в зал заседания вместе с графом Рэтлендом.

Глаза всех обратились с любопытством на Перси: он был ужасно бледен и явно расстроен, но тут же превозмог свою слабость и поклонился лордам спокойно и с достоинством.

Президент еще не открыл заседание, так как публика занимала места, отведенные для нее за решеткой помоста, и громадный зал наполнился смешанным однообразным гулом.

Судьи Анны Болейн разделились на группы, и в этих группах шли оживленные толки.

Граф Эссекский отвел в амбразуру окна лорда Деллауэра.
– Милорд! – сказал он шепотом. – Король поручил мне выразить вам уверенность, что ваша преданность ему не изменит в настоящий момент. Не скрою от вас, – продолжал граф Эссекский, – что я поторопился воспользоваться этим благоприятным случаем и напомнил ему, что вы сильно желаете получить земли, принадлежащие Шервиллскому аббатству. Король заметил мне, что вы уже получили восемь угодий, но я надеюсь, что желания ваши не замедлят исполниться.

– Я буду вам за это глубоко благодарен, так как я в долгах по уши, – отвечал лорд Деллауэр. – Король любит, чтобы лорды, состоящие в свите, жили не по средствам, с разори-

тельной роскошью.

Граф еще не успел отойти от окна, как к нему подошел неожиданно граф Виндзор, но не с покорной просьбой, а с желчной укоризной.

– Милорд! – сказал он вспыльчиво. – Вам хорошо известно, что со мной поступают весьма несправедливо: я вовсе не намерен менять свое поместье Стэнуэл на черт знает какое! Это мое родовое наследие, и я не уступлю его ни за какие деньги.

– Я уже говорил об этом с королем! – отвечал граф Эссекский. – Я сделал все, что мог, чтобы убедить его изменить решение, но не достиг никаких результатов... Нужно сказать по правде, что вы сами мешаєте мне устроить ваше дело! Вы всегда защищаете черное духовенство, восстаете против новых порядков!.. Вы даже не захотели поставить нас в известность о том, чьей стороны будете держаться в обвинительном процессе против королевы.

– Милорд! – воскликнул гневно и надменно Виндзор. – Анна Болейн – единственная виновница расхищения собственности нашего духовенства... Я ее ненавижу всем сердцем... Я считаю ее пропащей женщиной, оскорбившей церковный и гражданский законы согласиєм вступить в брак с женатым человеком!.. Но я не в состоянии предусмотреть заранее, что подскажут мне мой долг и моя совесть. Как знать, не покажется ли мне эта женщина, виновная во многих возмутительных проступках, совершенно не причастной к воз-

веденным на нее тяжелым обвинениям? Я католик, милорд, и останусь католиком до конца моей жизни; я это повторю с глубоким убеждением перед всей Англией!..

– И я тоже католик, поверьте мне, милорд! – перебил граф Эссекский.

– Все это не имеет никакой связи с обменом поместья! – возразил граф Виндзор с заметным нетерпением. – Я не могу отдать родовое наследие в чужие руки!..

– Не противьтесь, милорд! – ответил граф Эссекский. – Я прошу вас об этом ради вашей же пользы. На вас возведено множество обвинений... Вы пользуетесь своим влиянием на вассалов, и они порицают дела об упразднении нескольких монастырских обителей. Король вовсе не хочет отнять у вас поместье, но он считает нужным переселить вас в более отдаленную местность.

– Я уже вам объяснил, что не соглашусь ни за какие деньги отдать в чужие руки отцовский дом.

– Жалею от души, что вы не принимаете мои благие советы, – отвечал лорд Кромвель.

Граф Рэтленд тем временем сел около Перси, которого глубоко уважал как представителя древнеанглийского дворянства, и старался по мере сил успокоить его дружескими словами.

– Не тревожьтесь, милорд! – говорил он ему. – Я не слышал еще ни единого слова, способного внушить опасения за участь королевы.

Нортумберленд пожал ему руку.

– Допрос, как говорят, начнется с ее брата, – продолжал граф Рэтленд. – Я слышал, что все судьи в восторге от поведения Рочфорда! Хладнокровное мужество этого человека поразило, как видно, даже его врагов! Вообще вряд ли будет вынесен слишком строгий приговор: не все лорды, попавшие в число судей, преданы королю.

– Вы видели, однако, – отвечал тихо Перси, – как они поспешно признали виновность Норриса, Уотстона и Бартонна как участников заговора против его величества. Где они нашли следы заговора? Большинство лордов действуют ради своих личных выгод, и, поверьте, в данный момент они озабочены не столько судьбой королевы, сколько благоволением к Кромвелю короля, дозволившего ему занять первое место в их торжественном шествии. Но довольно о них! Что бы они ни думали, но на ее спасение нет никакой надежды.

– Покажите мне, пожалуйста, кто из них герцог Норфолк? – спросил широкоплечий, коренастый торговец, сидевший за помостом недалеко от Перси.

– Да вот он, стоит в самой середине, с лысой головой! – поспешил объяснить пришедший с ним товарищ. – Я давно знаю герцога; я был на процессе, когда судили Букингема. Норфолк был тогда президентом суда, и если бы ты видел, как спокойно он объявил решение! Можно было подумать, что он просто сказал: «Ступайте прогуляйтесь!»

– Неужели так спокойно? Он что, железный?

– Железный не железный, но он такой бесстрашный и именитый воин, каких мало на свете. Отец мой поставлял ему столовую посуду и нажил порядочные деньги.

В то время как торговцы толковали о герцоге, этот суровый воин искал глазами графа Нортумберленда и, когда увидел, что он сидит с Рэтлендом, подошел к нему и подал руку.

– Рад видеть вас, милорд! – произнес он приветливо. – Вы давно не бываете на заседаниях парламента, но я помню о вас, так как знал вас ребенком! Ваш отец говорил, в то время когда мы осаждали Альнвик, что Англия найдет в вас достойного преемника славы непобедимых и благородных Перси. Судьба свела нас нынче по чрезвычайно важному и печальному поводу. Эта обязанность гнетет меня в тысячу раз сильнее, чем остальных, ведь она моя племянница!

– Желаю от души, уважаемый герцог, чтобы вы не забыли, что она ваша племянница! – отвечал ему Перси.

– Еще бы забыть! – сказал, нахмутив брови, непреклонный старик. – Она должна знать, что нельзя безнаказанно задевать честь Говардов, кровь которых течет, к несчастью, в ее жилах.

– Но, герцог, – перебил его Перси, – если Анна Болейн и виновата, то другие намного виновнее ее!

– Молодой человек! – воскликнул старый герцог, нахмутив еще сильнее свои седые брови. – Я начинаю думать, что Анна встретит в вас не судью, а защитника!

– Не знаю! – отвечал невозмутимо Перси. – Я действую

согласно моим убеждениям: мы строго судим женщин, но смотрим снисходительно на проступки мужчин.

– Вы вправе относиться так хладнокровно к делу, а я обязан смыть с себя позорное пятно! Бесславие Анны Болейн не коснулось вас, ведь она вам чужая!

– Чужая! – воскликнул Перси.

Но старый герцог Норфолк не обратил внимания на это восклицание.

– Да, притом, – продолжал он, понизив голос, – объясните, пожалуйста, что ее ожидает! Чем жить с запятнанной честью, лучше умереть. Когда церковь расторгнет ее брак с королем, ей придется бежать куда-нибудь из Англии, но людская молва нагонит ее и будет отравлять ей существование. Поверьте мне, милорд, я долго ломал голову над этими вопросами и пришел к убеждению, что смерть лучшее, что родные Анны могут ей пожелать!

Перси был возмущен до глубины души.

– Я не верю, что ваша светлость относится с таким ужасным равнодушием к этому бедному юному созданию! – отвечал он, с трудом сдерживая негодование. – Если родной отец сделал ее заложницей своих корыстных, честолюбивых замыслов, то неужели она найдет и в родном дяде только неумолимого судью? Притом вспомните, герцог, что жизнь дается Господом и что люди не вправе приносить ее в жертву своему самолюбию.

– Кончим разговор! – воскликнул старый герцог. – Ваш

тон чересчур резок и даже повелителен.

Герцог Норфолк ушел, а граф Нортумберленд занял прежнее место около графа Рэтленда. Муки его стали невыносимы: кровь стыла в жилах; сердце то замирало, то начинало биться с удвоенной силой.

– Не знаю, что со мной! – произнес он глухим, изменившимся голосом. – Я чувствую, что не в состоянии дожидаться начала заседания. Что станется со мной, когда она появится перед своими судьями?

– Успокойтесь! – сказал ему мягко Рэтленд, испуганный его почти мертвенной бледностью. – Граф Рочфорд будет вызван на допрос первым.

– Бедный, бедный Рочфорд! – прошептал Перси с искренней жалостью.

– Приободритесь, милорд! – продолжал граф Рэтленд. – Благородный, отважный и надменный Рочфорд сумеет отстоять и себя и сестру; он смутил даже своих судей. Трудно предположить, что все кончится обвинительным приговором. Я не сомневаюсь, что суд оправдает ту, которую вы желаете спасти!

– Да, ценой моей жизни, ценой моей души! – воскликнул пылко Перси. – Никто в мире не знает и не может понять, как я ее любил! Роковая случайность разлучила меня с ней, но даже в минуты непосильных страданий во мне не угасала надежда на лучшие дни. Эти дни наступили: она вполне осознала все свои заблуждения; она стала опять той, кото-

рой была в ранней юности, — кроткой, любящей и непорочной Анной!.. И вот ее сажают на скамью подсудимых, а меня избирают судьей!..

Голос Перси осекся... Раздался шум отворяемой двери, и затем наступило могильное молчание...

Но не Рочфорд появился перед оторопевшей и взволнованной публикой, а королева Анна медленно взошла по ступеням помоста; за ней шли ее фрейлины.

Королева была в черном бархатном платье; кружевная косынка прикрывала ее светло-русые волосы; ее нежное личико осунулось, но грустные, прозрачные голубые глаза сохранили свою чарующую прелесть; ее гибкая талия была так же тонка, как прежде, и вообще ее поза, движения и приемы отличались прежней своеобразной, непринужденной грацией.

Когда она из-под длинных опущенных ресниц взглянула на судей и на публику, то бледное лицо ее моментально покрылось пылающим румянцем; она скрестила руки и поклонилась лордам.

В тесных рядах сидевшей за помостом публики раздалось восклицание приветия и сочувствия, и судьи, уступая невольному порыву, привстали со своих мест и поклонились с видом глубочайшей почтительности державной подсудимой.

Но не все присутствующие поддались влиянию этой в высшей степени торжественной минуты.

Старый граф Норфолк побагровел от гнева, когда увидел Анну.

– Предлагаю вам, лорды, приступить к совещанию! – произнес он сурово. – На нас лежит теперь священная обязанность наказать виновных...

– И оправдать невинных! – проговорил за ним Нортумберленд.

Вслед за этим в рядах, где сидели судьи, началась суета. Суровый президент сердито оглянулся, чтобы узнать причину этого беспорядка, и увидел Рэтленда, поддерживавшего голову лежавшего у его ног неподвижного Перси.

Увидев королеву Анну, стоявшую на помосте в кругу судей, Нортумберленд лишился чувств.

Подбежавшие слуги поспешили отнести его в экипаж, ожидавший у ворот Тауэра. Рэтленд пошел за ними.

– Заседание открыто! – объявил громко грозный герцог Норфолк. – Лорд Перси заболел и не будет участвовать в совещании.

Глава XXXII

Леди Уотстон

– Ну, расскажи мне, что там произошло! – крикнул Генрих VIII Кромвелю, не успевшему еще снять судейскую мантию.

– Все, слава богу, кончено! – отвечал граф Эссекский. – И королева Анна, и брат ее Рочфорд осуждены на смерть!

– Так я отомщен! – проговорил король с торжествующим видом. – Она, я уверен, говорила много!

– Ну нет, она вела себя чрезвычайно сдержанно; в ней было что-то нежное и грациозное, что вызвало симпатию судей! Кое-где в рядах публики слышались рыдания. Я начинал побаиваться, что ее оправдают, но все это, к счастью, продолжалось недолго... Когда ей объявили, что она во исполнение вашей державной воли обязана отречься от царского венца и своего титула, то она отвечала, что сделает это без всякого протеста.

– Как? Она отнеслась так спокойно к потере королевской короны? – спросил Генрих VIII.

– Нет, но она заметила, что титул и венец были даны ей вами и что вы вправе взять их у нее обратно; когда ей прочитали обвинительный приговор, она привстала с кресла, прошептала молитву и сказала потом без всякого смущения,

что, несмотря на то что она не признает себя виновной, она тем не менее примет с радостью смерть, что она никогда не изменяла долгу жены и королевы, что она от души прощает своих судей и будет до конца молить Бога о счастье своего повелителя.

– Какая она хитрая и коварная женщина! – сказал гневно король.

– Одновременно с приговором получено известие о формальном разводе между вами и ею.

– И в этом документе говорится, конечно, что, поскольку открылось, что Анна Болейн жила в гражданском браке с графом Нортумберлендом, она не имела права быть моей женой и королевой Англии, не правда ли, Кромвель?

– Да, развод разрешен исключительно вследствие этого обстоятельства! – подтвердил граф Эссекский.

В то время как король беседовал с Кромвелем, два лорда направлялись к его пышным покоем по длинной галерее кардинала Уолси.

– Милорд, молю вас именем тех, кто вам дорог, откажитесь от этого безумного намерения! – воскликнул граф Рэтленд, преклонив неожиданно колени перед Перси.

– Нет, тысячу раз нет! – возразил пылко граф. – Я должен непременно увидеть короля; я должен попытаться сделать все что можно, чтобы отвести от нее удар. Притом я только пользуюсь правом каждого лорда явиться к своему повелителю.

– Да, только не в таком состоянии! – перебил граф Рэтленд. – Нет, милорд, отложите визит до завтра, примите этот искренний и дружеский совет.

– Не могу, не удерживайте меня!.. Ее жизнь висит на волоске! Ведь я буду просить только о правосудии! – сказал Нортумберленд, и Рэтленд не успел преградить ему путь, как Перси очутился у входа в кабинет своего властелина.

При его появлении король Генрих VIII изменился в лице.

– Государь! – произнес с низким поклоном Перси. – Я явился, чтобы просить вас о правосудии.

Король не отвечал.

– Вы вызвали меня ко двору, и я повиновался вашей воле; но вы приказали мне стать одним из обвинителей и судей королевы, полагая, что ревность сделает меня ее врагом. Суд осудил сегодня королеву на смерть!

Ее жизнь в вашей власти, но вы, ваше величество, желаете навлечь позор даже на ее память и, увлекшись чувством мести, бросаете тень на мое до сих пор безупречное имя. Вы говорите, что она не могла быть вашей женой, так как жила со мной в незаконном союзе. Но если бы это было так, то проступки ее задевают не вас, а меня! Скажу вам больше. Будь она моей, никто не смог бы отнять ее у меня, не взяв и мою жизнь. Вы, говорят, любили ее, ваше величество, и я любил ее, но любовь ваша дала ей бесславие и смерть, а я готов отдать все, что я имею, чтобы сохранить ей жизнь.

Верните же мне ту, которую вы называете не своей, а моей

женой, и я, не задумываясь, дам ей славное имя моих доблестных предков.

Я прошу правосудия, только правосудия! Молю ваше величество перед лицом всевидящего, всемогущего Бога не отказать мне!

– И я прошу только правосудия! – повторила женщина в длинном траурном платье, появившаяся внезапно, как воплощенный укор, на пороге королевской комнаты.

– Да, только правосудия! – повторила она, обратив блестящие неестественным блеском глаза на короля. – Ваша слепая ревность сгубила моего единственного сына! Отдайте мне его, мою гордость и радость, отдайте мне Уотстона!.. Я уже не могу просить вас о помиловании... но я пришла сказать, что я предаю вас праведному суду Всемогущего Бога! Я буду умолять Его воздать вам по заслугам: око за око, зуб за зуб, жизнь за жизнь. Припомните слова Священного Писания: «Проклятие вдовы – всепожирающий пламень!»

У вас тоже есть сын!.. Хоть он и незаконный, но ведь вы его любите больше всего на свете; вы видите в нем опору вашей старости! Но вы, не задумываясь, сгубили моего, и праведный Бог отнимет у вас вашего! Он иссохнет как лист, опаленный грозой, и все ваши молитвы не спасут ему жизнь!..

Я протяну мою беспомощную руку к небесам и воззову к Всевышнему: «Я еще не простила!»

И когда я узнаю, что вы, так же как и я, схоронили надежду вашей жизни, я вздохну с облегчением и попрошу Созда-

теля: «Боже! Прими мой дух! Я простила тому, кто отнял у меня единственного сына!...»

– Кромвель! – воскликнул бледный и дрожащий король. – Ее голос разрывает мне душу!.. Что же вы стоите? Верните ей сына!

– Я привык исполнять без всяких отлагательств ваши распоряжения! – отвечал граф Эссекский. – Уотстон, Бартон и Норрис казнены сегодня утром.

Глава XXXIII

Комендант Тауэра

– Боже! Придет ли Перси? Уже ночь, а он хотел прийти! Как мрачен и томителен вечер этого страшного дня!

Удастся ли ему выхлопотать помилование?

О, жизнь! Возьмите все, но оставьте мне жизнь! Как удар грома поразили меня роковые слова: «Осуждена на смерть через обезглавливание или повешение!»

Боже! Ты дал мне силу устоять в этот страшный момент! Тебе известно, что я не виновата в этих тяжелых преступлениях! Сохрани же мне жизнь! Мне только двадцать лет!.. Будь милостив ко мне! Кровь стынет в жилах при мысли о могиле! Я хочу жить, дышать, хоть бы мне пришлось не видеть ничего, кроме печальных сводов этой страшной тюрьмы! Перестать думать, чувствовать, исчезнуть! От этих страшных слов веет леденящим холодом! Я хотела писать, но свинцовая тяжесть давит на мой бедный мозг! Увижу ли я Перси или мою камеру стали теперь стеречь еще строже, чем прежде? Безумная, безумная! Я не поняла возвышенной души этого человека! Я прошла мимо этой несокрушимой преданности и узнала ей цену лишь тогда, когда все уже безвозвратно погибло.

Анна Бoleyн скрестила бледные руки и начала прислуши-

ваться. Но она не услышала ничего, кроме жалобного завывания ветра в тюремных коридорах.

– Ничего! – прошептала она с равнодушием отчаяния. – Он поехал просить короля о помиловании, но это совершенно бессмысленно! Мне отлично известен характер короля! Нет...

Я должна сжиться с мыслью, что между мной и будущим – бездонная пропасть. Что случилось с моей дочерью? Как поступит король с этим маленьким невинным созданием? Он, быть может, отправит ее в изгнание, как Марию? Бог карает меня той же самой мукой, которую испытывала из-за меня другая: и мне, как Екатерине, отказано в возможности благословить дитя мое перед вечной разлукой!

Нортумберленд не идет!.. Я умру, не услышав ни одного сочувственного и дружеского слова!

Какой глубокий ужас наводит это могильное молчание!.. Ожидание смерти тяжелее ее самой!.. Все решено и конечно! Он, не дрогнув, утвердит смертный приговор! У Генриха VIII каменное сердце... Его воля склонялась только перед моей!..

Отец и мать моя! Зачем вы отдали меня этому человеку? Ведь вы меня любили... да и я вас люблю.

Анна стала с лихорадочной торопливостью ходить из конца в конец комнаты; через некоторое время она остановилась, и щеки ее вспыхнули: за дверью в коридоре слышались шаги.

– Нортумберленд! – воскликнула она с живейшей радостью.

Дверь тихо отворилась, но в камеру вошел не Перси, а тюремщик. В его глазах застыли смущение и тревога; он приблизился к узнице и сказал ей дрожащим от волнения голосом:

– Спрячьте это скорее! Не губите меня!.. Строгость мистера Кингстона известна всей Англии!

В руке Анны Болейн очутился пакет довольно странной формы.

– Кто вручил его вам? – спросила она шепотом.

– Тот, кого я привел к вам вчера ночью.

– Благодарю! – сказала с признательностью узница.

Тюремщик поспешно удалился.

– Я не увижу Перси! – сказала Анна Болейн с сожалением.

Она вскрыла пакет и нашла в нем письмо и чрезвычайно мелкие коралловые четки с серебряным крестом; на крестике была надпись: «Аз есть истина, путь и живот вечный!» Письмо было написано: «Леди Анне Болейн». На печати был изображен длинногривый лев и девиз дома Перси; узница сломала ее дрожащей рукой.

Нортумберленд писал:

«Леди Анна!

Я видел сегодня короля. Он был сильно взволнован визитом матери, у которой отнял единственного сына, и я начал надеяться, что он не откажется отменить приговор; но

все мои надежды рассеялись как дым: он ответил на все мои просьбы решительным отказом. Не стану Вам описывать эту нравственную пытку! Скажу Вам тем не менее, что я не потерял надежды спасти Вас. Я занял у евреев значительную сумму: Ваш тюремщик подкуплен; он берется вывести Вас незаметно из Тауэра и сядет вместе с Вами на корабль, уже готовый к отплытию с Темзы... Я лечу к капитану и уверен заранее, что побег Ваш устроится без всяких затруднений. Однако все это не мешает мне тосковать до отчаяния! Что, если они вздумают ускорить казнь?

Кровь стынет в жилах при мысли об этом! Я боюсь Вас оставить, но не могу не ехать, так как дело не сладится без моего присутствия. Я пишу для того, чтобы Вы меня не ждали: я вернусь завтра вечером.

Я все предусмотрел: корабль высадит Вас в Антверпене, и Вы найдете там обстановку, конечно, далеко не роскошную, но вполне отвечающую Вашим прежним привычкам. Вы вздохнете привычнее при мысли, что избавились от своих палачей! Я буду горячо благодарить Всевышнего, когда корабль умчит Вас от английских берегов в беспредельное море, но душа моя разрывается на части при мысли, что нам больше не суждено увидеться! Вы и я жили врозь, далеко друг от друга, но нас не разделяла чужбина! Повторяю Вам снова: откажитесь от всякой надежды на помилование! Лишь немедленное бегство может спасти Вас от рук палача. Больно Вас оставлять, но я должен отправиться и все устро-

ить, не теряя ни минуты. Если мне не придется Вас увидеть, знайте, что я беспредельно предан Вам, несмотря ни на что... и всегда! Молитесь за меня хоть изредка, Анна! Пошлю Вам маленькие коралловые четки; моя мать прижимала их с верой к груди перед своей кончиной, и я смотрел на них почти как на святыню, но без сожаления передаю их Вам. Пора ехать, Анна! Прощайте же, прощайте, мой незабвенный друг, и да хранит Вас Бог!

Генри Перси».

По лицу Анны Болейн текли крупные слезы она с благоговением прикоснулась губами к письму Нортумберленда и к коралловым четкам.

Почти в ту же минуту за дверью ее камеры послышались шаги. Анна едва успела спрятать письмо и четки, как перед ней появился комендант замка Тауэр мистер Уильям Кингстон.

– Это вы, мистер Кингстон! – воскликнула она изменившимся голосом, понимая, что это позднее посещение предвещает недоброе.

– Да, увы! Это я! – ответил он печально.

– Вы пришли известить меня, что смертный час мой близок! Не так ли, мистер Кингстон? – спросила Анна Болейн.

Комендант промолчал, но за дверью послышалось сдержанное рыдание.

– Нас, видимо, подслушивают! – сказала королева.

– Нет, там плачет моя жена! – ответил комендант.

– Почему же она не вошла сюда с вами? Я должна обратиться к ней с весьма важной просьбой!..

– Войди, Елизавета! – крикнул мистер Кингстон.

– Скажите же, когда меня казнят? – спросила Анна Болейн, и лицо ее стало белее полотна.

– Завтра утром! – ответил чуть слышно комендант.

– Да будет надо мной Его святая воля! – прошептала она. – Я предчувствовала, что меня не спасут уже ничьи молитвы! Скажите, мистер Кингстон, вы уже находились в должности коменданта в то время, когда Мор был заключен в Тауэр?

– Да! – ответил он ей.

– Так вы знали его?

– Да, я знал лорда Мора.

– Ну так Господь наказывает меня именно за него! – сказала Анна Болейн с глубоким раскаянием. – Садитесь в это кресло, – обратилась она к плачущей миссис Кингстон. – Мне придется просить вас о громадной услуге.

Когда миссис Кингстон решила наконец исполнить ее волю, Анна протянула к ней с умоляющим видом свои бледные руки.

– Миссис Кингстон! – воскликнула она с глубокой тоской. – Снимите с моей совести тяжкий грех! Дайте честное слово, что вы вместо меня встанете на колени перед леди Марией и скажете ей, как сильно я раскаиваюсь во всем, что ей пришлось вынести из-за меня. Скажите ей еще, что если бы ее мать была жива, то я бы ползала, как собака, у ног ее и

умоляла простить меня за прошлое! Даете ли вы слово исполнить эту просьбу?

– Да, клянусь именем всемогущего Бога! – сказала миссис Кингстон печально и торжественно.

В камере воцарилось на несколько минут глубокое молчание.

– Сколько же мне осталось жить на этом свете? – спросила Анна Болейн.

– Немногим более двенадцати часов! – ответил комендант.

– Мне, конечно, позволят обнять мать и отца в последнюю минуту?

– Нет, король этого не желает!

– А мою дочь... а брата?

– Пожалейте меня, – перебил мистер Кингстон. – Мне больно говорить это, но вам нельзя их видеть!

– Ну, пусть будет что будет! – воскликнула она. – Я должна покориться моей страшной судьбе. Уйдите, мистер Кингстон! Мне нужно приготовить себя к смертному часу и помолиться Богу.

Комендант удалился вместе со своей женой, но, верный привычке выполнять строго обязанности службы, не забыл положить перед Анной Болейн смертный приговор с королевской подписью.

Когда шаги Кингстона затихли в отдалении, лицо осужденной исказилось от страшного душевного волнения.

– Все кончено! – сказала она, содрогаясь от звука собственных слов. – Нужно проститься с жизнью!.. Я не увижу Перси!.. Мне придется бороться одной со страхом наступающей смерти!.. Я не лягу в постель... Пройдет немного времени, и я засну глубоким, непробудным сном!.. Да, прощайте навеки, родные и друзья, прощайте навсегда счастье, молодость, жизнь! Перси вернется завтра в это самое время... Он войдет в это мрачное и печальное здание и спросит обо мне... «Умерла!» – объявит ему равнодушно тюремщик. Как я ему признательна за четки и за крестик! Я с ними не расстанусь: их должны положить вместе со мной в могилу!

Позаботилось ли тюремное начальство оставить мне бумагу? Да, бумага оставлена, даже больше, чем нужно! Вот и мой смертный приговор! А вот и его подпись: «Король Генрих VIII»! Почерк красивый и ровный... рука его не дрогнула!.. И я с этой минуты перестаю дрожать.

Анна села к столу и начала писать.

Вот содержание ее письма.

«Лорд Перси!

Когда Вы вернетесь завтра вечером, я буду уже стоять перед судом Всевышнего... Тюремщик передал мне Ваше письмо и четки. Благодарю за дар! Я унесу его в холодную могилу. Все погибло!.. Все кончено!.. Говоря откровенно, во мне еще таилась надежда на спасение, и она окрепла после прочтения Вашего дружеского письма! Но все это, к несчастью, продолжалось недолго! У меня был сейчас комендант,

мистер Кингстон... Мой смертный приговор лежит передо мной! Мы простились навеки, я не увижу Вас! Мне не позволят увидеть даже отца и мать, даже брата и дочь! Я одна, одна, Перси, в этой страшной тюрьме! Прощайте, благородный, великодушный друг мой! Я поручаю Вас милосердию Божию! Да хранит оно Вас! Мне очень тяжело... мне страшно умирать, но если бы Вы были теперь около меня, то Вы бы, без сомнения, поддержали мое ослабевшее мужество. Но меня окружает гробовое молчание!.. О, зачем Вы уехали? Спасение мое было несбыточной надеждой. Вы летите теперь, как стрела, к своей цели и не знаете даже, что все уже закончено! Но наказание это совершенно заслуженно. Я неповинна в том, в чем меня обвиняют, и буду утверждать это до своей последней минуты. Но на душе моей лежит грех за другие тяжелые преступления! Томас Мор!.. Рочестер! Я с трудом пишу их имена!.. Я была в то время еще так молода! Я не имела понятия о жизни!.. Где Вы будете, Генри, завтра в девять часов? Шепнет ли Вам предчувствие, что в эту минуту я с ужасом кладу голову под топор палача? С того самого часа, как меня заключили в эту грозную, обращенную на север крепость, куда ко мне доносится завывание ветра, воображение со странной настойчивостью переносит меня на цветущие луга и поля, озаренные ярким солнечным светом. Эти воспоминания лишь сильнее бередят мои и без того мучительные раны и осаждают меня гораздо чаще после свидания с Вами. Помните

ли Вы, Генри, наши прогулки в ясные летние вечера? Я вижу деревенские домики, окруженные зеленью, перекидные мостики, прозрачные ручьи. Вспомните, как часто мы стояли и смотрели на лебедей, дремавших на спокойных водах, и как я восхищалась серебристым отливом их белоснежных перьев! Эти картины мирной и благодатной жизни доводят меня до безумия. Тяжело расставаться с прекрасным Божьим миром, с людьми, близкими сердцу, и с великим блаженством видеть, думать и чувствовать, одним словом – жить! Из всех моих надежд уцелела единственно одна только надежда на милосердие Божие, но я переселюсь из этой жизни в вечность с разбитой душой и беспокойной совестью! На ней лежит так много грехов. Молитесь за меня! Мне это необходимо!

Меня теперь заботит больше всего на свете невозможность добраться до принцессы Марии, но жена коменданта дала мне сегодня слово исполнить за меня этот священный долг и вымолить у нее прощение, которое я не имею времени испросить у нее лично. Но прощайте, прощайте! Время летит; час казни приближается. Благодарю за все, что Вы для меня сделали и что хотели сделать! Пусть Бог вознаградит Вас, мой благородный Генри, за Вашу бескорыстную, неизменную преданность! Я была недостойна этой святой любви!

Молитесь за меня!..

Анна Болейн.

Тауэр, 18 мая 1536 года.

Р.С. Тюремщик обещал мне передать Вам распятие, единственного друга, которого судьба оставила при мне в последние минуты. Сохраните его на память обо мне и еще раз прощайте. До свидания в вечности!»

Сложив письмо, осужденная начала писать к графу Уилширскому.

Вот что написала несчастная королева своей родной семье:

«Мой отец, моя мать!

Когда это письмо попадет в ваши руки, окровавленный труп вашей несчастной дочери будет уже в могиле. Я знаю, что вы горько сожалеете о троне, с которого судьба свергла меня так непредвиденно и на который мне было бы гораздо лучше никогда не всходить!

Страшен роковой день, когда я перешла из королевской ложи на Гринвичском турнире в мрачную бездну Тауэра; острым ножом пронзает душу воспоминание о шумном ликовании, происходившем три года назад, и о легионе барок, которые покрыли Темзу и с которых разносились приветствия английской королеве. Отец! Я помню, как Вы торжествовали, когда земля дрожала от пушечной пальбы из крепостных орудий, которой меня встретил в то блаженное время этот же самый Тауэр, где я теперь сижу в ожидании казни. Простите мне, отец, эти воспоминания! Но теперь эти крики сменились могильной тишиной!..

Мне отказано даже в возможности проститься с Вами, с матерью, с Джорджем. Но ко мне провели жену моего брата и позволили ей наговорить мне тысячи оскорбительных слов и даже принуждать меня сознаться в преступлении, которого я и в мыслях не совершала.

Но в душе моей нет уже места мщению, и я от всего сердца прощаю леди Рочфорд, хотя и признаю, что она была главной причиной моей гибели. Прошу Вас убедительно не упрекать ее за меня и за брата: она сгубила нас под влиянием безумной и безграничной ревности! Покоритесь, отец мой, воле Господа Бога и снесите безропотно одиночество, в котором Вам придется доживать Вашу жизнь! Я не знаю, что будет с моей бедной малюткой, с моей Елизаветой! Сделайте для нее все, что от Вас зависит! Король Генрих VIII перестал, говорят, признавать ее дочерью и внушает другим, что она плод позорной, незаконной любви!.. Я прощаю ему страшную клевету, которую он хочет возвести на меня. Но Вас я умоляю: если он отдаст дочь мою на Ваше попечение, то не воспитывайте в ней честолюбивых чувств, не говорите ей о троне и власти, если Вы не хотите, чтобы ее голова попала, как и моя, под топор палача!

Это мое последнее, горячее желание и последняя просьба вашей всеми оставленной, умирающей дочери

Анны Болейн.

18 мая 1536 года».

– Все кончено! – воскликнула с содроганием узница. Она

обвела комнату странным взглядом, в котором безграничный ужас сливался с безумием.

– Завещание сделано! – прошептала она, припав головой к распятию. – Возьми меня, Боже, поскорее отсюда!.. Мой рас­судок не выдержит этого испытания. Прости мне мою сла­бость и мои прегрешения, Создатель!

Глава XXXIV

Казнь королевы

К половине двенадцатого приготовления к казни было закончено: эшафот возвышался, величавый и грозный, на площади, заполненной народом; ступени и помост были обиты черным глянцевым сукном; около плахи стоял простой дубовый гроб без всяких украшений. На высоком валу мрачного Тауэра два солдата стояли у заряженной пушки; фитиль уже дымился.

Вскоре на место казни прибыли граф Эссекский, государственный канцлер Чарлз Брэндон, герцог Саффолк и с ним сын короля, молодой герцог Ричмонд.

Кромвель был очевидно спокоен и доволен; его заклятый враг, благородный Рочфорд, был казнен на рассвете; лицо канцлера Одли ничего не выражало; герцог Саффолк стоял, опустив глаза в землю, и только герцог Ричмонд, юноша привлекательной, благородной наружности, заливался слезами. Руководствуясь ничем не объяснимым чувством, король Генрих VIII захотел, чтобы сын его, главный предмет всех его мыслей и его любви, присутствовал на этой кровавой церемонии.

С последним, двенадцатым ударом в народе послышался глухой и таинственный шепот, а потом наступило гробовое

молчание.

Анна Болейн взошла на роковой помост.

Ее сопровождали четыре фрейлины и комендант Тауэра, мистер Уильям Кингстон.

Королева была в черном атласном платье с белым шелковым шлейфом; дрожащая рука ее держала небольшие коралловые четки и маленький молитвенник.

Когда она ступила на роковой помост, то бледное лицо ее стало еще бледнее; глаза ее невольно обратились на Темзу, как будто отыскивая запоздавшего Перси; затем взгляд ее перешел на первого министра, на герцога Саффолка и на герцога Ричмонда; это были самые приближенные к ней люди; она привыкла всегда видеть их около себя на всех придворных празднествах, и вот они явились и сейчас, но явились затем, чтобы посмотреть на ее казнь. Анна Болейн вздохнула, но поклонилась им с обычной приветливостью.

– Мистер Кингстон! – сказала она совершенно спокойно, обратившись к коменданту. – Я должна вас попросить о минутной отсрочке.

Комендант поклонился в знак согласия и сказал торопливо, но мягко:

– Я советую вам избегать выражений, способных раздражить короля! Вы должны это сделать ради вашего семейства!

Она не отвечала и только взглянула на него обворожительными печальными глазами: в них было столько кроткой, безропотной покорности, что комендант был тронут до глубины

души.

Вслед за этим королева приблизилась к решетке, окружавшей помост, и поклонилась дружески толпе.

– Друзья мои и братья! – произнесла она слегка дрожащим голосом. – Не пройдет и двух минут, как я уйду в вечность... Простите же меня от искреннего сердца!

Послышались рыдания, и в душе Анны Болейн снова вспыхнуло жгучее сожаление о жизни и минувших днях ее прекрасной молодости. Она посмотрела невольно на палача: тот стоял возле плахи, держа в руке блестящую секиру. По телу осужденной пробежал легкий трепет, и она поспешила закончить свою речь:

– Молитесь за меня, мои друзья и братья! Постарайтесь забыть проступки моей молодости! Вы знаете, конечно, в чем меня обвиняют, но я не стану оправдываться: меня ждет беспристрастный и неподкупный суд всемогущего Бога; я верю себя Его святой защите!

Я смиренно молю Его за судей, вынесших мне смертный приговор, и за покой и счастье моего повелителя: он лучший из людей и был всегда внимателен и милостив ко мне!

Я вполне примирилась с моей печальной участью и молю только Господа простить мне все мои прегрешения!

Голос Анны Болейн задрожал и осекся, и она поспешила передать свой молитвенник любимой своей фрейлине, родной сестре Виата, английского поэта, бывшего в то время очень популярным.

Фрейлина оросила горячими слезами молитвенник и руку, подававшую ей этот прощальный дар.

Тогда Анна Болейн сняла с головы белую кружевную козынку, и глаза большинства присутствовавших наполнились слезами при виде этой юной прелестной головки в ореоле светло-русых кудрей.

Раздались восклицания глубокого сочувствия, крики негодования, вопли скорби.

Осужденная отвернула высокий ворот платья и обнажила нежную лебединую шею. Мужество изменило ей: дрожащие колени ее подогнулись.

Однако вскоре ей удалось превозмочь свою слабость и встать на ноги.

– Неразлучные спутницы мои! – сказала королева рыдающим фрейлинам. – Я прошу вас во имя той искренней привязанности, которую вы испытывали ко мне, не доверять останки мои посторонним! Вы видели меня на самой вершине житейского блаженства, но пройдет две минуты, и от меня останется обезглавленный труп. Я не могу выразить чувства признательности к вам за все ваши услуги, но советую вам служить с тем же усердием вашему королю и особе, которая займет мое место на английском престоле. Прошу вас вспоминать иногда обо мне и молиться усердно за упокой моей измученной души!

Королева умолкла и встала на колени – она была уже не в силах говорить.

Одна из ее женщин подошла и с содроганием завязала ей глаза.

Губы Анны Болейн посинели от ужаса; руки ее произвольно протянулись вперед, и голова безжизненно упала на плаху.

Топор сверкнул на солнце.

Воздух вздрогнул от выстрела колоссальной пушки, стоявшей на валу неприступного Тауэра; на него отвечали крики скорби и ужаса сотен тысяч людей.

Голова королевы скатилась на помост.

Полуживые от ужаса фрейлины подошли к окровавленному, еще теплomu трупy и, уложив и голову, и туловище в гроб, понесли его в часовню замка Тауэр.

В это время в Ричмонде, на одном из пригорков этой очаровательной и живописной местности, стоял, скрестив руки, человек, уверявший недавно Анну Болейн, что он ее любит превыше своей власти и даже своей жизни, человек, возложивший на ее беззаботную молодую головку королевский венец.

Когда прогремел пушечный выстрел, мрачное лицо этого человека осветилось улыбкой торжества и злорадства.

– Голова Анны Болейн уже слетела с плеч, и завтра же Сеймур будет моей женой! – воскликнул он, торопливо сходя с пригорка.

Он разорвал и выбросил донесение Кингстона о последних часах пребывания Анны в тюрьме; но копия сохранилась

в архиве тюремной канцелярии.

Мистер Кингстон писал:

«Ваше Величество!

Имею честь уведомить Вас, что я получил письмо, в котором Вы приказываете мне удалить иностранцев, находящихся в Тауэре. Я исполню это без всяких отлагательств; число этих господ довольно незначительно, и при них нет вдобавок никакого оружия; а посол императора отослал вчера вечером последнего слугу. Если час казни не объявлен еще жителям Лондона, то вряд ли можно ждать большого стечения народа, что желательно уже потому, что леди Анна Болейн объявит перед казнью о своей непричастности к проступкам, за которые ее карают смертью. Сегодня после исповеди она просила меня быть свидетелем клятвы, которую она торжественно произнесла перед святым распятием, в том, что она невиновна; через некоторое время она снова послала одного из тюремщиков за мной. «Мистер Кингстон! – сказала она, когда я вошел в камеру. – Я узнала, что казнь моя совершится не раньше двенадцати часов; меня очень печалит подобная отсрочка, я пламенно желаю умереть поскорее и перестать страдать!» Я ответил на это, что момент ее смерти будет не так мучителен, как она воображает! «Да, палач, говорят, отлично знает дело, и у меня вдобавок очень тонкая шея!» – заметила она печально, но спокойно. Верьте, Ваше Величество, мне приходилось

видеть много приговоренных, но все они дрожали и бледнели при мысли о роковой минуте; леди Анна, напротив, относится сравнительно спокойно к приближению смерти. Духовник ее прибыл к ней в два часа пополудни и провел с ней все утро.

Я считаю обязанностью своей доложить Вам подробно обо всем, что видел.

Молю усердно Господа сохранить Вас своей неизреченной милостью, прошу Ваше Величество принять заверение в глубочайшем уважении и искренней преданности

Вашего верноподданного *Уильяма Кингстона*.

Тауэр, 19 мая».

Глава XXXV

Над гробами казненных

Помост, облитый кровью, был разобран и увезен; публика, наводнявшая необъятную площадь, разошлась по домам, и Лондон и окрестности приняли прежний вид. В королевском дворце кипела бурная деятельность: там готовились к пышному, торжественному празднеству, украшали алтарь – Джейн Сеймур должна была на следующий день вступить на английский престол.

У входа в одно из подземелий Тауэра, во рву, поросшем разными колючими травами, сидя дремал мужчина очень мрачной и суровой наружности. Лицо было спокойное.

Войска были распущены; вокруг Тауэра царил прежняя тишина; взмах секиры ублажал бдительность тюремного начальства, и дела шли своим чередом.

Этот штиль после бури отразился, конечно, и на угрюмом тюремщике, изъявившем согласие бежать с Анной Болейн: он спокойно дремал, поджидая кого-то.

Легкий шорох, достигший внезапно его слуха, заставил его вздрогнуть и вскочить на ноги.

– О, милорд! – сказал он при виде человека, которого ждал. – Теперь уже слишком поздно! Сегодня ровно в полдень...

– Боже! Да разве Анна...

Лорд Перси был не в силах договорить; лицо его покрылось синеватой бледностью, и он с большим усилием устоял на ногах.

Он стоял потрясенный. Ему казалось, что чья-то холодная железная рука сдавила ему горло.

Он вернулся довольный и вполне успокоенный: капитан корабля согласился содействовать побегу королевы; он ждал ее, чтобы сняться тотчас с якоря: все переговоры Перси увенчались успехом, и все это пропало, все было уничтожено!

– Ее казнили в полдень! – стал пояснять тюремщик. – Она передала мне тихонько два письма. Я отнес одно из них, куда она велела, и приберег другое для вас.

– Умерла! – произнес с глухим рыданием Перси. – Умерла беззащитная, не встретив ничьего приветливого взгляда, не унеся с собой ни одного сочувственного и дружеского слова; умерла одиноко, не дождавшись меня.

Он упал на влажную неровную почву и залился горячими слезами.

– Мне было тяжело узнать, что вы уехали! – начал снова тюремщик. – Я не имел возможности устроить это дело без вашего содействия. Я улучил минуту и пробрался к вам в дом, но вас там уже не было... Да и, кроме того, нам бы не удалось вывести ее из Тауэра среди белого дня!

Перси не отвечал: его мужество было сломлено тяжестью

последнего удара.

Не дождавшись ни слова, ни звука, ни жеста, тюремщик продолжал тем же бесстрастным тоном:

– Вы не должны винить меня во всем этом, милорд! Ведь я не мог предвидеть, что они поторопятся, я не мог ничего изменить; я был готов служить вам, вы это сами знаете; как только я узнал ваше имя и звание, я, рискуя головой, решил сделать все, что от меня зависело, не ради интереса...

– Где ее тело? – спросил Нортумберленд.

– Здесь, в Тауэре, в часовне.

– Дайте же мне ее письмо!

Тюремщик поспешил исполнить его просьбу. Перси схватил письмо дрожащей рукой.

– Она еще нашла в себе столько силы, чтобы проститься со мной! – произнес он с отчаянием. – Боже, праведный Боже, зачем ты дал мне пережить ее казнь? Анна! Моя возлюбленная, моя бедная Анна! Сегодня утром она еще жила, дышала, говорила, и вот отняли у нее жизнь!.. Им нужна была кровь этого восхитительного юного создания?!

– Ее тело в часовне святого Петра! – сказал снова тюремщик.

– Ведите же меня немедленно туда! Я хочу ее видеть! – воскликнул Генри Перси.

Они молча спустились в подземный коридор и очутились скоро в северной части здания.

Когда они вошли в тюремную часовню, в лицо им пахнуло

влажным, гнилым воздухом.

В часовне было тихо и мрачно, как в могиле.

В ней стояли два гроба: в одном лежал труп королевы Анны, в другом – труп ее брата, графа Джорджа Рочфорда.

Дымное пламя лампы озаряло бледным светом угрюмое лицо тюремного могильщика; он приподнял тяжелую каменную плиту, закрывавшую склеп, в котором тлели кости Рочестера и Мора, и спустился в него, чтобы вырыть рядом с могилами этих мучеников две новые могилы.

Стук заступа о землю был единственным звуком, проникшим в безмолвие, которое царило под этими массивными, почерневшими сводами.

Тюремщик обвел взглядом небольшую часовню и вошел в склеп.

– Дайте мне ваш фонарь! Мне нужно на минуту посветить его милости! – сказал он торопливо.

– Возьмите! – отвечал апатично тюремщик. – Но... тише: не заденьте могилу лорда Мора... Я, право, не желаю, чтобы ее топтали.

А Перси продолжал стоять, как призрак, перед двумя гробами: он крепко сжимал грудь обеими руками, как будто боясь, что она разорвется от безысходной и непосильной муки.

Тюремщик подошел и наклонил фонарь, чтобы дать лорду возможность отчетливее видеть в окружавшем их мраке.

– Я бы хотел взглянуть на нее еще раз! – сказал с усилием Перси.

– Ну что же! Это нетрудно: гробы не заколочены, и гвозди можно вытащить клещами! – проговорил тюремщик.

– Так вы на самом деле хотите это сделать? – спросил с недоумением могильщик. – Тюремное начальство может вас наказать за это своеволие!

Но тюремщик, по-видимому, не обратил внимания на это замечание и сорвал крышку с гроба казненной королевы.

Холодный пот прошиб этих ко всему привыкших людей при виде страшного зрелища, которое предстало их глазам.

Какие муки, Господи, могли так исказить это обворожительное, молодое лицо, залитое кровью? Густые кудри Анны Болейн были немилосердно иссечены секирой, глаза были открыты, и в этом пристальном, диком взоре светилось что-то грозное, леденящее кровь; маленькая рука, искривленная судорогой, прижимала к груди коралловые четки с серебряным крестом.

Лорд Перси отступил в невыразимом ужасе.

– Творец земли и неба! – произнес он со стоном. – И это она, Анна, молодая, прелестная, грациозная Анна!.. Эти страшные, мертвые, открытые глазницы – ее прежние дивные голубые глаза? Эти чудесные длинные, светло-русые кудри... Заколотите гроб! – крикнул он повелительно. – Сви-репость человека не ведает границ.

– Вы, верно, не откажетесь, если понадобится, подтвердить, что последнее желание казненной было исполнено и четки положены вместе с ней в могилу! – сказал робко мо-

гильщик.

– Да, да! – ответил Перси. – Четки моей покойной матери лежат у ее сердца, и рука ее держит животворящий крест. Мир праху твоему, моя милая, бедная Анна!

– Я слышал, что она умерла как истинная праведница! – проговорил тюремщик. – Я не был на казни, но она, говорят, молилась так усердно, как умеют молиться только Божьи ангелы.

– Повтори еще, варвар, что она умерла как истинная праведница, что Всевышний принял ее в Свое святое лоно! – воскликнул с гневом Перси, сжав с силой мускулистую руку этого человека, который говорил с искренним сожалением о том, что не мог присутствовать на казни.

– Не гневайтесь, милорд! – сказал робко тюремщик. – Я повторил вам то, что говорят другие; я сделал все, что мог; я исполнил все то, что вы мне приказали; мне удалось облегчить положение графа Джорджа Рочфорда, чего он, конечно, никогда бы не дождался от нашего начальства.

– Ну хорошо! Довольно! – перебил его Перси. – Ройте скорее могилу!.. Я должен, я желаю отдать ее останкам этот последний долг.

Не прошло и получаса, как земля приняла в свое сырое лоно тела сестры и брата.

Лорд Перси преклонил колени у могилы, поглотившей навеки надежды его жизни, и прошептал молитву за упокой души раба Божьего Джорджа и рабы Божьей Анны.

Королева покоится в глубоком склепе Тауэра между Мором и Рочестером.

Глава XXXVI

Отец и мать

Темный вечер сменил достопамятный день казни Анны Болейн.

В большом старинном доме, недалеко от особняка, в котором жила леди Уотстон, сидели у давно погасшего камина двое пожилых бледных и угрюмых людей. Это были надменный, суровый граф Уилширский и графиня Уилширская.

– Огонь угас, как угас и мой род! – сказал старый вельможа глухим и хриплым голосом. – Мое древнее имя некому передать. Мои дети, надежда и гордость моей старости, лежат в сырой земле! Графиня! – продолжал он после короткой паузы. – У вас нет дочери!.. Да, ее у вас нет! Было бы, конечно, лучше для вас и для меня, если бы Господь Бог не дал нам детей!.. Тех, кого мы нянчили, поили и кормили, нет больше!.. Чужие люди закроют нам глаза.

Графиня отвечала на эти слова только неудержимыми, судорожными рыданиями.

– Джордж! Анна! – продолжал с суровой скорбью граф. – Вы уже не откликнетесь на свои имена! Они казнили вас, прелестных, молодых, едва начавших жить!

Каждое слово графа вонзалось острым кинжалом в сердце несчастной матери.

– Милорд, вы беспощадны! – воскликнула она. – У вас нет сострадания; вам как будто приятно растравлять мои раны!

Прощальное письмо молодой королевы лежало перед ней – оно было мокрым от слез.

Глаза старой графини приковались к нему.

– Анна написала правду! – произнесла она с тоской и упреком. – Ваше адское честолюбие погубило всех нас; она была кроткой и прелестной, как ангел, но вы подогревали в ней любовь к роскоши!.. Джордж был честен, правдив, но вы старались склонить его к притворству; ваши советы сделали его надменным и заносчивым!

– Замолчите ли вы? – воскликнул граф Уилширский, побагровев от гнева. – Спрашиваю опять, замолчите ли вы? Каждое ваше слово то же, что острый нож! Неужели я буду до конца дней моих слушать ваши упреки и обвинения? Или мало вам моих страданий? Молчите же, графиня! Ваш голос вызывает у меня припадки бешенства... ваша роль уже сыграна, ваша жизнь прожита точно так же, как и моя!.. У меня и у вас не осталось отныне ничего, а сознание этого убийственно для тех, кто, заботясь о материальных благах, забыл о вечности.

Глава XXXVII

Исповедь

Прошел год со дня казни английской королевы.

Скованная стужей земля отогревалась под дыханием весны: луга зеленели, леса оделись в молодую листву и огласились звонким щебетанием птиц.

Все проходит: смерть, война и чума, грозный бич человечества, но разбитое сердце не способно воскреснуть к новой жизни, его не отогреет никакой яркий луч.

Душевная рана графа Нортумберленда не поддавалась живительному влиянию весны; он апатично смотрел на солнце, золотившее вершины родных гор, и на чистое небо, такое яркое над лесами Альнвика.

Душа Перси рвалась из земной оболочки туда, куда не проникают измена и разлука.

Старый Гарри грустил; половина громадных владений лорда Перси перешла постепенно в чужие руки, но слуга постоянно задавался вопросом: куда исчезают суммы, вырученные от продажи угодий и земель? Всем старым слугам в замке была уже назначена пожизненная пенсия, и все вообще указывало на то, что граф Нортумберленд готовится к какому-то решительному шагу; но Гарри, несмотря на все свои старания, оставался в неведении относительно планов

своего господина.

Когда Перси вернулся из Лондона в поместье и когда Гарри встретил его у чугунных ворот, лорд сказал, не вдаваясь ни в какие подробности, что Анна умерла.

Старик понял, что слова утешения напрасны, и ничто не нарушало с тех пор глубокой тишины, царившей в Альнвике.

Она прошла как тень по подъемному мосту. И Элиа была на самом деле тенью прежней, цветущей девушки. Прекрасное лицо ее покрывала почти прозрачная бледность, глаза блестели лихорадочным блеском.

Силы изменили ей: она остановилась, чтобы перевести дыхание.

– Я наконец у цели! – прошептала она. – Кольцо будет доставлено!.. Я достигла желаемого... Я теперь не умру на соломе, в конюшне деревенской гостиницы!

Она прошла, шатаясь, два или три шага и стукнула три раза в чугунные ворота.

Через несколько минут перед ней появилась щедушная фигура старого Гарри.

Он оглядел девушку.

– Вы просите подаяния? – спросил он.

– Да! – сказала она.

– Ну так вот вам, возьмите!

Он бросил монету.

– Во имя Анны Болейн! – добавил он внушительно.

– Во имя Анны Болейн? Будь она проклята! – воскликну-

ла с негодованием девушка.

Она гневно отбросила ногой подаяние, и монета скатилась в ров, окружавший вал.

Старый Гарри взглянул с глубоким изумлением на молодую девушку.

– Как, вы бросили в ров деньги моего господина, графа Нортумберленда? – произнес он, нахмутив седые брови. – Ведь вы могли купить на них новые башмаки!

– Я не нуждаюсь больше ни в одежде, ни в хлебе! – отвечала Элиа. – Меня уже не привлекает ничто на свете; я уйду из жизни раньше тебя, старик... Я выпила до дна чашу земных страданий! Я видела громадное количество людей... Я сталкивалась с ними на площадях и улицах, но ни один из них не понял меня, не прочел в моем сердце! Да, – продолжала девушка после минутной паузы, – никто не мог сказать: «Я знаю душу Элиа!» Но силы мои иссякли... душа рвется из тела!.. Мне нельзя терять времени! Беги скорее, старик, к своему господину! Я должна его увидеть... Я явилась сюда именно с этой целью! Скажи благородному графу Нортумберленду: «Элиа у ворот, она хочет вас видеть!» Да, иди же! – добавила она повелительным тоном, увидев бессмысленный взгляд старика. – Пойми... я задыхаюсь... он не откажет мне в этой последней просьбе!.. Если бы сердце мое не умерло для жизни, то я могла бы полюбить этого человека! Он один в целом свете обращался со мной как с мыслящим созданием, один он пожалел о моей бедной молодости! Ну, чего же

ты стоишь? Зови его, старик, пока я еще в силах дышать и говорить!

– Иду! – сказал отрывисто озадаченный Гарри. – Ах, грехи мои тяжкие! – проворчал он сердито, отходя от ворот. – Каких только людей не создает Всевышний! Вот на одной неделе третья сумасшедшая!

– Как – Элиа? – воскликнул с изумлением Перси, выслушав бестолковое донесение Гарри. – Ты, может быть, ошибся... Ты теперь плохо слышишь? Неужели же это несчастное создание решило довольствоваться оседлой и однообразной жизнью в моем тихом Альнвике?

Граф, не теряя времени, выбежал из дома, пересек обширный двор и вышел за ворота.

Когда его высокая и стройная фигура появилась перед Элиа, она хотела встать, но силы ее были истощены; голубые глаза глядели с выражением глубокой благодарности на бледное и кроткое лицо Нортумберленда.

– Лорд Генри! Вы, конечно, узнаете меня? – произнесла она с печальной улыбкой.

– Разумеется, Элиа! – сказал ласково граф и наклонился к ней, чтобы помочь ей встать.

– Не могу... не могу... – прошептала она. – Смерть быстро приближается! Но я хотела видеть вас, чтобы вручить вам кольцо и попросить переслать его к леди Марии, дочери названной моей матери! – Она сняла с груди потемневшую ладанку и подала дрожащей рукой графу Нортумберленду. –

Откройте ее и возьмите кольцо; я о нем не жалею, так как иду туда, где она ждет меня, – пояснила она совершенно спокойно, указав рукой на голубое небо.

– Вы странное создание! – сказал растроганный Перси.

– Может быть! – отвечала все тем же тоном девушка. – Мне бы очень хотелось быть похороненной в одной могиле с ней, но это невозможно! Я умру, как жила... у чужого порога!

– Элиа! – перебил повелительно граф. – Вас отнесут в мой дом, вы получите мирное, спокойное пристанище, и я не позволю вам продолжать вашу страшную скитальческую жизнь.

– Благодарю, милорд! – отвечала она печально. – Но ничто не может уже лишить меня свободы! Всемогущий Господь даст душе моей крылья, и она взлетит туда, где не знают болезней, страданий и разлук. В вашей власти останется только брренное тело! Мое имя не будет красоваться на памятнике, я не оставляю, как звук, никакого следа.

Голос ее осекся, губы приняла мертвенный, синеватый оттенок, голова ее свесилась безжизненно на грудь, и роскошные волосы, которые приглаживала так часто Екатерина, обвили ее подобно прозрачному покрывалу.

Нортумберленд нагнулся и приложил ухо к груди молодой девушки: он уловил слабое, неровное дыхание.

Граф взял Элиа на руки и отнес ее в замок.

Когда она пришла в сознание, то увидела, что лежит на роскошной постели в большой высокой комнате, обитой до-

рогой золотистой тканью и обставленной прекрасной мебелью, драгоценными вазами и редкими картинами в великолепных рамах.

В ногах ее кровати сидел в глубоком кресле представительный мужчина, который опирался руками на тяжелую палку с золотым набалдашником. Это был местный врач.

– Эликсир произвел желаемое действие, как я и предупреждал! – произнес он торжественно.

– Ну, как вы себя чувствуете? – спросил Нортумберленд вполголоса у девушки.

– Благодарю, милорд, за все ваши заботы, но они, к сожалению, совершенно напрасны! – отвечала она. – Я была как-то раз у доктора Клемента... Он объяснил, что мне следует делать для своего спасения... Я ничего не сделала! Это непоправимо! – добавила она с задумчивой улыбкой.

– Зачем же в таком случае вы ходили к Клементу? – спросил строго и даже резко Перси.

– А потому, милорд, – отвечала ему невозмутимо Элиа, – что у меня в этот день... мне вдруг захотелось жить. Сэр Клемент выходил из больницы, основанной покойной королевой, а за ним шел калека, который не переставал благодарить его. «Вы меня вылечили, – говорил он, – вы дали мне возможность работать и ходить; вы вернули мне покой и счастье!» Эти слова заставили меня невольно задуматься. Я поняла вдруг, что расстаться с жизнью, перестать думать, двигаться – вовсе не так легко, как я воображала, если этот боль-

ной, искалеченный человек дорожит так своим существованием. Вот что происходило тогда во мне, милорд! Уступив внезапному порыву, я очутилась вдруг, сама не знаю как, у сэра Клемента. Он тотчас же узнал меня и поместил в больницу; он всегда относился ко мне с отеческой заботливостью. Но пребывание в госпитале оказалось для меня тягостным; я ушла. Скитаясь по свету, в непогоду, без пищи, я еще продолжала противиться болезни, но она тем не менее одержала победу. Чувствуя приближение торжественной минуты расставания с жизнью, я собрала все силы, чтобы дойти до Альнвика и вручить вам кольцо. Вы искренне хотите, я знаю, спасти меня от смерти, но доктор скажет вам, что ваши попечения напрасны.

– Ну нет, я не собираюсь говорить это графу! – проворчал провинциальный врач. – У меня есть отличные эликсиры и капли, божественные пластыри, которые излечивали многих пациентов совсем безнадежных.

– Безнадежнее, чем я? – проговорила девушка с улыбкой. – Я так не думаю!

Разговор оборвался.

– Милорд! – сказала Элиа, приподнявшись с подушек. – Я признательна вам за все заботы, но меня ничто не держит на земле. Молитесь за меня в Божьем храме, и пусть служитель Божий благословит меня перед кончиной: это все, о чем я прошу вас.

Выйдя из комнаты Элиа, лорд Перси приказал немедлен-

но позвать альнвикского священника. Это был человек тонкого ума и самых честных правил; он был правой рукой епископа Йоркского, кардинала Уолси и занимал всегда чрезвычайно почетные должности. Утомленный трудами и чувствуя приближение старости, он уехал в пустынный, отдаленный Альнвик. Прихожане обожали его за обходительность и простоту.

Прочитав записку графа Нортумберленда, он отправился в замок, не медля ни минуты. Когда его ввели в комнату больной девушки, он почувствовал сострадание к этому юному созданию, обреченному на смерть.

Бледное лицо Элиа заметно оживилось при его появлении, она торопливо приподнялась с подушек.

– Благодарю, отец мой! – воскликнула она. – Я рада от души вашему посещению; у меня стало легче и спокойнее на сердце.

Все стоявшие в комнате поспешили уйти, и священник остался один у изголовья умирающей девушки.

– Вы хотите, конечно, исповедаться и получить прощение милосердного Бога? – спросил он ее кротко и приветливо.

– Да, я желаю очистить свою совесть, – отвечала она, – но сначала хочу поведать о моем печальном прошлом.

Она остановилась; у нее потемнело в глазах, но она преодолела физическую слабость. Девушка откинула от лица свои влажные светло-русые кудри и села, оперевшись о подушки.

– Отец мой! – начала она мелодичным голосом, привле­кавшим слушателей, когда она пела баллады и романсы на площадях и улицах. – Когда осень сменяла благодатное лето, когда зелень желтела и засохшие листья падали с легким шелестом на лесные тропинки, мое сердце болезненно сжималось. Мне было больно видеть это угасание природы: птицы уже не пели, солнце не грело, все блекло и гило – и стебли, и цветы. Но мне не суждено дож­даться осени моей жизни, так как я умираю. Я мало пожила, но перенесла много испытаний. Вы должны все узнать обо мне, прежде чем отпустите мои прегрешения во имя всепрощающего и все­сильного Бога.

У меня нет семьи, нет рода и звания: меня нашли на улице и отнесли в приют, основанный на средства покойной королевы. Я прожила почти до тринадцати лет в этом благословенном доме, где с нами обращались как с родными детьми.

Анна Болейн вступила на английский престол, отняв у Екатерины и венец и любовь нашего короля, и нас бесцеремонно выбросили на улицу просить подаяния на городских улицах и ждать дождя для утоления жажды. Мы начали скитаться, но я была счастливее моих сверстниц: мне удалось обратиться в Кимблтон. Я предложила королеве принять меня в услужение и жила с той поры постоянно при ней. В мире не было женщины благороднее ее! Моя преданность ей не имела границ: я уважала в ней королеву и праведницу и целовала часто почти с благоговением край ее одежды. Через

некоторое время я даже забыла, что между мной, безродной, и ею, королевой, лежит пропасть.

Мне стало больно видеть, что вся любовь ее всецело принадлежит леди Марии. Королеве, конечно, не приходило в голову, что я жила надеждой отбить у наследницы английского престола чувства ее матери.

Время шло! – продолжала печально и задумчиво Элиа. – Не выдержав томлений болезни и изгнания, Екатерина скончалась у меня на глазах. Чувствуя приближение решительной минуты, она сняла с руки обручальное кольцо и завещала мне передать его дочери. Я поклялась тогда исполнить ее волю, но кольцо оставалось до нынешнего дня у меня. Это великий грех. Но я пришла в Альнвик, для того чтобы просить графа Нортумберленда вручить его принцессе.

Старый священник вытер невольные слезы.

– Отец мой! – продолжала с воодушевлением девушка. – Я не в силах выразить вам, как на меня подействовала кончина королевы. Я и теперь с убийственной ясностью вижу ее смертное ложе, высокую фигуру испанского посланника, стоявшего, как статуя, у ее изголовья; коленапреклоненного и бледного, как смерть, графа Нортумберленда и старого священника, читавшего вполголоса отходные молитвы. Вы не в силах понять, сколько горечи в этих воспоминаниях!

– К чему же в таком случае вызывать их из мрака безвозвратно минувшего? – спросил кротко священник.

– Нет, я выпью до дна эту горькую чашу, – возразила боль-

ная. – Вы должны все узнать. Когда она скончалась, меня охватило чувство невыносимого одиночества! Мне казалось, что земля вот-вот разверзнется у меня под ногами; передо мной встала какая-то высокая и темная стена... Этой пытки не выразить никакими словами!

– Успокойтесь, дитя мое! – сказал с чувством священник. Он знал, какие страдания посылает Бог человеку, и сочувствовал от всего сердца.

– Успокоиться? Нет, я буду продолжать: мне нужно облегчить душу! – ответила решительно Элиа. – В ту самую минуту, когда всемогущий Бог отозвал к себе несчастную королеву, в сострадательном сердце графа Нортумберленда возникло сожаление обо мне, беспомощной. Он хотел оградить меня от лишений, не более того; но я была ему сердечно благодарна. «Вы одиноки, Элиа, – сказал он мне приветливо, – я дам вам приют и обеспечу скромную, но спокойную жизнь!»

Я не могла принять это предложение. Граф не понимал, что жизнь моя разбита после кончины королевы. Я не могла покинуть этот маленький дом, где лежали ее дорогие останки. Я отвечала лорду решительным отказом, не заботясь о том, что будет со мной. Я стала жить с тех пор той скитальческой жизнью, от которой ранее спасли меня заботы Екатерины. Когда ее останки повезли в Питерборо, я пошла вслед за ними; когда землей засыпали ее гроб, я вышла из аббатства и начала бродить по городам и селам, распевая баллады и играя на лютне. Я посещала ярмарки, продавала пома-

ду, лекарственные травы и обошла всю Англию; что-то звало меня все вперед и вперед; я не могла пробыть более двух-трех дней в одной и той же местности, не став предметом праздного любопытства, не вызывая вопросов: «Кто она и откуда?» «Есть ли у нее родные, и кто ее воспитывал?» «Она держит себя совсем не так, как мы, она, верно, жила в образованном обществе?» Эти пустые толки возмущали меня до глубины души. Я жила так долго в обществе королевы, что не могла выносить этих грубых манер, этих отсталых мнений, этого неподатливого, упорного невежества. Я шла за толпой, но не сливалась с ней. Характер мой испортился: я стала раздражительна и отвечала часто резко, чтобы положить конец назойливым вопросам. Мне не раз приходилось ночевать на соломе и находить убежище в подвалах и конюшнях. Сколько печальных дум мне пришлось передумать в эти длинные ночи! Иной раз, когда я сидела в зимний вечер в углу какой-нибудь деревенской гостиницы, в ней начинались вдруг неистовые пляски захмелевших гуляк, но, как ни отвратительны были мне эти люди, мне приходилось завидовать им! У них были знакомые, товарищи, родные!..

«Подойди поближе и спой нам что-нибудь!» – кричали мне пьяные голоса. «Да, спой им скорее веселую песенку!» – поддерживала трактирщица. О, Творец земли и неба, чего только я не извела, чего не перечувствовала!

Кочуя из селения в селение и из города в город, я добралась до Лондона; приступы грудной боли и рези в боку, кото-

рым я, конечно, не придавала никакого значения, стали возобновляться чаще.

Богатая еврейка, дававшая мне часто за скудную плату мелкие поручения, уехала внезапно на север королевства, и мое положение стало безвыходным; я часто голодала, и в один из таких невыносимых дней у меня мелькнула мысль продать это кольцо! Я отвергла ее с негодованием; но так как у меня не было средств, чтобы платить за каморку, в которой я жила, то хозяйка выгнала меня под открытое небо. Мне пришлось приютиться в одном из тех кварталов Лондона, где нищета и воровство идут рука об руку с развратом и пороком. Я не могу вам выразить, как повлиял на меня вид этих жалких, грязных и падших созданий, но все, что ни делается, делается к лучшему. Моя горькая жизнь в этих страшных трущобах подарила мне счастье привязаться к другому живому существу.

Рядом с жалкой комнаткой, занимаемой мной в это трудное время, жил, нуждаясь, как и я, молодой человек, чрезвычайно кроткий и симпатичный. Родной отец выгнал его из дома, и вся его семья отреклась от него и бросила на произвол судьбы. Я и теперь не знаю, почему он вдруг восстановил против себя родных; я не требовала никаких разъяснений – так боялась уничтожить мое искреннее влечение к нему, заполнившее мертвую пустоту моей жизни и отчасти мирившее меня с ужасной действительностью. У меня становилось спокойно на душе, когда его печальное и бледное лицо оза-

рялось улыбкой! Я делилась с ним радостно всем тем, что имела, – хлебом насущным, добытым с унижениями у чужого порога.

Голубые и ясные глаза молодой девушки наполнились слезами; она с трудом перевела дыхание и продолжала слабым, слегка дрожащим голосом:

– Как-то в темную, бурную и дождливую ночь я лежала без сна в моей холодной комнатке, обливаясь изнуряющим потом жестокой лихорадки; ветер стих на мгновение, и до ушей моих долетел слабый стон. Я присела на постели и начала прислушиваться: стон повторился явственнее, я расслышала, что он доносится из маленькой каморки моего молодого, несчастного соседа. Сердце мое забилося, невыразимый ужас охватил мою душу. Я соскочила на пол, отыскивала в потемках огниво и кремень и кинулась к дверям его каморки со свечой в руках.

«Кто там! – раздался голос, не похожий на его прежний голос. – Что вам от меня нужно? Я принял яд, дайте же мне умереть».

Я налегла на дверь, и она сорвалась с ржавых петель... Я вбежала в каморку; Уолтер лежал на старом соломенном матрасе; он был бледен, как мертвец.

«Элиа! Это вы?» – спросил он с удивлением.

«Кто же, кроме меня, пришел бы к вам на помощь? Все спят после попойки! – ответила я резко. – Что вы сделали, Уолтер? Вы себя погубили для жизни и для вечности?!»

«Я поддался минуте безумного отчаяния, но упрекать себя в этом нелепо и поздно!»

«Да! Но у вас осталось еще время, чтобы раскаяться перед Всевышним».

«Бог не простит меня!» – произнес мрачно Уолтер.

Я сняла с шеи четки, подаренные мне покойной королевой, и поднесла к губам висящий на них крест.

«Приложите к нему с упованием на милосердие Божие! – сказала я ему. – Он всегда открыт для полного раскаяния».

«И вы, Элиа, думаете, что я, самоубийца, могу надеяться на это милосердие?» – спросил он меня с мучительной тревогой.

«Да, любовь Его к грешному человечеству не имеет границ. Если я в состоянии простить вам ваш проступок, то неужели Тот, Кто пролил кровь свою ради нашего спасения, не помянет вас так же, как помянул разбойника во царствии Своем? Что я в сравнении с ним? Ничтожное создание, которое умело только любить вас, Уолтер».

«Вы любили меня? Почему вы не сказали мне этого раньше, Элиа? А я, жалкий слепец, не видел ничего и сам отказался от жизни и от счастья!»

Уолтер прижал к губам животворящий крест, и из глаз его брызнули благодатные слезы сердечного раскаяния.

Отец мой! – продолжала с тихой грустью Элиа. – Я стояла над ним, утоляя его нестерпимую жажду и делая все, что от

меня зависело, чтобы облегчить его непосильные муки!

– Почему вы не позвали кого-нибудь на помощь? Вы, может быть, могли спасти его от смерти. . .

– Нет, – возразила девушка, качая головой, – соседи наши спали мертвым сном после вечерней оргии, и Уолтер заявил, что не желает никого видеть; он знал, что никакая помощь не спасет его, и я знала и видела, что смерть приближается к нему гигантскими шагами.

Конвульсии и боли усиливались с каждой минутой; бледные губы Уолтера приняли синеватый оттенок, дыхание становилось все более тяжелым и редким; наступила агония, но страшная борьба со смертью была непродолжительной: он вздохнул и скончался, прижимая к груди животворящий крест. . . Отец мой, я поняла только в эту минуту, как любила его и сколько утешения приносило мне это чувство.

Я заперлась на ключ в моей холодной комнатке. Когда настало утро, в камерке, где лежало тело бедного Уолтера, слышались проклятия и грубые ругательства; хозяин и хозяйка этой грязной трущобы, не найдя при покойнике денег, чтобы купить ему гроб, осыпали его упреками и бранью; силы мои иссякли под тяжестью этих мук и волнений – я упала в глубокий, продолжительный обморок. Меня перевезли по моей просьбе в больницу, учрежденную покойной королевой. Добрый доктор Клемент ухаживал за мной с отеческой заботой, но меня тяготила эта однообразная и замкнутая жизнь; что-то влекло меня на простор, на воздух.

Доктор Клемент уступил моим настойчивым просьбам, но потребовал, чтобы я хоть изредка извещала его о состоянии своего уже сильно расстроенного здоровья. Я обещала ему исполнить это требование и вскоре после выхода из больницы вернулась к нему.

Доктор Клемент не делал никакого различия между людьми богатыми и неимущими: он принимал всех согласно очереди. В то время как я дожидалась своей, в приемную вбежал прелестный светлокудрый пятилетний ребенок; он держал в своей нежной, миниатюрной ручке букет живых цветов; за малюткой вошли его мать, молодая и прелестная леди, и отец, чрезвычайно видный и приятный мужчина.

Когда доктор Клемент, отпустив находившуюся у него пациентку, появился в дверях своего кабинета, эти люди подошли к нему с радостными, сияющими лицами.

Мальчик подал ему с улыбкой букет.

«Мы ваши вечные должники!» – сказала молодая и прелестная женщина.

Красивый мужчина подошел к доктору и пожал ему руку.

«Вы сохранили нам больше, чем жизнь: вы сохранили нам нашего ненаглядного, единственного сына!» – сказал он с чувством глубокой благодарности.

Я невольно сравнила себя с этими людьми, подумала об их мирном счастье и моем одиночестве. Я была не в силах дожидаться очереди; я вышла из приемной и больше уже не была у доктора Клемента.

Прошло около месяца; я боролась с болезнью, насколько было можно, но тем не менее весьма скоро поняла, что смерть близка. Я решила немедленно отправиться в Альнвик, для того чтобы вручить графу Нортумберленду венчальное кольцо покойной королевы.

Господь дал мне силы совершить этот путь!.. Смертный час приближается, и я встречу его как желанного гостя!.. Моя жизнь на земле была непродолжительна, но я столько вынесла, что жду не дождусь минуты избавления от страданий и великого счастья соединиться с королевой и Уолтером. Ведь я жду не напрасно? Скажите мне, отец мой!

– Да, милое дитя мое! – отвечал ей священник. – Господь соединит у Своего престола всех любящих Его. Но скажите мне, Элиа, мне хочется узнать, бывали ли вы в церкви?

– Еще бы! – воскликнула она. – Меня влекло туда неудержимо; часы молитвы были единственными светлыми, отрадными часами моей печальной жизни. Когда храм озарялся мягким светом лампад и наполнялся звуками торжественного пения и волнами благовонного ладана, я забывала и прошлое, и настоящее, и будущее. Я встречала и там презрительные взгляды, я слышала, как меня называли цыганкой и бродягой, но горечь смягчалась утешительной мыслью, что храм Божий открыт для богатых и бедных, что никто на свете не вправе выгнать меня из дома моего небесного отца. В тяжелые минуты, когда силы истощались в борьбе с горькой жизнью, я приходила в церковь и, преклонив колени пе-

ред святым распятием, шептала со слезами: «Раненая собака подползает к ногам своего господина, и я, подобно ей, припадаю к ногам Твоим и молю Тебя, Господи, исцелить мое бедное, израненное сердце!»

По лицу старого альнвикского священника потекли слезы.

– Элиа! – сказал он. – Если отец и мать бросили вас на произвол судьбы, то вы найдете на небесах то блаженство, которое не нашли на земле. Уповайте на Бога! Надежда на него никогда не обманет.

– Верю вам, мой отец, – сказала кротко Элиа. – Но я должна сказать, что часто роптала на Создателя!.. Я, помимо желания, спрашивала себя: почему все другие живут спокойно и в достатке и только я одна осуждена на горе? Почему у меня нет ни рода, ни племени, ни друзей, ни пристанища?

– Я не стану оспаривать, вам жилось труднее, нежели другим! – отвечал священник. – Но вспомните, дитя мое, что и земное счастье и земное страдание впадают, подобно рекам, в одно и то же море! Наша жизнь – сновидение! Можно ли дорожить благом, у которого нет и не может быть будущего?

– Вы правы, отец мой, – сказала с грустью Элиа. – Жизнь в самом деле прошла как сновидение! Будь я богата, счастлива, окружена друзьями, то я бы теперь горько пожалела о ней! Но я устала от борьбы и страданий... Я хочу только покоя! Отпустите же мне все мои прегрешения, вольные и невольные, и смойте их с души моей божественной кровью Искупителя!

Элиа замолчала и уронила в изнеможении голову; старый священник простер над ней руки, и в тишине, царившей в комнате умирающей, прозвучали торжественно отрадные слова прощения во имя всемогущего Бога.

На следующий день, когда солнце зашло за высокие горы, когда вечерний сумрак окутал мглой парк и рощи Альнвика, душа молодой девушки перелетела туда, где нет болезней и разлук.

Эпилог

Прошло пять лет с тех пор, как тело Элиа опустили в могилу на убогом кладбище пустынного Альнвика.

Посланный короля быстро вошел за ограду монастырской обители, находившейся в самом дальнем из всех предместий Лондона и оставленной Кромвелем за услуги, которые она оказывала жителям столицы при чумных эпидемиях, столь частых в ту эпоху.

Его ввели в приемную, куда скоро пришел и настоятель обители.

– Отец мой! – сказал посланный. – Я прошу вас от имени моего повелителя молиться и отслужить заздравную обедню за герцога Ричмонда. Он выразил желание, чтобы я повидался с одним из ваших братьев. Он носил в миру имя графа Нортумберленда.

– Пожалуйте за мной! – ответил настоятель.

Они вошли в проход, разделявший два ряда бедных и темных келий, занимавших всю глубину обширного двора, и подошли к дверям стоявшего в конце деревянного здания – монастырской больницы.

Настоятель ввел посланного в скудно меблированную низенькую комнату. Несколько человек в длинных суконных рясах стояли неподвижно возле простой кровати, на которой лежал изнуренный болезнью страдалец.

– Вот тот, кто был когда-то лордом Перси, графом Нортумберлендом! – произнес настоятель, указав на умирающего.

Посланный посмотрел с благоговейным чувством на это исхудавшее, но все еще прекрасное и кроткое лицо и подошел к постели, сдерживая дыхание.

– Уважаемый брат мой! – произнес он вполголоса. – Король Генрих VIII просит вас не отказать ему в ваших святых молитвах.

Нортумберленд открыл погасшие, печальные глаза.

– Потрудитесь сказать мне, чем я теперь могу служить его величеству? – спросил он прежним кротким и приветливым голосом.

– Король, мой повелитель, тоскует день и ночь! – отвечал ему посланный. – Обожаемый сын его, молодой герцог Ричмонд, слабеет с каждой минутой.

Перси привстал на подушках.

– Вернитесь к королю, – произнес он печально и торжественно, – и передайте ему, что я давно молюсь за него и за Англию! Но мои молитвы не спасут герцога Ричмонда: его сводят в могилу слезы несчастной матери; она молит Всевышнего воздать око за око и отнять его жизнь! Только ее прощение, только ее молитвы отведут от него удар!

Голос графа осекся; лицо его покрылось синеватой бледностью; он упал на подушки.

– Преклоним колени и помолимся, братья! – воскликнул

настоятель.

Он взял из рук аббата, сидевшего все время у изголовья Перси, старинное распятие и, положив его на сердце умирающего, стал тихо читать отходные молитвы.

Когда взгляд его, обращенный к небу, опустился на графа Нортумберленда, того уже не было в живых.

На следующий день аббат и настоятель сидели на скамье в монастырском саду; и тот и другой находились еще под впечатлением кончины Генри Перси и выражали сожаление об этой преждевременной и тяжелой потере.

Через некоторое время к ним подошел один из молодых монахов и подал настоятелю молитвенник в простом кожаном переплете.

Это был хорошо знакомый настоятелю молитвенник усопшего графа Нортумберленда.

– Мы убрали сегодня келью в Бозе почившего брата нашего Генри и нашли там молитву, написанную им, – сказал робко монах.

– Дайте ее сюда! – воскликнул настоятель.

Монах подал ему с почтительным поклоном небольшой лист бумаги, исписанный красивым и разборчивым почерком.

– Прочтите ее, сын мой! – сказал старый аббат с большим воодушевлением.

– Повинуюсь вам, отче, – ответил настоятель и стал читать заметно изменившимся голосом отрывок из дневника графа

Нортумберленда.

Вот этот образец дум и чувств, волновавших больную душу Перси в его пустынной и одинокой келье:

«Милосердный Создатель! Сжался над двумя слабыми и грешными созданиями, призванными Тобой в эту скорбную жизнь!

Если я согрешил, отдав всю мою душу Анне Болейн, то прости мне, Творец, этот невольный грех! Вырви все плевели, посеянные в нас сближением со светом.

Боже! Твое могущество превышает моей слабости! Я ничто пред Тобой, но молю Тебя взять ее под Твою всемогущую защиту! Пусть свет клеймит позором ее имя и память, но не отринь ее от Своего лица. Ты, Всеведущий, знаешь, что жизнь моя была непрерывной цепью тяжелых испытаний; пошли же моему утомленному сердцу возможность упокоиться и отдохнуть в могиле. Помилуй и ее, беспомощную женщину, которую Ты вверил моему покровительству. Я забочусь о ней и ее вечном благе более, чем о собственном! Не вниди с ней в суд!.. Я теперь еще в силах умолять Тебя, Господи, но скоро голос мой замолкнет навсегда!.. Солнце клонится к западу... Прости же, Отец небесный, и ее и меня и помяни обоих во царствии Твоем...»

– Достойный брат наш Генри писал это почти пять лет назад, в тысяча пятьсот тридцать шестом году, – произнес настоятель. – Анна Болейн была, если не ошибаюсь, казнена в этом году?

– Да, – отвечал печально добрый старый аббат. – Как он, так и она перенесли немало тяжелых испытаний, но смерть соединила в неразрывном союзе эти родные души, разобщенные жизнью. Любовь – святое чувство! Она нисходит свыше и, бросив яркий свет на путь своих избранников, улетает опять в небесное отечество.